

Бронислава Бонсович

Герцогиня в бегах
Между Сциллой и
Харибдой

Annotation

Продолжение истории Эстефании-Катарины

- [Между Сциллой и Харибдой](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)

- [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
-

Между Сциллой и Харибдой

Глава 1

Решение было принято, оставалась самая малость — выйти из Сиятельного корпуса. Малость это оказалась не столь мелкой, как можно было бы подумать, потому что Альба выступила рьяным стражем Сиятельных тайн и не давала выйти, пока я не принесу клятву. И ладно бы только выйти — горгулья мне закрыла и проход в библиотеку. Хорошо хоть, кормить не забывала, но вина больше никакого не приносила. Наверное, боялась опять сорваться в алкогольный загул.

Памятуя о её уверенности в том, что Рауль смог бы туда попасть, я начала обдумывать, как бы это проверить мне. Но то ли я не была столь сильна, как Рауль (и тогда вставал вопрос об истинном количестве его Кругов Силы), то ли мне просто не хватало знаний. Иногда мне казалось, что в голове не хватает упорядоченности, что всё доставшееся от прежней владелицы тела свалено как попало. Возможно, где-то в этой куче лежат и нужные знания, но сначала её следует разобрать и расставить по полочкам. А ещё открыть все закрытые в моей памяти двери.

— Альба, а разве не противоречит договору то, что вы меня держите в заключении? — коварно спросила я.

Был уже вечер выходного, и я видела в окне, как Рауль нарезает круги вокруг здания, ожидая, когда я выйду. Я с таким же нетерпением желала вывалить на него добытые знания, но между нами каменной стеной стояла горгулья. Словно дуэнья, хранящая честь юной родственницы, она с таким же возмущением относилась к возможности выдачи секретных сведений Сиятельным несиятельным.

— В первую очередь я отвечаю за сохранность Сиятельной тайны, — прокрипела она. — Донья, что вам стоит пообещать никогда никому не рассказывать? Мне самой не нравится ограничивать вашу свободу, уж поверьте.

— Потому что я считаю, что молчать — преступно, — ответила я, удивляясь собственной горячности. Наверное, от Ракель заразилась. — Скрывая это, вы потворствуете преступлению.

— Донья, я не стану делать то, что наносит ущерб Сиятельным. Это нарушение договора.

К Раулю присоединился Альварес, что-то экспрессивно объяснявший, а потом и Ракель. Выглядела она тоже взбудораженной. Но причина последнего выяснилась сразу: на горизонте появился Диего, купавшийся в лучах обожания всех встреченных сеньорит и не особо обращавший на это внимание. Двигался он опять к Сиятельному корпусу. Видно, не потерял ещё надежды сюда попасть.

— А насколько они выполняют свою часть договора? — коварно спросила я. — Вас бросили здесь без поддержки. Большинство фамильяров перешла в состояние анабиоза, из которого они могут не выйти.

— Донья, в Теофрению доступа Сиятельным нет, — напомнила горгулья.

— Вон как раз идёт тот, кому сюда нет доступа, — указала я на Диего, который не выглядел угнетённым. — И не особо он о вас беспокоится. Наверняка ему нужно просто добраться до корпуса и зачистить здесь всё.

— Донья, что вы говорите!

— Правду. Ещё немного — и защита бы пала. Восстанавливать её было бы некому. И что тогда?

— При таком варианте предусмотрено уничтожение корпуса, — глухо сказала горгулья. — В подвале ждёт своего часа магическая бомба. На последние крохи энергии её бы активировали. Ничего не должно достаться обычным магам.

— А всё потому, что они бы поняли, что их всё время обманывали. Сиятельные — не защитники, а паразиты, — убеждённо сказала я. — Они не ценят даже тех, кто им предан. Как, например, вас. Поэтому вы должны меня отпустить.

— Донья, нет, — жёстко проскрежетала горгулья. — Вы должны дать слово, иначе вы останетесь здесь навсегда.

Прозвучало это зловеще. Неужели уже кто-то пытался донести свет истины и провалился, как я, на первом же этапе?

Диего наконец дошёл до Сиятельного корпуса, чтобы в очередной раз попытаться проникнуть внутрь. Надежды он не терял, подходил ежедневно, и судя по появившейся задумчивости на горгульиной морде, сегодня мог преуспеть. Похоже, в глазах Альбы я стала

неблагонадёжной Сиятельной, а значит, как главная этого корпуса, требовала замены. В случае, если Альба решит так сделать, все мои планы пойдут прахом: Диего меня обнаружит, скрутит и отправит... Вот с вариантами, кому отправит — тёте или Теодоро, была некоторая неопределённость, но то, что не оставит здесь, — это точно.

— Не зря этот тип так упорно ломится, — заметила я. — Наверняка собирается запустить бомбу.

— Вы думаете, донья? — горгулья пыталась выглядеть бесстрастной, но беспокойство скрыть не смогла.

— Он же здесь на ненадолго, — пояснила я. — Как только выполнит задачу, отправится домой, а другой возможности уничтожить улики может не выдаться. Сиятельных в Теофрении нет и не будет, а значит, необходимости в таком корпусе больше нет.

Горгулья подозрительно прищурилась:

— А не вы ли, донья, не так давно говорили, что Теофрения взяла курс на обзаведение собственными Сиятельными?

— А не вы ли, Альба, не так давно говорили, что Сиятельные сами решают, где и с кем размножаться? — парировала я. — Доверия у Сиятельного сообщества к теофренийцам нет. Подозреваю, что и вас окрестные Сиятельные воспринимают, как предателей.

— Почему как предателей? — вытаращилась она так, что глаза стали совершенно круглыми, а уши уползли на затылок.

— Вы остались здесь, когда все Сиятельные ушли.

— Но у нас не было выбора...

— Почему? Вы могли подорваться, когда в здании не осталось ни одного Сиятельного. Наверняка на это и был расчёт.

А у меня был расчёт, что горгулья отвлечётся от долбящегося в дверь другого Сиятельного. Но увы, не очень-то он оправдался.

— Вы не знаете, на что рассчитывали уходящие Сиятельные, — мстительно сказала горгулья и, наверняка чтобы меня подразнить, вывела на ближайшую стену изображение с участка перед входной дверью.

Диего стоял спиной к своим возможным поклонницам, а потому совершенно не переживал, как выглядит. А выглядел он нехорошо. Во всяком случае, на моей памяти перекошенная от злобы физиономия ещё никому не шла.

— Какого ксуорса случилось с этим дерьмом?

Голос прозвучал так, словно Диего стоял совсем рядом, я аж вздрогнула от испуга. Впрочем, он и был рядом, но раньше толщина стен и защитные заклинания напрочь отрезали все звуки снаружи. Сейчас же мне показывали не только изображение, но и звук.

— Неужели там все впали в анабиоз? — продолжал пыхтеть снаружи Диего. — Но протокол, протокол почему не был запущен?

Он в сердцах стукнул рукой по двери, оставив на ней пятна крови. А потом принялся выплетать сложное заклинание. Но древние маги заклинали качественно, ничего у Диего не получилось, отчего он разозлился ещё сильнее.

— Что делать? — прошипел он, словно беседа с самим собой позволяла ему собраться с мыслями. — Теодоро дал чёткие указания. Мне нужно туда попасть всего раз.

Говорить я боялась, поскольку не была уверена, что звук не идёт в обе стороны, но посмотрела на Альбу очень выразительно. Она ответила потрясённым взглядом.

Тем временем Диего опять долбанул чем-то по двери, в этот раз используя кулак, усиленный магией. Дверь даже не покачнулась, зато маг разбил костяшки, несмотря на все защиты. Он зашипел и подул на закровившее место.

— Двуетдинь, Теодоро меня убьёт. Ни одного поручения не смог выполнить. Ксуорг бы побрал эту Эрилейскую. Не могли ей голову отрубить сразу. Встречу — лично придушу. Хотя... Жалко. Красивая куколка, хоть и дура. Отвезу Теодоро, пусть душит сам. Или старухе Хаго? Она намекала, что заплатит очень хорошо. Хоть разорвись... Хаго, конечно, предпочтительней, но, если Теодоро узнает и взбесится, мало не покажется. Куколка после Хаго ему точно не достанется, а так поиграет и вернёт опекунше. Но денег я тогда не получу. Дилемма...

Диего паялился в дверь, словно пытался её загипнотизировать. Или меня. Второе даже вероятнее, поскольку у меня появилось сильное желание выйти и двинуть по наглой физиономии со всей кукольной дури.

— Но если я с этим корпусом разберусь, Теодоро уже не будет на меня так злиться, а значит, если я вдруг найду Эрилейскую, её можно будет продать Хаго. Как же вскрыть эту проклятую дверь?

Со стороны Диего было форменным идиотизмом сообщать о своих планах всем желающим. Нет, конечно, я понимала, что защита

здания не пропускает его голос за границу, очерченную заклинаниями, а самому магу хотелось поговорить с кем-то достойным, кем он в Теофрении считал только себя, и тем не менее несдержанностью он профукал единственный шанс, который ему уже почти была готова предоставить Альба. Сейчас же она сидела, как большая каменная собака, лишь изредка поводя ушами. Мрачно поводя, потому что Диего, сам того не желая, подтвердил моё предположение, о том, что местное здание собираются уничтожить. Впрочем, исключить, что на самом деле Диего в Сиятельном корпусе нужно что-то совсем другое, я не могла. Дон мог рваться сюда за книгой или ценным ингредиентом. Знать бы, что ему поручил Теодоро, можно было бы говорить с большей определённой.

Но дальше Диего молчал и сосредоточенно испытывал всё новые идеи по открытию двери, которые ему приходили в голову. Пришло не так уж мало, если учесть, что он здесь развлекается ежедневно, и каждый раз — с новыми вариантами. Но наконец идеи у Диего закончились, и он, напоследок пнув неуступчивую дверь, развернулся и столь же неторопливо, как подходил, начал отступать. Горгулья погасила изображение и повернулась ко мне.

— Как же так, донья? — в её голосе сквозило недоумение. — У нас договор, а он собирается убивать всех наших в этом здании.

— Неужели ради сохранения тайны, Альба, о которой ты так печёшься, ты не готова пожертвовать своей жизнью? — делано удивилась я. — А вот дон Дарок готов пожертвовать не только твоей, а всеми вашими, лишь бы их тайна не вышла наружу. В договоре они разве обещали вас защищать? Уверена, нет.

— Делиться энергией, — выдала содержание договора Альма. — Но, донья, мы же всё для них делали и делаем. Если бы вы знали, что нам стоило сохранить это здание в неприкосновенности. И мы были готовы при необходимости уйти и унести тайну с собой. Но не так. Сейчас же необходимости нет.

Я промолчала, она всё так же преграждала путь к свободе, и хоть её уверенность в былых кумирах была поколеблена, но хватит ли этого, чтобы она признала мою правоту?

— За что они так с нами? — спросила горгулья и неожиданно заплакала.

Слёзы были похожи на слюдяные капли и испарялись, не достигая пола. На всякий случай я к ним не прикасалась, но саму Альбу погладила, положив руку ей на голову и немного почесав там, где начинались уши. Жалко мне было её так, что хоть садись с ней рядом и реви на пару. Но позволить себя этого я не могла.

— Сиятельные считают себя выше всех остальных, — пояснила я.
— Они даже не сомневаются, жертвовать ли кем-то ради своих целей. Они это просто делают.

— Но ведь не все такие?

— Все Сиятельные, с кем я сталкивалась, именно такие. Я вот что скажу вам, Альба, Сиятельность — она как проказа, разъедает всё, до чего дотягивается. Наверное, потому что тянет нужное оттуда, откуда брать ничего нельзя. Нельзя же в комплекте с Сиятельностью в этот мир лезут проклятые черви. Эту дыру нужно закрыть, иначе рано или поздно рванёт.

— Но договор... — почти жалобно проскрежетала горгулья.

— Договор они сами нарушили. Сколько времени вы не получаете энергии?

— Но Сиятельных здесь убивали, они не могли...

— Я же пробралась?

Альба всхлипнула и вывернулась из-под моей руки.

— Донья, мне надо подумать. Подумать и посоветоваться.

Она телепортировалась, оставив после себя взбаламученное пространство, а я бросилась к ближайшей стене на первом этаже, надеясь удрать, пока нет горгульи. Но стена меня не пропустила.

Пришлось вернуться в комнату, ставшую тюремной камерой, и с тоской смотреть в окно, на Рауля, Ракель и Альвареса, которые никуда не ушли. Рауль задумчиво смотрел на Сиятельный корпус, а Альварес с Ракель — вслед Диего.

Махать руками было бессмысленным занятием: через окна снаружи ничего нельзя было разглядеть, и увы, они не распахивались. Только даже если я дам Раулю знать, что в беде, чем он поможет? Будь он внутри — другое дело, но снаружи Сиятельный корпус не расколупаешь. А ведь у меня была именно та информация, которая нужна принцу.

Стук в дверь прервал мои невесёлые размышления.

— Входите, Альба, — обрадовалась я.

Альба пришла не одна. Вместе с ней в комнату ввалилась ещё одна горгулья, крупная и явно мужского пола.

— Донья позвольте вам представить Бернара, — церемонно произнесла Альба.

— Очень приятно познакомиться, — ответила я.

Бернар же разводить политесы не стал, подошёл так близко, что я могла разглядеть каждую царапину на его туловище и сказал:

— Альба мне примерно обрисовала ситуацию, в которой мы оказались. Налицо нарушение договора со стороны Сиятельных, а значит, мы можем пренебречь их интересами. Но возникает вопрос, ради чего нам это делать? Что вы можете нам предложить?

Глава 2

Проблема обозначилась сразу. Гарантии, которые требовались фамильярам, я дать не могла. Даже как герцогиня я была лицом недееспособным, да ещё и зависимым, поэтому моё слово ничего не значило. Гарантом могла стать королевская теофренийская семья. Но вот незадача: чтобы привести сюда хотя бы Рауля, мне требовалось выйти, а выпускать меня не хотели без клятвы, что я никому не расскажу того, что вычитала в книге, на что я пойти не соглашалась. Давай, не давай клятву — проблему с проколом нужно было решать. А как её решать, если я никому ничего не могу рассказать?

— Сиятельность себя изжила, — уговаривала я эту горгульистую парочку. — Сиятельные паразитируют на двух мирах, заодно гробя этот.

— Не преувеличивайте, донья, — проскрежетал Бернар. — Да, Сиятельные несколько высокомерны, но их высокомерие не на пустом месте построено.

— А на обмане населения, — напомнила я. — Прокол надо закрывать, чтобы всякая пакость сюда не просачивалась.

— Опасно это, донья. — Альба явственно поёжилась, отчего по её каменному телу пробежала каменная же волна. Смотрелось это... странно. — Демонических червей тогда некому будет сдерживать, они размножатся и угробят весь этот мир.

— Демонических червей впускает сюда та же дыра, что и Сиятельность, — напомнила я. — И они здесь прекрасно внедряются и интригуют. Вы думаете, восстание в Теофрениии случилось на пустом месте? Три раза ха. А если погибнут все Сиятельные?

Горгульи переглянулись.

— Нам известно, как уничтожить пришельцев, — продолжала я напирать. — А новые не придут, если прокол закрыть.

— Закрыть-то просто, — проскрежетал Бернар. — А попробуй потом открыть. Записей не сохранилось. Маг их уничтожил все.

— А зачем его открывать?

— Так Сиятельность же пропадёт.

— Да пусть пропадает! Что она даёт?

— Вы смеётесь, донья? — всплеснула каменными лапами Альба. — Магии она даёт больше, чем обычному человеку положено, влияние она даёт, силу она даёт и выносливость. Красоту, наконец. И Сиятельный флёр, позволяющий влиять на обычных людей. Не магов, разумеется. На магов так просто не повлияешь.

— И отпугивание тварей, — напомнил Бернар, неодобрительно посмотревший на подругу. — Вот это главное. Остальное — вторично.

— Если тварей уничтожить, отпугивать будет некого, — напомнила я. — Вы же понимаете, что с открытым проколом количество Сиятельных не растёт, а вот количество демонических червей — напротив.

— Сиятельные держат их количество под контролем, — проскрежетал Бернар.

А достаточным они считают количество, которое создаёт только мелкие проблемы на своей территории. Причём каждому на земли соседей плевать: пусть там размножаются иномирные твари в любом количестве. Главное — чтобы к тебе не лезли.

— То есть вы считаете, что сохранение Сиятельности оправдывает уничтожение этого мира? — изумилась я.

— Донья, да кто же его уничтожит? — снисходительно спросил Бернар. — Сиятельные куда сильнее обычных магов. Они всю эту пакость вынесут.

— Скажите это теофренийским Сиятельным, — усмехнулась я. — Что? Некому говорить? В таком случае, когда до вас дойдёт, что Сиятельных точно так же можно убить? И вот тогда мы окажемся перед лицом куда более серьёзной опасности. Потому что дыра останется, а Сиятельных не будет. Да, они являются сдерживающей силой для демонических червей, но те размножаются и влияют на носителей. Теофрения — это только начало. Погибнет мир — погибнете и вы, ведь так? Да, убить вас сложно, но без подпитки энергией вы истаете сами.

— И это нас возвращает к вопросу, кто нам гарантирует эту энергию, — сварливо сказал Бернар. — Донья, мы признаём вашу правоту, мы признаём, что договор с Сиятельными потерял силу, но нам нужны гарантии. Нам нужна уверенность в том, что новые хозяева не бросят нас так же, как это сделали старые, которым мы служили верой и правдой, но которые решили нами пожертвовать.

Я вздохнула и посмотрела в окно. Рауль пристально глядел на Сиятельный корпус. Был он уже один. Наверное, Альварес с Ракель отправились дальше шпионить за Диего. Смысла в этой деятельности я не видела, но Ракель она очень вдохновляла.

— Я вам уже предлагала привести наследного теофренийского принца, чтобы вы договаривались с ним.

Правда, наследным он пока не был, но в случае, если ему удастся договориться с горгульями, непременно станет. Только как я донесу это предложение, если не могу с ним связаться? Вон как подозрительно на меня смотрят обе горгульи, не торопясь соглашаться и выпускать.

— Сама я могу гарантировать что-то только той особи, которая согласится стать моим фамильяром.

— То есть никому, — буркнул Бернар. — Ваш нынешний фамильяр прошёл через такой ритуал, что никто из наших ему не соперник.

— А если я предложу пройти новому фамильяру через такой же ритуал? — заинтересовалась я.

Я сама не понимала, почему так упираюсь с фамильяром, я прекрасно обходилась без него раньше и прекрасно обойдусь дальше. Но что-то прямо-таки свербело внутри, подталкивая разобраться. Если фамильяр не уважает последнего представителя дома Эрилейских, то что-то не то либо с этим представителем, либо с фамильяром. Но если фамильяр не считает меня герцогиней, то на моей жизни отразится это никак не должно, потому что герцогиней я себя не считала сама. Я была пришлой. И если мир уже не казался мне чужим, то Сиятельность выглядела как паразитический нарост, тянущий силу сразу из двух миров.

Похоже, и с фамильяром было что-то нечисто, потому что Бернар и Альба переглянулись, после чего Бернар осторожно спросил:

— А вы уверены в своих словах, донья? Вы знаете, что за ритуал надо проводить?

— Я — нет, — согласилась я. — Но вы же непременно знаете, правда? И сможете меня проконсультировать при необходимости?

— Кратко проконсультировать мы можем хоть сейчас. При ритуале забирается жизнь одного разумного и способность Сиятельности у Сиятельного, — проскрежетал горгуль.

— То есть надо принести кого-то в жертву? — напряглась я.

— Именно. И у того, кого принесут в жертву, душа никогда не уйдёт на перерождение, она будет впитана фамильяром. Это страшная смерть, донья.

— Пожалуй, я недостаточно Сиятельная, чтобы на такое пойти, — пробормотала я. — Но зачем такую жуть делать?

— Этот ритуал даёт огромные возможности фамильяру, над которым проводился, — пояснил Бернар. — Из минусов — его надо повторять. У вашего подходит срок.

Не этого ли страшилась бывшая герцогиня Эрилейская? Хотя, как мне кажется, кровавого ритуала она бы не испугалась, если в результате умрёт не она. Она могла вообще про него не знать: ни в одном из изученных мной книг не было даже упоминания о ритуале для фамильяра. Но тётушка замарана точно: не зря же её бывшая подруга говорила, что потеряла Сиятельность после ритуала, после которого сама графиня Хаго очень изменилась...

— А что будет, когда срок окончательно подойдёт?

— Фамильяр прекратит своё существование. Но я бы не стал на вашем месте рассчитывать на такой исход: такие ритуалы проводят, только если у рода с фамильяром неразрываемый договор.

— Он чем-то отличается от вашего?

— Разумеется. Такой захочешь — не нарушишь, — пояснил Бернар. — Там считай, глава рода наложил ограничение на все поколения наследников. Поэтому гибель фамильяра произойдет только с гибелью рода и то не факт: его могут передать другому роду.

Было над чем подумать. Получается, что я как последняя представительница, должна провести этот ритуал? Прошлый раз его явно выполняла тётушка, и даже подружкой пожертвовала. Можно ли проводить его одному и тому же лицу дважды? И почему сбежала прежняя Эстефания, если Сиятельные за свою Сиятельность держатся до последнего? Не факт, конечно, что сбежала из-за того, что на неё накладывалась отвратительная обязанность, но и отбрасывать такую вероятность я бы не стала. Пока мне очень не хватало данных.

— А поподробнее рассказать про ритуал вы можете?

— Только после того, как вы согласитесь и будет заключён договор, — отрезал Бернар. — И в случае, если найдётся фамильяр, готовый в нём участвовать, потому что он получит не только усиление,

но и серьёзные ограничения. На это не всякий пойдёт. Донья, давайте отложим этот разговор до того времени, когда вы разберётесь с собственным фамильяром.

— А если я не разберусь с ним?

Глаза Бернара сверкнули самоцветами. Но были ли это злость или сочувствие, я не поняла.

— Тогда он разберётся с вами, — отрезал он. — Походит срок нового ритуала. Год, максимум два, а дальше... Нарушение договора никто не прощает. У вас с ним очень крепкая связь. Вы последняя в роду?

— Ещё тётя. Но она была замужем, овдовела. Это как-то влияет?

— Формально она относится к роду мужа. Так что вы последняя, вам и решать. Нарушив договор, сознательно или нет, вы получите сильный откат.

— Насколько сильный?

— Это будет зависеть от того, что прописано в договоре с фамильяром.

И почему никто ничего не объясняет прямо? Все говорят какими-то невнятными намёками, словно... словно находятся под магическими клятвами? Действительно, в мире магии должны быть прописаны чёткие взаимоотношения между магическими существами, которые не должны быть достоянием любого желающего.

Теперь в окно смотрела не только я, но и обе горгульи. Оценивающе так смотрели, поэтому я сделал ещё одну попытку.

— И всё же давайте я приведу Его Высочество Рауля, и мы выясним, насколько Теофренийский королевский дом заинтересован принять под своё покровительство всех фамильяров, оставшихся без хозяев.

— Они не Сиятельные, — чуть слышно буркнула Альба.

— Конкретно этот силён, — заинтересованно заметил Бернар. — Даже не все Сиятельные обладают таким потенциалом. И донья права: если сила некоторых магов завязана на дырке, которую могут прикрыть с обеих сторон, то возможны неожиданности. Если все Сиятельные перестанут быть таковыми, то что делать нам?

— А они перестанут, — мстительно заметила я. — Давайте так. Я поклянусь, что ничего не скажу о прочитанном, пока опять не появлюсь в Сиятельном корпусе. После этого моя клятва потеряет

силу, каждый останется при своём, а вы сможете переговорить с Его Высочеством Раулем Теофренийским. Подумайте только, если вы достигнете договорённости, чьей энергией вы будете подпитываться. Не каждый может похвастаться, что он личный фамильяр принца...

Последний довод оказался решающим. Или горгульи поняли, что я скорее умру тут от голода, чем соглашусь молчать до конца жизни, а значит, им и работа лишняя по утилизации тела, и отсутствие подпитки магией. То есть сплошные минусы и ни одного плюса. А так хоть энергией кто-то поделится — и то хлеб.

Клятву я дала, проверила, что поблизости никого, кроме теофренийского принца, нет и тут же выскочила из здания, ничем больше не удерживаемая. Рванула я, разумеется, к Раулю, который меня заметил тут же и почти побежал навстречу. Я запнулась, но он успел меня подхватить и продолжал удерживать, словно опасался, что после длительного пребывания в Сиятельном корпусе я потеряла способности контролировать тело в пространстве. Со стороны мы наверняка смотрелись, как влюблённые после долгой разлуки. Но про это, к сожалению, я подумала куда позднее.

— Есть шанс решить все ваши проблемы, Рауль, — бросила я не только без вступительных слов, но и без приветствия. — И даже больше.

И коротко обрисовала вырисовывающие возможности. Принц слушал меня внимательно, и его эмоции выдавали разве что чуть прищурившиеся серые глаза, которые по мере моего рассказа темнели всё сильнее.

— Фамильяра, конечно, занять весьма заманчиво. До сих пор они были только при Сиятельных. Но я не вижу, каким образом я решу мои проблемы, если обзаведусь магическим помощником.

— Это только первый этап, — ответила я. — Если они согласятся перейти под вашу руку, то вы узнаете, в чём причина происходящего в вашей стране и как с этим справиться.

— А если мы не договоримся?

— А вы не хотите с ними договариваться? — удивилась я.

— Я не знаю, что они запросят и смогу ли я им это дать.

Я заметила движение сбоку, повернулась и встретила глазами с Эрнандес, которая тут же замерла, вытаращившись на нас. Эх, надо было хоть отвод наложить, но я не подумала, что кто-то так быстро

появится. Увидеть, что я вышла из Сиятельного дома, она не могла, но мне и сплетни про роман с Раулем не нужны. Я повела плечами, освобождаясь из его рук, и сказала:

— Уверена, что вы с ними договоритесь. Это в интересах обеих сторон.

Он тоже заметил Эрнандес нахмурился и бросил на нас отвод глаз. Сеньорита сразу потеряла нас из виду, но не сказать, чтобы это её сильно расстроило: хищная улыбка, появившаяся на её лице, намекала на весёлый день у меня завтра. Испугаться я не испугалась, но неприятно стало.

— Что ж, попробуем договориться, — решил Рауль.

Глава 3

Возможно, не нуждались бы столь сильно бесхозные фамильяры в поддерживающей их существование энергии, договориться бы не получилось, так как что у Бернара, что у Альбы время от времени в разговоре проскальзывало нечто неуловимо презрительное по отношению к несиятельному собеседнику. Замечал ли это Рауль? Наверняка. Но невозмутимо продолжал разговор. Точнее, торговлю. Горгульи решили, что если уж они понижают свой статус, то должны получить за это компенсацию. Со своей стороны, Рауль, похоже, решил, что он тоже может рассчитывать на компенсацию, если уж уважения не отсыпают.

— Бернар, а вы вообще уполномочены говорить от всех? — не выдержала я.

Сидели мы в общей гостиной, и, хотя разговор уже длился достаточно давно, Раулю не предложили никакого угощения. А ведь это диктовали обычные правила вежливости. Мне не предлагали тоже, но горгульи были на меня в большой обиде, что и доносили всеми возможными способами.

— Я уполномочен, — подтвердил Бернар. — Я считаюсь главой местного анклава, поэтому имею право принимать решение за всех. Но я отвечаю и за то, что наша сторона не будет ущемлена.

— Поэтому вы должны как можно скорее договориться с Его Высочеством Раулем Теофренийским, — как можно небрежнее сказала я. — Потому что, когда Сиятельность пропадёт, а она непременно пропадёт, вы будете единственными, кто окажется готов к такому повороту.

Горгуль повернулся ко мне и уставился мёртвым каменным взглядом.

— Я одного не могу понять, донья, — проскрежетал он. — Почему вы предаёте своих? Вы согласны утратить Сиятельность, которая является недостижимой мечтой для большинства, лишь бы её утратили и остальные.

Ко мне повернулся и Рауль.

— А ведь знаете, Катарина, мне тоже это интересно, — неожиданно сказал он. — Вы так спокойно говорите, что можно уничтожить Сиятельных...

— Не Сиятельных, а Сиятельность, — торопливо поправила я его. — Я против какого-либо убийства. Рауль, Сиятельность держится на подпитке извне, на проколе в другой мир.

— Донья, вы же обещали! — возмутилась Альба.

— Я обещала, что ничего не скажу о прочитанном, пока опять не вернусь сюда. Я здесь, а значит, я не нарушила обещание, — возразила я.

— В случае чего просто не выпустим обоих, — меланхолично заметил Бернар.

Но судя по вспыхнувшим глазам, которые он быстренько притушил, он попросту блефовал.

— В случае чего мы просто вынесем изнутри защиту здания, — отрезала я. — Не обольщайтесь.

Если Рауль и удивился моей уверенности, то этого не показал, лишь склонил голову, подтверждая мои слова. А может, ему и удивляться не пришлось, если он уже в прошлое посещение понял, что может здесь всё сломать. Другое дело, нужно ли...

— Донья, как вы можете быть на их стороне? — простонала Альба. — Двуетиный, как же я ошиблась, дав хозяйское право вам, а не тому милому Сиятельному, который не скрывает свою суть, но которому не повезло появиться позже.

— И который собрался вас подрывать? — мило улыбаясь, уточнила я. — Я не замечала за вами склонности к суициду. Напротив, мне казалось, что вы хотите выжить.

— Мы хотим выжить, — согласился Бернар. — Но уничтожение защиты здания нас тоже уничтожит пусть и не сразу. Да, я не уверен, что смогу унести вас с собой, но библиотека будет стёрта в порошок. А она вам нужна.

— Нужна, — согласилась я. — Но самое главное оттуда я уже знаю. А именно: Сиятельность даёт некая энергия, приходящая из другого мира, а вместе с ней сюда, как противовес, поступают червеобразные демоны, которые медленно, но верно захватывают власть. Подозреваю, когда они её захватят окончательно, здесь не

останется не только Сиятельных, но и людей вообще. А с нами уйдёте и вы.

— Вы уверены, Катарина, в том, что говорите? — с долей недоверия спросил Рауль. — Я помню, что вы по какой-то причине обижены на графиню Хаго, если не на Сиятельных в целом, но это не может быть достаточным основанием для подобного заявления. Это слишком серьёзно, чтобы игнорироваться Сиятельными.

— У них есть заклинания по вычистке, — ответила я. — Чтобы их использовать, не надо быть Сиятельным. А исходя из того, что проблемы ширятся и затрагивают теперь не только Теофрению, можно сделать вывод, что черви не только адаптировались, но и проводят успешную экспансию при попустительстве Сиятельных, которые о них прекрасно знают. И кстати, маг, который сделал прокол, хотел его закрыть, только ему не дали. Прокол опасен, поэтому я не могу понять Сиятельных, которые живут по принципу «После нас хоть потоп».

— Потоп? Что вы имеете в виду, Катарина? — недоумённо спросил Рауль.

А я поняла, что понятия не имею, на чём основаны местные верования и какие теологические истории здесь в ходу. Не удосужилась я залезть даже в тоненькую книжечку по основам религии, а зря. Что вот сейчас говорить про потоп, если тут мифов про него не было? И маркизы Помпадур, которая ввела в оборот выражение, тоже не было. Зато были Сиятельные, которые не только прекрасно бы поняли, что она имела в виду, но и поддержали бы.

— Я имею в виду, что им абсолютно всё равно, будет ли существовать после них мир. Главное — их собственное положение.

— По факту паре поколений ещё ничего не грозит, — недовольно возразил Бернар.

— По факту, если ничего не делать, то через пару поколений что-то исправить будет невозможно. Прокол надо закрывать быстро, а потом быстро вычищать остаток червей, которые, кстати, могут сдохнуть без подпитки из родного мира.

— А могут не сдохнуть, — проворчал Бернар.

Его каменная физиономия искажалась гримасой недовольства. Не нравилось ему, что до столь очевидных вещей он не додумался сам, а принимать мои выводы считал ниже своего достоинства.

— Это можно выяснить экспериментальным путём. Одно точно — оттуда дополнительных легионов не будет, если прокол схлопнется.

— Донья, вы молоды и импульсивны. Вы не осознаёте, что тоже потеряете Сиятельность, — грустно сказала Альба.

— Если бы Сиятельность представляла для меня ценность, меня бы здесь не было, — отрезала я.

— Донья, Сиятельность осталась при вас, — напомнила Альба. — Вы просто её замаскировали, но пользуетесь почти всеми преимуществами и всегда можете вернуть. А так вы потеряете её насовсем.

— Лучше жизнь без Сиятельности, чем Сиятельность в гробу, — отрезала я. — Причём не факт, что этот гроб вообще будет.

Горгульи переглядывались. Как мне показалось, они общались ментально, не желая делать предмет обсуждения общим достоянием.

— Так вот, возвращаясь к нашему разговору. Мне кажется, что ваши требования к Его Теофренийскому Высочеству завышены, потому что вы в нём заинтересованы больше, чем он в вас. Уясните это наконец и начните относиться с должным уважением к нему, как к принцу и как к сильному магу.

— Нам нужно подумать, — проскрежетал Бернар.

После чего они вместе с Альбой удалились из гостиной. Надеюсь, за угощением, а то у меня уже горло пересохло от непрерывной болтовни. Какие же они упёртые в своём отношении к Сиятельным. И ведь сами к ним не относятся, а только прислуживают за плату в виде энергии. Так какая разница, чья энергия им скормится?

— Что это за книга, о которой вы говорили, Катарина?

— Думаю, как раз та, что вам нужна. Которую вы просили скопировать.

— Знаете, Катарина, в вас есть что-то неправильное, — неожиданно сказал он.

— Подозреваете, что я не Сиятельная, а только притворяюсь ею? — неловко пошутила я.

— Нет, в этом как раз у меня была возможность убедиться, — усмехнулся Рауль. — Но в вас есть нечто, сильно меня смущающее. У вас проскальзывают странные выражения, источник которых, как я ни пытался определить, не получилось. Лёгкое отношение к возможности потерять привилегии своего класса тоже нехарактерно для

Сиятельных. И поведение у вас несколько не соответствует поведению герцогини. А вы ведь герцогиня Эрилейская...

Он замолчал, но мне нечего было ему сказать. Возможно, принц вообще ничего не знал о переселении душ, а меня связывала клятва, перехватывающая горло даже при намёках. Но умному сеньору будет достаточно даже не намёка, а тени от него.

— Любой анализ подтвердит, что я — герцогиня Эрилейская. Абсолютно любой.

Я выразительно посмотрела на Рауля, он смотрел пристально на меня, но, боюсь, в его взгляде было не понимание, а нечто совершенно другое. То, что как раз очень мешает пониманию, потому что любые чувства туманят мозги не хуже крепкого вина. Возможно, это мне только казалось, потому что его взгляд смущал меня саму, и я торопливо добавила:

— После тюрьмы, где я находилась по обвинению в покушении на Теодоро, большая часть памяти оказалась мне недоступной. Многие вещи приходится учить заново, но если я что-то знала, то повторное обучение проходит быстро, словно я «вспоминаю».

— То есть вы совсем никого и ничего не помнили после тюрьмы?

— Нет, почему же... Просто иногда бывало, что я знаю, как зовут человека, но что он из себя представляет — нет. Словно из папки с его описанием вынули все бумажки и теперь мне предстоит вкладывать новые. Свои.

— Свои?..

Горгульи вернулись не вовремя, как это обычно у них бывало. Или вовремя, потому что разговор хоть и пошёл туда, куда мне надо было, но добавить к своим словам я всё равно больше ничего не могла бы. Даже кивок при необходимости — и тот под запретом.

Судя по всему, хозяева этого здания решение приняли, потому что Альба катила тележку, заставленную едой в несколько рядов. И бутылок там было несколько, среди которых я углядела копию той, что мне чрезвычайно понравилась в прошлый раз.

— Ваше Высочество, — церемонно сказал Бернар, — в целом мы решили принять ваше предложение. Но возникает ряд пунктов, требующих уточнения. В частности, что будет с этим корпусом? Вы же понимаете, что он строился, как здание для привилегированных и не может быть отдан на растерзание простолюдинам.

— Он может служить жилым корпусом для представителей королевских домов, — предложил Рауль сразу же. — Как я понимаю, здесь много литературы, которая не должна быть в свободном доступе?

— Именно так, Ваше Величество, — радостно ответил Бернар. — Приятно встретить столь понимающего сеньора. Часть из той литературы, что здесь есть, не показывали даже большинству Сиятельных.

Судя по всему, он уже смирился с тем, что его новым хозяином будет не сиятельный, и всячески намекал Раулю на свою полезность, как фамильяра. Тот же особой заинтересованности не выказывал, во всяком случае внешне, хотя внутри там наверняка бушевали эмоции. Как-никак, сейчас происходит историческое событие: ему передают Сиятельный корпус вместе со всеми тайнами. Но внешне Рауль был собран и невозмутим, и они с Бернаром столь дотошно обмусоливали каждый пункт договора, словно были ближайшими родственниками. Родственниками они, конечно, не были, но братьями по духу — точно. Большая часть обсуждаемого, мне была непонятна, а значит, неинтересна. Я подошла к столику с едой и предложила Альбе, которой, судя по её виду, тоже не удалось разобрать тонкости будущего договора:

— По бокалу вина, пока наши... представители решают последние вопросы?

Горгуля заинтересованно кивнула, но налить ей я не успела.

— Альбе нельзя пить! — всполошился Бернар. — У неё непереносимость вина, донья.

— Неправда! — возмутилась та. — Я просто быстро пьянею, но столь же быстро трезвею.

— За то время, что ты трезвеешь, обычно происходит что-то очень нехорошее, — с явным намёком заявил горгуль. — Размягчение мозгов, вот как это называется. Потом они затвердевают, но сделанного обычно не воротишь.

Это был точно намёк на косяк с книгой из библиотеки, потому что Альба виновато посмотрела сначала на него, потом на меня.

— В закостеневших мозгах тоже нет ничего хорошего, — заметила я исключительно из вредности. — Они мешают увидеть перспективу.

— Свои мозги вы можете размягчать сколько угодно, — заявил Бернар. — Всё равно там костенеть нечему.

— И это ваша благодарность за то, что я помогаю выйти из тупика, в который вы себя загнали сами?

— Донья, если кто-то когда-то узнает, что вы приняли участие в происходящем, ни один Сиятельный с вами разговаривать не будет.

— Я бы не сказала, что это сильно меня расстроит, — ответила я, но вино налила только себе: Альба даже отошла в сторону, только бы не соблазняться видом выпивки, а Раулю сейчас нужна не менее трезвая голова, чем его собеседнику.

— И ни один Сиятельный на вас не женится, — гордо заявил Бернар, уверенный, что своим предсказанием полностью уничтожил мою самооценку.

— Выйду за несиятельного, — я подмигнула опешившему горгулу и отпила из бокала. — Или вообще не выйду. Положу свою жизнь на алтарь науки.

— Какой науки? — опешил Бернар.

— Магической.

— Донья, я ошибся, вам тоже нельзя пить.

— Просто нужно закусывать вовремя. Может быть, вы прервётесь и разделите со мной ужин? — предложила я. — Если Альбе нельзя пить, то есть-то ей можно? Или еда на вас оказывает наркотической действие?

— Мы почти закончили, Катарина, — вклинился в наш разговор Рауль. — Осталась пара не слишком важных пунктов, по которым мы пока не пришли к договорённости.

— Если они для вас не важны, — повернулся к нему Бернар, — тогда примем мой вариант.

— Ваш вариант никак нельзя принять, — ответил Рауль столь горестно, словно действительно об этом жалел. — Потому что...

И дальше он заговорил на языке юридических терминов, из которых мой слух, не иначе как обострившийся в результате пары глотков правильного вина, внезапно вычленил словосочетание «клятва для души и клятва для тела».

— Клятва для души и клятва для тела? Зачем такие сложности? — невольно спросила я. — Зачем отдельные? Разве клятва не общая?

— В данном случае нет, — пояснил Рауль. — Ваш вопрос извиняет только то, что про магические клятвы вы ничего не знаете. Есть несколько стадий, в зависимости от серьёзности клятвы и серьёзности последствий. Кроме того, когда речь идёт о фамильярах, которые могут менять тела, то никакие предосторожности не лишние.

— То есть при смене тела клятва аннулируется? — заинтересовалась я.

— Такая, которую мы обсуждаем, — нет, — терпеливо пояснял Рауль.

— Вообще нет? Или на теле десятом?..

— Вообще нет.

— А если в освобождённое тело вселится другая сущность, она тоже будет под клятвой? — я сейчас ходила по грани, но моя клятва нарушением это не посчитала. Возможно потому, что я старательно твердила про себя: «Это чисто исследовательский интерес».

— Вопрос неоднозначный, — задумчиво сказал Рауль. — Если вселится другая сущность, то она не будет иметь доступа к памяти выселенной.

— Почему же? — важно заметил Бернар. — Это зависит от того, на каких условиях вселялась сущность. Иногда ей бывает доступна вся или часть памяти тела.

— Не знал, — удивлённо сказал Рауль. — Так точно можно делать?

— Можно, но... — Горгул поморщился. — Такие ритуалы все среди запрещённых, поэтому если кто ими и владеет сейчас, то только старинные Сиятельные семейства. Уходят знания, уходят.

— Как интересно...

Глава 4

Обсуждение затянулось, но поскольку оно меня уже не касалось, а Альба столь укоризненно глядела, что находиться в её компании становилось неуютно, я пожелала им побыстрее прийти к взаимопониманию и пошла спать. Нет, не в общежитие — оно было уже закрыто, а в спальню, которая становилась мне куда привычней общежитской комнаты. Во всяком случае, спалось там изумительно.

Утром оказалось, что выводить Рауля за ручку больше не придётся: выяснилось, что ему дали полный доступ в корпус, как мне. Подозреваю, что даже более полный, если это возможно. Принц выглядел сонным, но довольным. Горгульи расстроенными тоже не казались. А значит, пришли к компромиссу, устраивавшему обе стороны.

Накрыли нам завтрак в общей гостиной. Вина к нему не полагалось, зато полагался огромный кофейник крепкого свежесваренного кофе. А ещё булочки, которые выглядели свежее испечёнными, хотя повар, их готовивший, уже давным-давно умер. Но они были такими вкусными, что все грустные мысли по этому поводу в голове не задержались. Не думаю, что повар, который делал столь изумительную выпечку хотел бы, чтобы едок грустил, когда ел.

— Какие планы на сегодня? — спросил Рауль.

— Учиться, — чуть удивлённо ответила я. — У меня совсем скоро начинаются занятия. Да и у вас наверняка тоже.

— У меня сегодня в планах только научная работа. И занятие с личной ученицей, естественно.

— Знаем мы эти занятия, — еле слышно пробурчала донья. — Смотрю, планы по заселению Теофрении личными Сиятельными все еще в силах.

Говорила она настолько тихо, что услышать мог бы только Сиятельный, а никак не простой маг. И слова её, разумеется, были обращены ко мне.

— Конечно, — неожиданно ответил Рауль. — Нельзя всё ставить на одну лошадь. А вдруг прокол не удастся закрыть? Тогда срывается

запасной план. Катарина, вы же меня поддерживаете?

— Размечтались, Рауль, — фыркнула я. — В моих ближайших планах размножения нет.

— А кто говорит о ближайших? Я о будущем. Неужели у вас и в будущем не появится желания размножиться?

— Ой, да не морочьте донье голову, — возмущенно проскрежетала Альба. — Она себе еще найдет кого-нибудь без таких обременений.

— Вы о чём? — удивился Рауль.

— А то вы сами не знаете, — скривилась горгулья так что камень пошёл волнами. — Донья, а ну-ка быстро идите на занятия, а то опоздаете.

Она отконвоировала меня до выхода, проверила, что рядом никого нет, и только потом разрешила выйти, на прощанье проскрежетав:

— Будьте бдительны, донья. Вы — Сиятельная герцогиня, а он всего лишь несиятельный принц. Вы можете рассчитывать на лучшую партию.

— А если Сиятельные исчезнут как класс? — огорошила я её.

— Тогда у него есть шансы, — признала она с большой неохотой. — Но не раньше. Не давайте ему ложных надежд, донья. Пусть сначала покажет, чего он стоит. И стоит ли вообще. Принцы, они разные бывают... Эх, не по душе мне то, что вы затеяли, да разве против судьбы сыграешь?

Мне показалось, что по её щеке потекла капля слюдяной слезы, но рассмотреть я не успела, Альба ловко вытолкнула меня наружу, через стену в густые кусты. Будь они чуть агрессивней, я бы проткнула не только одежду, но и себя. Но возвращаться и ругаться я не стала, времени действительно до занятий оставалось не так много. На всякий случай я забежала в общежитие, но Ракель там уже не было. Пришлось идти на занятия без подруги. Обнаружила я ее перед аудиторией, в которой у нас планировалось первое практическое занятие. Если не считать таковым, конечно, физподготовку, которую вёл Диего. Там тоже, как не крути, была практика, но не такая, о которой мечтает каждый маг.

Ракель что-то активно обсуждала с нашими одноклассниками, но меня заметила сразу, махнула рукой, а потом не выдержала и сама метнулась навстречу.

— Вернулась? — обрадовалась она. — Ты как?

В её голосе чувствовалось искреннее беспокойство, и врать ей хоть и было необходимо, но оказалось очень противно, прямо противоестественно. Да, на правду она отреагировала бы, скорее всего, однозначно, записав меня во враги. Но если нет? Нельзя любовь и дружбу строить на лжи, ничего хорошего из этого не получится.

— Ракель, я не хочу про это говорить. Что прошло, то прошло, — ответила я. — Прошлого мы изменить не можем. Но можем изменить будущее, а для этого нам надо хорошо учиться.

— Это да.

Она хотела добавить что-то еще, но тут подошла преподавательница, довольно небрежно одетая сеньора Сапасар. Лет ей было что-то около сорока, но она уже напрочь махнула на себя рукой. И дело даже не в выбивавшейся из причёски одинокой седой пряди, а в общем впечатлении. Сеньоре было совершенно наплевать на то, как она выглядит. Неинтересно ей это было. Огонь в глазах зажигался, только когда она говорила о своём предмете — прикладной алхимии.

— Ну что, мальчики и девочки, — предвкушающе потёрла она руки, — готовы ли вы вкусить все прелести магической практики?

Выкрики «готовы», «разумеется» и «а зачем мы сюда пришли, по-вашему» она восприняла как само собой разумеющееся и продолжила речь:

— Сегодня вам предстоит сварить своё первое зелье, но, если будет на то воля Двуетного, не последнее. Чего только вы не будете варить. Ох и надоест же вам моя дисциплина.

Она обвела всех хитрым взглядом, и студенты тут же дружно принялись её уверять, что не надоест и что им не терпится приступить к занятию. Но к занятию их никто не допустил сразу же. Сначала была прочитана короткая лекция по технике безопасности главным выводом которой было: кто умрёт, тот виноват сам. Потом нам показали оборудование, которое будет использоваться сегодня, и раздали листочки с чёткими инструкциями. Причём, кроме инструкций, в скобочках было указано, к чему приводят ошибки. Я вчиталась, и ошибаться резко расхотелось. Нет, так-то ошибаться не хотелось и раньше, но я опасалась показать ненужные умения. Но лучше я покажу ненужное умение, чем обзаведусь ненужными пятнами.

— В конце концов, любой, кто хотя бы единожды что-нибудь готовил поесть себе или другим, без труда справится с заданием, — наконец оптимистично сказала сеньора Сапасар и широким жестом предложила нам занимать рабочие места.

О плотном завтраке я пожалела сразу, потому что отпугивающее нечисть зелье, которое мы готовили, оказалось необычайно вонючим, начиная с первой же стадии. Подозреваю, что оно отпугивало не только нечисть, но и всех, у кого обоняние было хотя бы в зачаточном виде, потому что находиться вблизи источника этого аромата было почти невыносимо. Удивляло, что кроме меня никто не морщился и не удерживал позывы к рвоте.

— Сеньора Сапасар, а зелье должно так вонять? — поинтересовалась я на всякий случай.

Она подхватила, подбежала ко мне и недоумённо поводила носом.

— Не преувеличивайте, сеньорита...

— Кинтеро, Катарина Кинтеро, — подсказала я.

Моя фамилия ей явно была знакома, причем в связи с версией Рауля, потому что взгляд сразу стал сочувствующим, но тем не менее она сказала:

— Не преувеличивайте, сеньорита Кинтеро. Да, запах немного неприятный, но непереносимый он только для Сиятельных, а вы ведь не из них?

— У меня очень тонкое обоняние, — мрачно ответила я, прикидывая, сколько ещё неприятностей могут принести мне мои Сиятельные особенности и смогу ли я избегать в дальнейшем подобных ловушек.

— В таком случае просто постарайтесь побыстрее закончить, — сочувственно сказала она. — Это зелье выбрано из-за лёгкости изготовления, и студенты, для которых оно воняет, встречаются крайне редко. Зато на нём отрабатываются все необходимые навыки. Впрочем смотря, они у вас уже имеются. Любите готовить?

— Очень люблю, — быстро согласилась я, пока преподавательница не выдвинула другую гипотезу.

Вонь с каждым этапом приготовления усиливалась, я чувствовала, что соображаю всё хуже, и двигалась, используя автоматически отработанные еще прежней владелицей тела движения.

— Оно и видно. — Она помолчала и внезапно предложила: — У нас есть вакансия лаборанта. Не хотите пойти на четверть ставки? Времени отнимет не так много, зато получите практику и деньги. Не большие, конечно, но все же собственные.

— А что нужно будет делать? — осторожно уточнила я.

Предложение было заманчивым, я и сама подумывала о подработке, но если придётся проводить пару часов в вони, то я лучше поищу что-то другое.

— О, Катарина, не переживайте, — заговорщицки понизила она голос, — ничего такого вонючего делать не придётся. Базовые зелья, которые идут как основа или компонент к другим зельям. Обычно они по запаху нейтральные, с резким почти не встречаются. И в этом отношении вас обострённый нюх пойдёт только на пользу, потому что, если что-то вдруг завоняет, зелье однозначно окажется испорченным.

Предварительно мы с ней договорились, но окончательный ответ я решила дать, когда посоветуюсь с Раулем и узнаю, насколько описание вакансии соответствует действительности. О том, что у меня дополнительные занятия из-за высокого дара, сеньору Сапасар я предупредила сразу.

— А кому в этой жизни легко? — философски поинтересовалась она.

Тут я как раз закончила все этапы зелья, и оно заблагоухало особенно мерзко. Зато я смогла его сдать и выйти из аудитории в коридор, воздух в котором показался настоящей амброзией, поскольку на дверном проёме аудитории стояли фильтры, не позволявшие пробиться запахам наружу. Я могла поставить такие на себя на занятия, но побоялась: слишком много странностей в одной студентке гарантированно навели бы сеньору Сапасар на ненужные мысли.

В коридоре я дождалась Ракель, которая вышла только с концом занятия и ужасно расстроенная неудачей, потому что нужное у неё не получилось. Зато и не взорвалось, как у кого-то из парней.

— Знала бы, непременно помогала бы маме хотя бы с завтраком, — выдала Ракель. — Кто бы мог подумать, что кулинарные навыки столь важны в магии.

— Принцип один, — заметила я. — Что там, что там: добавляй по рецептуре и знай помешивай.

— А магия?

— Так она в рецептуру входит. Добавляй, как написано — и все будет замечательно.

Ракель засмеялась и немного успокоилась. Да и переживать времени у нас не было, начиналось следующее занятие: лекция по бытовым заклинаниям. Была она общая для всего курса, и первую, кого я увидела в аудитории, оказалась Эрнандес. При моём появлении сеньорита скривилась и бросила:

— И имеют же наглость некоторые втираться в компанию честных девушек.

— Это ты про себя? — уточнила я. — Не переживай, не вотрёшься. Честные девушки от тебя шарахаются, как от прокажённой.

Ноздри у неё начали раздуваться, как у впадающей в бешенство лошади, но ответила Эрнандес почти спокойно. С улыбочкой победительницы.

— Это я про тебя. Кто-то говорил, что между тобой и принцем Раулем ничего нет, а я своими глазами вчера вечером видела, как вы целовались.

Посмотрела она на меня уничижительно, но мне было что ответить.

— Что-то не то с твоими глазами, милочка. Если они видят то, чего нет, это повод обратиться к целителям и пожаловаться на галлюцинации.

— Какие галлюцинации? — медово пропела эта змеючка. — Вы стояли недалеко от Сиятельного корпуса, я очень хорошо всё рассмотрела.

Говорила она громко, чтобы, не дай Двуетиный, никто не пропустил её вздорные обвинения. Целовались, надо же! И в мыслях не было. Во всяком случае, у меня. Что там в мыслях у Рауля, знает только он.

— Да что ты несёшь! — возмутилась Ракель. — Катарина вот только утром приехала. Как она могла вчера с кем-то тут целоваться?

— Так наверняка не только целовалась, — презрительно бросила ей в ответ Эрнандес. — Потому что принца я с утра видела, и он совершенно невыспавшийся.

— Это ты кого сейчас хочешь оскорбить? — поинтересовалась я. — Меня, намекая, что я провела эту ночь со своим учителем? Или его, намекая на то, что он мог использовать для своего удовлетворения

спящую девушку? Потому что как раз я выспавшаяся, как ты видишь, и могу надрать тебе морду за себя и за своего учителя.

Ногти на руках я принялась разглядывать со всем вниманием словно решая, справятся ли они с ответственной задачей по расцарапыванию Эрнандес.

— А почему он выглядит так, словно спал от силы пару часов? — пошла она на попятную, на всякий случай отходя от меня на пару шагов.

— К твоему сведению, — припечатала я, — он много чем занимается как связанным с деятельностью Теофрении, так и связанным с магией. И вариантов, почему он не выспался, может быть масса, но ты выбрала самый неприличный, да ещё меня туда приплела. Наверное, что в голове, то и на языке? Ни о чём другом думать не можешь, всё к постели сводишь, да?

— Ты с ним целовалась, — заладила она, упёршись и не желая уступить хотя бы в этом. Хотя покраснела, но скорее от злости, чем от стыда.

— Дурища, не было Катарины тут вчера, — возмутилась Ракель. — Она по делам семьи ездила. А ты тут со своими грязными мыслями. Держи их при себе. А ещё лучше, сходи к целителю. Может, тогда тебе перестанут мерещиться поцелуи, которых не было.

— Или жениха заведи, — под общий смех предложил один из студентов. — Тогда о поцелуях можно будет не только мечтать.

Глава 5

Когда я пришла к Раулю якобы на очередное занятие, обнаружила, что он сладко спит. Причём увидеть это мог любой желающий, прошедший до середины помещения, потому что принц не соизволил банально запереть дверь. Спал он на неудобном диванчике, в позе, которая позволила бы лечь на него с ногами, а потому вид имел умилительно-недовольный, почти суровый. Пока я размышляла, что лучше делать — уйти к себе или дождаться, когда Рауль проснётся — в кабинет вломился Альварес. Принца он не увидел, поэтому с порога громко спросил:

— А где Рауль?

Тот тут же подскочил, едва в меня не врезавшись. А не врезался только потому, что я оказалась быстрее и успела отпрыгнуть. Предосторожность была не лишней, потому что со сна принц даже активировал что-то из атакующих заклинаний, которое, впрочем, развеял столь быстро, что я даже не успела понять, что же мне грозило.

— До вашего прихода, сеньор Альварес, мирно спал, — намекнула я.

— В такое время? — поразился Альварес. — Дружище, чем ты всю ночь занимался? Точнее, кем?

— Сеньорита Эрнандес уверена, что мной, — усмехнулась я. — Ей вчера привиделось, что мы целовались, а сегодня она обнаружила принца невыспавшимся.

Всё равно этого было не скрыть: Эрнандес запустила слишком громкую сплетню, и если Альварес ещё её не слышал, то в ближайшие часы услышит. Он хмуро посмотрела на принца, который усиленно зевал и тёр лицо, никак не желая просыпаться, потом на меня, но я выглядела слишком свежей для прошедшей всю ночь в плотских утехах.

— До сеньора Эрнандеса следует донести, что он непозволительно пренебрегает воспитанием дочери, — процедил Рауль. — Мало того что сеньорита распускает сплетни, так они еще и не имеют под собой никакого основания.

Мне показалось, что в последней фразе прозвучало не разочарование, нет, лишь намёк на него. Но судя по тому что приятель принца остался совершенно спокоен, мне именно что показалось.

— А я предупреждал, — напомнил Альварес. — Что личное ученичество породит кучу слухов. Скажи спасибо, что я на занятиях присутствую, сохраняю репутацию Катарины.

— С Эрнандес станется поставить это в минус, а не в плюс, — хмыкнула я. — Я не про сохранение репутации, а про ваше присутствие на занятиях, сеньор Альварес. У Эрнандес настолько испорченное воображение, что она скорее посчитает, что мы с вами тут предаёмся групповому разврату.

— Катарина, в вашем возрасте сеньориты и слов-то таких знать не должны, — осуждающе сказал Альварес.

— Просвещают помимо моего желания.

— Кто именно? Я с ним разберусь.

— Есть тут такие, предлагающие повысить уровень магии.

Альварес сдулся и быстренько сменил тему:

— Строго говоря, мы можем пресечь все слухи, если я скажу, что просил Рауля взять Катарину в ученицы, потому что больше никому не доверяю свою невесту.

— Вариант с невестой мне не нравится, — отрезала я. — Пусть лучше Эрнандес и дальше мелет языком.

— Я поговорю с её отцом, — бросил Рауль, широко зевнул и сожалеюще посмотрел на диванчик. Возможность ещё поспать его явно сейчас привлекала больше разборок с семейством Эрнандес.

— Катарина, это же ваша репутация, — укорил Альварес. — Я забочусь о вас. В конце концов, мы всегда можем договориться о фиктивной помолвке.

— Знаем мы ваши фиктивные помолвки, — проворчала я. — Нет уж. Наверняка окажется, что она на меня накладывает определённые обязательства.

— Не без этого, — с довольной улыбкой согласился Альварес. — Любой договор должен быть взаимовыгодным. Но от вас, Катарина потребуется всего лишь единожды со мной съездить. Зато у вас разом отпадёт часть проблем.

Он уставился с таким видом, словно предлагал нечто весьма соблазнительное. Такое, от чего отказаться не будет сил. Но я лишь

насмешливо улыбнулась. Альварес не дотягивал не то что до Теодоро, он даже к Раулю близко не стоял. А я как-никак герцогиня, а значит, не должна идти на сомнительные договоры.

— Хосе Игнасио, решай свои проблемы без участия моей ученицы. — Рауль опять зевнул и направился к шкафчику с чайными принадлежностями, достал пакетики с травками, заварник, чашку, повернулся к нам. — Катарина, составите компанию?

Я кивнула, потому что понимала, что Раулю требуется окончательно проснуться, прежде чем у нас начнётся занятия. И пусть оно, скорее всего, ограничится разговорами, но принцу всё равно нужно взбодриться, прежде чем обсуждать со мной. Поди, проспори́л с горгульями всю ночь.

— А меня ты даже не спрашиваешь? — ядовито уточнил Альварес.

— На тебя я всегда рассчитываю.

Принц вытащил вазочку с сухариками и поставил на стол перед другом, явно намекая, чтобы тот наконец заткнулся. Кроме сухариков, ничего съестного не нашлось, если не считать таковым сахар, неравномерные куски которого лежали в сахарнице. Сахар, кстати, оказался на вкус совсем не таким, каким я его помнила по прошлой жизни. Возможно, потому, что этот был нерафинированным, а возможно, у этого тела другое соотношение вкусовых рецепторов, но сахар мне казался необыкновенно вкусным. Я готова была его грызть просто так, останавливало только нежелание лечить зубы. В этом мире я со стоматологами пока не сталкивалась и хотела бы, что бы так было и дальше.

Тем временем Альварес отобрал заварник у Рауля со словами: «Ты ещё не проснулся и ксуорс знает что можешь сюда набросать» и принялся колдовать над пакетами с травками, а принц прошёл к столу и сел рядом со мной.

— Зря вы защиту не ставите на это помещение, — заметила я. — Мало ли что может случиться, пока вы спите.

— Например? — заинтересовался он.

— Например, украдут ценные ингредиенты или нарисуют вам что-нибудь на лбу зубной пастой. — Я представила, как это выглядело бы, чуть не хихикнула, поэтому закончила суровой, чем собиралась: — С собственной безопасностью шутить нельзя.

— Зубной пастой?

— Зубным порошком присыпят, — поправились я, вспомнив, что пасты в этом мире нет, как и детских лагерей с соответствующими развлечениями.

Непуганые здесь принцы, однако.

— Тогда уж порошком для вызова демонов, — заметил Альварес, которому мои слова явно пришлись по душе. Наверняка сразу начал прикидывать, что можно нарисовать на лбу или щеках друга. Особо там не развернёшься, конечно, для пентаграммы со свечами места не хватит, например. — Нарисовать руну вызова и хихикать в стороне, пока Рауль отбивается.

Он закончил составлять чайный сбор и теперь заливал его водой, кипятя её прямо в воздухе. Наверное, хотел произвести на меня впечатление. Но я и сама так умела. Разве что показывать пока нельзя. Но у меня же выдающийся учитель, так что скоро будет можно.

— У меня активированная защита, абы кого не пропускает. Можете пройти вы, Хосе Игнасио и Марсела. И кто будет меня обсыпать? Вы, Катарина? Или Хосе Игнасио?

Я посмотрела на дверь. На ней действительно были следы защитного заклинания, но идентифицировать его модификацию я не могла. Возможно, там действительно стоял блок на проход всех неназванных. Альварес так вовсе не удивился словам принца.

— Я — нет, — согласился он и поставил перед нами заварник. — Но в других я бы не был так уверен.

Он сел по другую сторону от меня и придвинул к себе вазочку с сухариками.

— В ком? — почти не сдерживая смех, спросил Рауль. — В Катарине или Марселе?

Альварес предпочёл не ответить и сделал вид, что полностью занят сухарём. Тот был отнюдь не каменный, кусался легко и весело хрустел под зубами, поэтому я тоже съела несколько. А вот Рауль ограничился чаем. Правда, выпил пару чашек, после чего встал и предложил мне пройти в комнату для занятий. Я с готовностью отставила недопитый чай ради разговора.

Альварес проводил нас хрустом сухаря и мрачным взглядом, который всверливался мне в спину между лопаток. Но если бы он

только знал, о чём пойдёт речь, наверняка не был бы настроен так негативно.

— Как я понимаю, удалось договориться? — спросила я, едва дождавшись пока все щиты засияют. — И вас допустили до библиотеки?

— Не совсем, — ответил Рауль. — Мы всю ночь пытались достигнуть договорённости и что-то начало вырисовываться только к утру. В библиотеку меня допустят не раньше, чем я найду хозяев для пяти фамильяров. И вот это очень тонкое место, Катарина.

— Почему?

— Потому что с большой вероятностью ваше инкогнито раскроется. Главной фамильяры всё равно считают вас. Кроме того, рано или поздно кто-нибудь из известных нам горгулий или вышедших из анабиоза обратится к вам «донья» или даже просто упомянет о вас и это вызовет ненужные вопросы.

Думала я недолго.

— Значит, нужно всех будущих хозяев поставить в известность заранее и взять с них клятву. Выбрать тех, в ком вы уверены, и выдать им в качестве поощрения фамильяров.

Он вздохнул.

— Ох, Катарина, думаете, так просто найти пять надёжных магов? Нужно, чтобы это до поры до времени скрывалось от посторонних и вышло наружу не раньше, чем мы закроем дыру между мирами, а Сиятельность исчезнет.

— Давайте тогда сначала закроем дыру, — предложила я. — Вы же наверняка это можете сделать, Рауль?

— Ваша вера в меня окрыляет, — усмехнулся он. — Проблема в том, что руины императорского замка, в который для этого надо попасть, находится на территории другого государства.

— Это вообще не проблема, — уверенно сказала я. — Не думаю, что какой-нибудь контрабандист не согласится провести двух магов через границу по тайным тропам.

— Почему двух?

Я ткнула пальцем в него и в себя, намекая, что без меня он точно никуда не продвинется.

— Катарина, я не могу вами рисковать.

— В чём риск? — удивилась я. — Один раз я уже незаконно перешла через границу. Можно сказать, опыт у меня есть. Я даже забыть его не успела.

Рауль рассмеялся.

— Знаете, Катарина, никогда бы не подумал, что вы Сиятельная и герцогиня. В вашем окружении действительно разрисовывали спящих?

— Действительно, — легко согласилась я. — Но, разумеется, детей, а не взрослых. И ни о каких рунах призыва речи не шло. Так, ерунда всякая. Либо смешной рисунок, либо смешная надпись. Так что, когда мы едем закрывать прокол? Неужели вам не дорога страна?

— Это запрещённый приём, Катарина, — он нахмурился. — В том-то и дело, что дорога, поэтому я никак не могу допустить, чтобы мою поездку связали с исчезновением Сиятельности.

— Она же не сразу исчезнет, — возразила я.

— Вы уверены? Я — нет. Мне не нужна война на уничтожение хорошо если только моей семьи, а если всех жителей страны?

— Пожалуй, вы правы, — пришлось признать. — Но можно же оставить кого-то под личиной?

— А если эту личину раскроют? Нет, Катарина, это не вариант. К поездке нужно подготовиться, хорошо её залегендировать. Более того, сама поездка может затянуться, а фамильяры требуют ответ в ближайшие дни.

Что-то внутри меня зудело и требовало действия. Почему-то казалось, что время, мне отведённое, утекает со свистом. Я до сих пор не понимала, откуда ждать опасность, но почему-то всё так же была уверена, что она есть. И в том, что чем позже меня обнаружат заинтересованные лица, тем с большей вероятностью я смогу избежать чего-то страшного.

— Тогда нужно подобрать им хозяев. Пять человек — это не так уж и много.

Он покачал головой.

— Смотря для чего. Проблема в том, что я могу доверять только сестре да Альваресу.

— Альваресу? — удивилась я. — Вот уж кто ненадёжный тип.

— Смотря в чём ненадёжный. Слово он держит, и маг он сильный. Его помощь нам потребуется ещё и в уничтожении червей. Потому что этот секрет тоже нельзя давать в чужие руки.

Я прикинула размеры Теофрении и пришла к выводу, что, на самом деле, двух сильных магов хватит, чтобы очистить страну от демонического влияния.

— Значит, нужно ещё двоих? Предлагаю Ракель и меня.

— Вас? Катарина, но у вас же есть фамильяр?

— Боюсь, мне с ним предстоят военные действия, в результате которых останется только один: он или я. Бернар говорит, что в отношении фамильяра Эрилейских был проведён какой-то запрещённый ритуал. Вы, часом, не знаете, что это могло быть.

Он покрутил головой.

— Фамильяры есть только у Сиятельных, а они никакой информации вне своего круга не выпускают.

— Ничего, мы это исправим, — оптимистично сказала я. — Вот проберётесь в библиотеку Сиятельного корпуса и прочитаете всё, что от вас было закрыто.

Неожиданно он наклонился ко мне, заправил мою выбившуюся прядь за ухо и тихо сказал:

— Знаете, Катарина, временами такая злость на несовершенство мира разбирает из-за того, что между нами ничего не может быть.

А я вдруг поняла, что меня тоже злость разбирает, но не на это. Я хотела бы ему нравиться не как Эстефания Эрилейская, а как Екатерина Мельникова, которая и старше Эстефании, и не такая красивая, и даже не Сиятельная...

— Я — не последняя смазливая мордашка на вашем пути, — ответила я чуть резче, чем хотелось.

— Не последняя, — согласился он. — Но дело не в мордашке, которая всё равно не ваша.

Я не стала уточнять, что именно имел он в виду: не моя, как Сиятельной, или не моя, как Екатерины. Вопрос был бессмысленным, поскольку в любом случае Рауль был прав: между нами ничего не могло быть ни в каком моём виде.

Глава 6

День получился весьма насыщенным, и только этим я могу объяснить то, что, ложась спать, напрочь забыла поставить на себя защиту. Пренебрежение безопасностью даром не прошло.

Выспаться мне удалось, потому что Теодоро появился под утро, когда сон уже норовил перейти в просыпание. Появление короля ознаменовала яркая вспышка, из которой проявилось окно. Теодоро легко спрыгнул с подоконника и пару раз шагнул. Дальше он пока пройти не мог, но нельзя сказать, что он над этим не работал. Он был хорош, даже куда лучше, чем при нашей первой встрече, но при взгляде на него почему-то подумалось: а каков он будет, если убрать с него Сиятельность? Если убрать с него подсветку, которая работала даже во сне, придавая его облику неземную притягательность? Сейчас он напоминал божество, спустившееся с небес, и мне стоило больших трудов не поддаться его притяжению.

— Эстефания, душа моя, имей совесть, — начал он с претензий, обнаружив, что я опять не подскакиваю с кровати, чтобы склониться перед ним в реверансе. — Сколько можно за тобой бегать?

— А зачем вам за мной бегать, Ваше Сиятельное Величество? Это даже как-то несолидно для столь Сиятельного короля.

Я улыбалась, но следила за ним с неослабевающим вниманием, чтобы успеть выдворить, если он подберётся слишком близко. Защиту я поставила, но она теперь только не позволит ему подойти.

— Ты моя подданная, я не могу с безразличием относиться к твоему будущему, которое ты старательно превращаешь в ксуорс знает что, — проворчал он, умело придавая голосу бархатистые нотки не осуждения, а восхищения. — Возвращайся, Эстефания. Донья Хаго пообещала тебе не докучать. Да что там не докучать. Если хочешь, я лишу её опекуна и твоё будущее будет определяться короной. В конце концов, графине понравилось в монастыре, она может пожить там и дальше.

Он послал мне сияющую улыбку.

— А вы знаете толк в соблазнении, Ваше Величество.

— А ты уже готова соблазниться?

Теодоро хищно подался вперёд, но моя защита его мягко оттолкнула.

— Увы, Ваше Сиятельное Величество. — Я состроила огорчённую физиономию. — Чтобы окончательно соблазниться, мне этого недостаточно. Но вы продолжайте, продолжайте. Мне вас так занимательно слушать.

Я уселась по-турецки на кровати, подпёрла кулаком подбородок и сделала вид, что вся внимание. Теодоро оскорблённо молчал. Пришлось опять брать разговор в свои руки, да и дезинформации пора было подкинуть, раз уж предоставился случай. Нужно извлекать плюсы даже из собственной глупости.

— Вы же опять начнёте расхваливать своего протеже, графа Нагейта? — коварно уточнила я. — Конечно, он уже не столь открыто показывает свои привязанности и даже сделал вид, что отправил любовницу в Мурицию. Но мы же с вами знаем, что она просто не выходит из снятой им квартиры?

Похоже, мои слова стали для Теодоро откровением: он уставился с искренним возмущением, которое было направлено явно не на меня. Неужели граф позволил себе обмануть сюзерена? Ай-яй-яй, как нехорошо. И почему мне не жалко графа, вышедшего на охоту на меня?

Впрочем, Теодоро очень быстро оправился от удара по своей информированности и опять принял вид завязтого сердцеда.

— Эстефания, мне тебя не хватает, — он печально вздохнул. — Уверен, что и тебе не хватает меня.

— С чего бы, Ваше Сиятельное Величество? Вы были занимательным собеседником, но чтобы стать чем-то большим, одного флёра мало.

— Надо же, догадалась, — неожиданно рассмеялся он. — Неужели совсем развеялся?

Поначалу я удивилась его словам. Но почти сразу поняла, что речь идёт о первой встрече, когда я, стоя на эшафоте, попала под его воздействие. То-то меня тогда так приложило. До этой обмолвки Теодоро я думала, что моё восхищение его внешностью искренне. Почему-то была уверена, что флёр не действует на других Сиятельных. Возможно, у Теодоро он особенный? Королевский? Или с добавками от вонючего Бласкеса? Ведь вполне вероятно, что они действуют на

пару: один подсовывает отраву вместо любовного зелья, а второй за это казнит невиновных герцогинь. Не король и его придворный маг, а пара жуликов. Но показывать, что я разгадала его игру, не стоило.

— Не совсем, — не стала я разочаровывать Теодоро, улыбаясь так сладко, как получалось. — Но критически воспринимать больше не мешает.

Или графиня Хаго права и Теодоро не собирался меня казнить? Что же было в его планах? Помилование на определённых, невыгодных для меня, условиях?

— Что же будет твоим условием для возвращения, Эстефания? — прервал мои размышления мурицийский король.

Он сделал ещё один шаг. С трудом, но сделал. И хотя до меня ему было ещё далеко, я забеспокоилась. Чем дольше мы разговариваем, тем дальше он продвигается. Теодоро был красив, не спору, но его красотой хотелось любоваться на расстоянии. Большом расстоянии, откуда любое величие кажется ещё величественнее, а недостатки вообще незаметны.

— Гарантии, Ваше Величество. Мне нужны гарантии, — брякнула я, решив не уточнять, какие. В конце концов, Теодоро — не маленький мальчик, сам догадается, что нужно предложить беглой аристократке. А когда догадается — и мне расскажет. — Вот когда вы их сможете предоставить, тогда и вернёмся к этому разговору. А сейчас — уходите.

Я сделал изгоняющее движение рукой, и Теодоро опять вынесло в окно, только пятки неэлегантно сверкнули. Эх, не простит он мне такого унижения своей Сиятельной личности, пусть я не стала задерживаться во сне и проверять, как он там: свалился в кусты под окном или улетел пудрить мозги другим дурочкам.

Я села на кровати и закуталась в одеяло, но это не помогало согреться. После общения с Теодоро трясло так, что аж зубы постукивали друг о друга. Понять бы ещё, в чём причина его повышенного интереса к моей персоне: просто не терпит отказа или я встроена в монарший план, который без меня начинает подозрительно трещать и расползаться? Оба варианта для меня не сулят ничего хорошего, но второй куда хуже первого.

Я потянула к себе кружку с водой, которую нагрела коротким заклинанием, и начала прихлёбывать почти кипяток, бездумно пялясь

в окно, за которым уже светало. Почему-то казалось, что и в реальности Теодоро оттуда запросто может вылезть, как это было в герцогском городском особняке. Ибо зачем ещё молодому магу владеть левитацией, как не для того, чтобы лазать по чужим окнам?

Горячая вода помогла согреться и прийти в себя, но увы, не помогла пролить ни лучика на те тайны, которые меня окружали и которые продолжали меня тревожить. Я словно слышала шорох песчинок, которые падают из одной половины песочных часов в другую, отсчитывая отведённое мне время. Его, конечно, можно сделать почти бесконечным, переворачивая часы. Но для этого их сначала нужно найти.

Проснулась Рабель. Широко зевнула, взглянула на меня и спросила:

— Ты чего не спишь?

— Сон плохой приснился, — пояснила я. — А теперь уже и смысла ложиться нет, вставать скоро. Но ты ещё можешь поспать, я разбужу.

— Да разве я усну теперь? У нас же первой парой Магическое право. Брат предупреждал, что его пропускать ни в коем случае нельзя. И опаздывать тоже ни в коем случае. Самый злобный преподаватель. То есть он не совсем преподаватель. Его приглашают раз в два года на этот курс. Но принимает он его очень придирчиво, — затараторила Рабель, торопясь ввести меня в курс если не магического права, то основы получения по нему положительной оценки. — А если не сдашь, то сразу из университета отчисляют. Нам-то ещё ничего, а вот второму курсу будет обидно.

— Второму курсу? — я окончательно очнулась от посторонних размышлений. — А им почему?

— Я же тебе только что сказала, — недовольно фыркнула Рабель. — Лекции по этому предмету читают раз в два года. То есть в этот раз его читают нам и второму курсу, понятно теперь?

— Совершенно. Что курс самый страшный из всех, что нас ожидает. И что его не просто нельзя пропускать, на него даже опаздывать опасно для жизни.

— Положим, не для жизни, но для успеваемости точно, — хихикнула окончательно проснувшаяся Рабель. — И тебе не поможет даже личное ученичество у принца Рауля.

Ложиться спать действительно уже не было никакого смысла, поэтому остаток времени до подъёма мы просто проболтали. И болтовня это имела отличную целительскую силу. Во всяком случае, холод, поселившийся после беседы с Теодоро, ушёл, сменившись теплом дружеской поддержки.

Как мне хотелось надеяться, что отношение Ракель не изменится, если Рауль согласится взять её одной из тех пяти, кто получит фамильяра. Но это я узнаю уже сегодня.

Так как встали мы рано, то и позавтракали без спешки, а потом так же спокойно пошли на занятия, но пришли не первыми: в аудитории уже сидели принцесса Марсела в компании Эрнандес. При виде нас Эрнандес оживилась и сказала необычайно противным тоном:

— А вот с этой девицей у вашего брата роман, Марсела.

Я вздохнула. Если сеньорита дура, то через голову до неё ничего не может дойти, только через задницу. А через задницу её воспитывать будет сеньор Эрнандес, с которым Рауль поговорить не успел.

— Вообще, это называется клеветой, — возмутилась Ракель. — И клеветник получает вполне реальный срок или штраф. И твой отец, которым ты старательно прикрываешься, тебя от него не отведёт, потому что ты обгаживаешь не только репутацию Катарины, но и Его Высочества Рауля.

— Катарина Кинтеро? — глядя на меня, уточнила Марсела приятным мелодичным голосом.

— Именно, — подтвердила Эрнандес, которую пылкая речь Ракель не испугала вовсе. — Только не та, что сейчас мелет языком, а та, что молчит, но от этого не выглядит порядочной сеньоритой.

— И зачем вы распространяете такую глупую сплетню, Мария Виктория, — укоризненно сказала Марсела. — Рауля попросил взять сеньориту Кинтеро в личные ученики сеньор Альварес, чтобы иметь возможность за ней ухаживать. Более того, сеньор Альварес присутствует на каждом занятии, поэтому мой брат при всём желании не смог бы завести роман с сеньоритой Кинтеро. Я думаю, Мария Виктория, вы должны извиниться перед сеньоритой Кинтеро.

— Я? — поражённо спросила она, огорошенная известием ещё и об Альваресе.

— Кто врал, тот и извиняется, — заметила Ракель.

— Да она целовалась с Его Величеством, я лично, своими глазами, это видела, — зло выпалила Эрнандес. — Может, сеньор Альварес и хочет поухаживать за Кинтеро, да только ваш брат, Марсела, времени на такую ерунду, как ухаживания, не теряет.

— Если у кого-то галлюцинации, — бросила Ракель, — этому кому-то нужно к целителям, а не рассказывать о своих видениях всем, кто под руку попадётся. Как Катарина могла целоваться с принцем Раулем, если в этот день была в другом городе и приехала в университет только утром.

— Вот-вот, ещё и непонятно где ночевала, — буркнула Эрнандес. — А Его Величество с утра выглядел совершенно невыспавшимся.

— Мария Викторя, если вы не перестанете говорить гнусности, вы об этом пожалеете, — возмутилась Марсела. — Ваш отец явно не уделял внимания вашему воспитанию, о чём я ему непременно сообщу.

Эрнандес потеряла спесь так же быстро, как проткнутый воздушный шарик — воздух. Она залепетала жалобные просьбы к принцессе, ко мне и даже к Ракель. Она начала уверять, что что-то перепутала и что в следующий раз непременно присмотрится получше, кто с кем целуется. Принцесса нетерпеливо дёрнула рукой, и Эрнандес разразилась потоком извинений. Своего отца она не просто боялась, она приходила в ужас от одной мысли, что тот будет чем-то недоволен. Эрнандес поочерёдно просила прощения у Марселы, меня и Ракель. Уверяла, что она не со зла, а сослепу. Смотреть на это было противно, поэтому я прервала этот мутный поток, сказав, что я её прощаю, и потянула Ракель подальше.

Марсела осталась сидеть рядом с Эрнандес, но вид имела такой отстранённо-неприступный, что моя врагиня наверняка уже сто раз пожалела, что вообще открыла рот в моём направлении. Одной фразой завести себе недоброжелателей у обоих королевских отпрысков — это надо было очень постараться. И я ей не позавидую, если всё-таки кто-то из королевских детей переговорит с её отцом.

Ракель поглядывала в их сторону и тихо возмущалась поведением Эрнандес до прихода лектора, который не заставил себя долго ждать и появился заранее. Выглядел он несерьёзно: этакой доброжелательный колобок, на животе которого с трудом сходилась дорогой бархатный камзол, а на голове сияла лысина в обрамлении начинающих седесть

кудрей. Название своего предмета, Магическое право, и своё имя, Кристиан Фуэнтес, он, во избежание ошибок, лично написал на доске аккуратным округлым почерком с кучей старомодных завитушек. После чего энергично отряхнул руки от остатков мела, повернулся и со счастливой улыбкой принялся осматривать аудиторию. Взгляд у него резко контрастировал с внешностью и не содержал ни грана мягкости. Напротив, был острый и цепкий. Наверняка сеньор запомнит всех, кто появится у него на лекциях. И сколько раз появится, тоже запомнит.

Прозвенел звонок, сеньор спустился с кафедры и, не переставая благожелательно улыбаться, запер дверь, перекрывая возможность входа опоздавшим, после чего опять поднялся и начал читать вводную лекцию, делая акценты в тех местах, которые наверняка попадут в билеты на экзамене. Поэтому я выбросила из головы Эрнандес и торопливо застрочила, стараясь не пропустить ничего важного.

Глава 7

В следующий раз я Марселу увидела только в лаборатории Рауля, куда я пришла вместе с Ракель после занятий. Альвареса не было, поэтому разговор отложили до его прихода. Но принцессе не терпелось узнать все как можно скорее.

— Признаться, меня удивила твоя просьба сегодня задержаться, — намекаяще протянула она.

— Марсела, ждём Хосе Игнасио, и я сразу всё рассказываю, после того как вы даёте клятву.

— Это наверняка касается дона Дарока, — сообразила Ракель. — Мы же за ним следили. Вот и выяснилось что-то компрометирующее, что нужно срочно сообщить Вашему Высочеству.

— Дона Дарока? — разочарованно протянула Марсела. — Честно говоря, Рауль, все эти Сиятельные игры мне изрядно надоели ещё в Муриции. Неприятно, когда к тебе относятся как к грязи под ногами из-за того, что ты не являешься Сиятельной. Даже Теодоро, на тот момент считавшегося моим женихом, интересовался мной куда меньше, чем пропавшей герцогиней Эрилейской, о которой говорил в моём присутствии так, что у меня сомнений не осталось, что они состояли в любовной связи.

Это меня так возмутило, что я бухнула, даже не помышляя о последствиях:

— Не надо выдумывать того, чего не было.

Она посмотрела на меня, как на умалишённую, и протянула куда более неприятным тоном:

— Вам-то откуда знать, сеньорита Кинтеро? Неужели Его Величество Теодоро Второй Блистательный делится с вами своими сердечными склонностями? Или, может, герцогиня Эрилейская — ваша ближайшая подруга?

Рауль резко встал, вклинился между мной и сестрой и почти миролюбиво сказал:

— Предлагаю вопрос о Сиятельных закрыть до появления Хосе Игнасио.

— Да о них вообще говорить не надо, — бросила Рабель. — Их нужно уничтожать сразу, как клопов. Ссориться ещё из-за них. Катарина, что тебе за дело, с кем спит король Муриции?

— Мне нет никакого дела до того, с кем спит король Муриции, но есть дело до правды.

— До какой правды, сеньорита Кинтеро? — насмешливо спросила Марсела. — Слышали бы вы Теодоро. «Я столько для неё сделал, а она так со мной поступила». «Неблагодарная особа, возомнившая себя королевой». «Зря я решил, что в моей постели она будет смотреться лучше, чем на плахе». И всё это говорилось в моём присутствии.

— Мне тоже кажется, что Теодоро плохо воспитан, — согласилась я с ней.

Да, ситуация не из приятных. Сколько человек могли услышать такие высказывания? А сколько из них, подобно Марселе, решили, что нас с Теодоро связывают куда более тесные узы, чем это было на самом деле? Наверняка от моей репутации даже ошмётков не осталось к этому времени, и гадкий Теодоро просто обязан на мне жениться, чтобы всё исправить. Тут я немного поостыла и поняла, что, пожалуй, не готова выходить за него замуж ни сейчас, ни позже. Меня не привлекало ни королевство, ни корона, ни король.

— Вы тоже воспитанием не отличаетесь, — зло бросила Марсела. — Говорите о монархе, пусть даже соседней страны без должного уважения. Он король, и он — Сиятельный, и вы стоите неизмеримо ниже, настолько от него далеки, что никогда не пересечётесь.

А ведь Теодоро её зацепил. Насколько зацепил, что оскорблённое самолюбие не даёт покоя. Дёргать её за больное место я не стала, вместо меня это сделала Рабель.

— Сиятельность — не повод для гордости, — вставила она. — Наоборот, повод для того, чтобы стыдиться предков.

— Пока что Сиятельность — это то, что жизненно необходимо Теофрени, — процедила Марсела, — иначе страны скоро не будет. Ни страны, ни людей.

— Добрый день! — в кабинет влетел запыхавшийся Альварес. — Извините, меня задержал сеньор Муньос. Дон Дарок ему, видите ли, пожаловался на мою навязчивость.

— Да мы всего лишь следили, чтобы он не напакостил! — возмутилась Рабель.

— Вот именно, — согласился Альварес. — Наверняка этот нехороший Сиятельный задумал что-то нехорошее.

— Он отбывает завтра в Мурицию, — неожиданно сказала Марсела. — Король Теодоро его вызывает.

В её голосе не было ни малейшего сожаления. А ведь почти жених, можно сказать: насколько я поняла, король Теофрени, окончательно отчаявшись спасти свою страну, согласен был выдать замуж дочь за первого попавшегося Сиятельного. Возможно, именно об этом и пойдёт речь у Теодора и Диего? Похоже, Рауль подумал о том же.

— Отец всё-таки с ним переговорил?

— Быть разменной монетой отвратительно, — горько бросила Марсела, ни отрицая, ни подтверждая переговоров, касающихся непосредственно её.

Ещё бы, после того плевка в душу, как это было в Муриции, мне бы тоже не захотелось так быстро менять жениха. Да ещё и на подобную самовлюблённую сволочь.

— Если у нас всё получится, этого не понадобится, — объявил Рауль. — Итак, все в сборе. — Он повёл пальцем, дверь захлопнулась и на помещение упала защита, напрочь отрезающая от остального мира. — Прежде чем я, точнее, мы с Катариной, начнём, вы должны принести клятву. Клятву о том, что ничего из того, что вы сегодня узнаете, не будет выдано никакому стороннему лицу без нашего разрешения. Клятва полная, предупреждаю сразу.

— Ого, — выразил общее мнение Альварес. — Серьёзное требование. Оно того стоит?

— Можешь отказаться. Тогда твоё место займёт кто-то другой. Возможно, ты даже не пожалеешь, потому что не узнаешь, чего лишился. Во всяком случае я очень надеюсь, что всё, что нам придётся сделать, так и останется в нашем узком кругу.

— Легион так же начинался, — восторженно сказала Ракель. — Я с вами. Всё, что направлено на благо Теофрени, поддерживаю всей душой.

Слова у неё не расходились с делом. Она первой дала клятву, за ней нужные слова сказала Марсела, и только после них, с видимой неохотой клятву выдал из себя и Альварес.

— Катарина, начнёте? — предложил Рауль.

— Проблемы Теофрении нынешней напрямую связаны с Сиятельностью, но совсем не так, как это представлялось Легиону, — начала я. — Они не знали истоков Сиятельности и не понимали сути проблемы.

— Как раз суть они прекрасно понимали, — возмущённо перебила меня Ракель. — Сиятельные — зло.

— Но зло, выступающее против более опасного зла, — парировала я. — Зла, которое сейчас собирается, как минимум, захватить континент. И плацдарм этого зла — Теофрения.

— Не говорите глупости, сеньорита Кинтеро, — возмутилась Марсела. — Вы ещё скажите, как это твердят в Муриции, что Теофрения — оплот зла.

— Дамы, будет лучше, если вы не будете перебивать Катарину, — вмешался Рауль. — Катарина, с вашей стороны нужно побольше конкретики и поменьше эмоций.

— Хорошо. Сиятельность началась с того, что один из придворных магов создал дыру в другой мир. В результате ритуала, который пошёл не так, как планировалось, император погиб, а его приближённые получили свойство Сиятельности, которое подпитывается из разрыва. Параллельно из этого же разрыва повалили мелкие червеобразные демоны, которые потихоньку захватывают земли, приводя их в бесплодное состояние и устраивая катастрофы. Сиятельность их отталкивает. Более того, Сиятельные знают заклинания, позволяющие уничтожать на ограниченной территории этих демонов. Но количество Сиятельных уменьшается, они не перекрывают все земли, а новые демоны постоянно поступают через разрыв и могут вступать в симбиоз с магами. В Теофрении же бороться с черведемонами некому, поэтому они расплодились здесь уже в неприлично большом количестве. И отсюда будет идти наступление на остальные земли.

— Если это не выдумка, — задумчиво сказала Марсела, — то мы можем потребовать от монархов сопредельных стран выдать нам заклинание.

— Нам нужно закрыть дыру, — Ракель сразу била в причину. — Тогда новые перестанут поступать, а со старыми мы как-нибудь разберёмся.

— Именно, — подтвердил Рауль. — Но одновременно с закрытием дыры пропадёт подпитка Сиятельности. И Сиятельные сразу или постепенно станут обычными людьми. Как вы думаете, простят ли нам это монархи сопредельных государств?

— Думаю, нет, — задумчиво сказал Альварес. — Нас сотрут до основания и откроют дыру заново.

— Не откроют. Секрет утерян, — обрадовала я его. — Червей можно вычистить хоть сейчас, но только тех, кто не в магах.

— А с теми, кто в магах? — заинтересовался Альварес. Смотрел он на меня странно, словно понял, что я не та, за кого себя выдаю, но вот кто я именно, сообразить пока не мог.

— Возможно, в этом вопросе нам поможет библиотека Сиятельного корпуса, — сказал Рауль.

— Ха, — усмехнулся Альварес, — ты ещё про Солнце и Луну вспомни. Они нам тоже могут помочь с такой же вероятностью. В Сиятельный корпус, вон, даже Дароку попасть не удалось, хотя он столько усилий приложил.

— Потому что мне удалось попасть туда раньше, — пояснила я. — А потом провести Рауля.

— Донья, кто вы? — требовательно спросил Альварес. — Я уже чувствую себя идиотом, но, кажется, сейчас почувствую себя ещё большим.

— Донья? — непонимающе посмотрела Ракель.

— Я — герцогиня Эрилейская, — даже с некоторой гордостью ответила я.

— Вы потеряли Сиятельность? — чуть презрительно протянула Марсела.

— Если бы я потеряла Сиятельность, я бы не смогла пройти в Сиятельный корпус, — усмехнулась я. — Я под зельем, её маскирующим. И хотелось бы сразу прояснить один момент, Ваше Высочество. У меня никогда ничего не было с вашим бывшим женихом. Разумеется, если не считать того, что он собирался отрубить мне голову. Или не собирался, а устраивал представление. Этого я тоже не могу исключить — у меня слишком мало данных.

Похоже, Ракель не воспринимала меня как Сиятельную, потому что смотрела исключительно с восторгом. Похоже, в её глазах я была

героиней. Марсела же хмурилась, словно я наступила на её любимую мозоль, и только приличие не позволяло принцессе об этом сказать.

— Почему вы идёте против своих? — спросила она.

— Потому что Сиятельность — зло, и если она не будет уничтожена, то будет уничтожен этот мир.

— О, так ты тоже против Сиятельных? — восторженно сказала Рабель.

— Не против Сиятельных, а против Сиятельности. Это разные вещи, — возразила я. — Мы не будем никого убивать. Более того, никто никогда не должен узнать, что мы приложили руку к спасению мира.

— Я одного не могу понять, — неожиданно сказала Марсела. — Зачем в это нужно было вовлекать пять человек? Лишние люди увеличивают вероятность утечки информации.

Рабель, на которую Марсела сейчас намекала, то ли не поняла этого, то ли решила не обращать внимания, и сказала:

— Легион тоже начинался с пяти. Пять — магическое число. У пентаграммы пять лучей, во главу каждого из которых должен встать надёжный человек.

— Не в этом дело, — опустил её на землю Рауль. — У Сиятельного корпуса есть Хранитель. Его условием было найти фамильярам пять хозяев.

— Фамильярам?

— Фамильярам?

— Фамильярам?

Три вопля прозвучали слаженно, и в них было столько недоверия и восторга одновременно, что не было ни малейшего сомнения: для этой троицы фамильяры были куда желанней и интересней, чем спасение мира. Спасение мира ещё неизвестно, получится ли, а шанс занять фамильяра — вот он.

— После этого мне дадут доступ в библиотеку.

— А нам? — сразу заинтересовался Альварес.

— А вам пока нет. Вы должны будете доказать полезность, — отрезал Рауль.

Сдаётся мне, принц хитрит и не хочет допускать соратников до книг, пока не изучит всё сам. Или опасается, что те будут шастать в Сиятельный корпус так часто, что рано или поздно нас демаскирует.

— И чем мы её будем доказывать?

— Для начала мы с тобой поедем по Теофрени и проведём ритуалы, уничтожающие свободных червей. Они требуют много магии. Причём это нужно как-то замаскировать. Чтобы не связали с магией и магами.

— Молебнами? — невозмутимо предложила Марсела. — Нужно наметить ключевые города, провести там молебны Двуетному по всем правилам, а параллельно, незаметно для общественности, — ваши ритуалы. Я прикрою. Кроме того, как мне кажется, тебе нужно взять вторую личную ученицу, — она указала на Ракель. — Если занятия ты будешь проводить с двумя, это мигом прекратит все сплетни.

Вот только мне показалось, что беспокоилась она совсем не о сплетнях, а о том, чтобы не оставлять нас с братом наедине.

— Согласен, — кивнул Рауль.

— И упор сделать на боевые заклинания, — внесла предложение Ракель, которую идея Марселы и согласие Рауля необычайно воодушевили.

— Это ещё зачем? — удивился Альварес.

— А вы думаете, ваши демоны так легко смиряются с тем, что их изгоняют? Это соседним государствам вы можете запудрить мозги своими молебнами, а демоны точно поймут, в чём опасность, и постараются её устранить, — поддержала я подругу. — И если не доберутся до вас, доберутся до нас.

— В этом есть некое рациональное зерно, — согласился Рауль. — Действительно, в ближайшее время сделаем упор на защитные и атакующие заклинания.

— А атакующие зачем? — удивился Альварес. — Сеньоритам нужна в первую очередь защита, остальное — излишне.

— Иногда лучшая защита — это нападение, — возразила я.

— Всё-таки для герцогини вы и ведёте себя, и выражаетесь весьма странно, — неожиданно отметила Марсела.

Похоже, я ей нравилась куда больше, когда была Катариной Кинтеро, личной ученицей брата и противницей Эрнандес. А вот с именем герцогини Эрилейской у неё были связаны не слишком хорошие воспоминания, и все они сейчас проецировались на меня.

— Я видел её без маскировочного зелья, — вместо меня ответил Рауль, — поэтому с уверенностью могу подтвердить: перед нами пропавшая в Муриции Сиятельная.

Глава 8

Если кто-то надеялся, что часть проблем после создания коалиции отойдёт на задний план, то он просчитался. Проблем стало только больше. Пока мы вербовали сторонников, горгульи переиграли если не всё, то часть ими же выдвинутых условий. А ведь мы даже не успели сказать, что на одного фамильяра, точнее, на одну, Альбу, претендую я.

Первое, что мы с Раулем увидели — похоронная физиономия Бернара.

— Увы, у меня для вас плохие известия, — сказал он. — И я даже не знаю, какое из них хуже. Во-первых, мы не можем пойти к вам в фамильяры, потому что сначала вы должны закрыть прокол между мирами, ради чего всё и затевается, не так ли?

Рауль выслушивал, сжав зубы так, что я забеспокоилась, останется ли там что-нибудь от зубов. Всё-таки беззубый принц — это не предмет девичьих грёз, а скорее что-то из области ужастиков.

— Видите ли, уважаемый Бернар, — разомкнул он зубы в самом конце пламенной речи горгуля, и я с удовлетворением убедилась, что те все целые. — Мы с вами договаривались, что как только найдутся хозяева для пятерых фамильяров, вы разрешите мне проход в библиотеку.

— Так я не отказываюсь от своих слов, — гордо ответил горгуль. — Только доступ в библиотеку немного сдвигается по времени.

— Проблема в том, что мне нужен доступ в библиотеку сейчас. Я должен быть уверен в том, что делаю. Мы выполнили ваше условие, выполните и вы наше.

— Поймите меня правильно, — начал юлить Бернар, — нас с каждым годом остаётся всё меньше и меньше. Мы не собирались вас обманывать, но я разбудил одного из наших и только тогда догадался посмотреть не только его, но и себя. Единственный, кто у нас тесно связан с этим миром, — это Альба. Все остальные сейчас очень слабы, им потребуются годы и годы, чтобы восстановиться и получить крепкую привязку к хозяину. А значит, у них очень высокая вероятность погибнуть вместе с вами при закрытии межмировой щели. И это я ещё молчу, что если нас заметят снаружи до того, как вы

закроете пробой, то мы автоматически станем целью для любого фамильяра Сиятельных, посчитающего нас предателями, а ваша миссия станет всеобщим достоянием. А уж если вы потерпите фиаско, то нас наверняка добьют. Причём всех: и тех, кто примкнёт к вам и тех, кто сейчас спит. Я в первую очередь должен беспокоиться за своё сообщество, ради которого клятва и была дана. То, что вы подобрали будущих хозяев, — замечательно, но договор вступит в силу только после закрытия щели. И тогда же новоявленные хозяева получат доступ в библиотеку Сиятельного корпуса. Это было частью нашего соглашения, которое нельзя изменить. Фактически, мы попали в ловушку обоюдной клятвы.

— Я вас прекрасно понимаю, — сказал Рауль, — вы заботитесь о тех, кто вам подчинён.

Только сказал он это весьма холодным тоном, намекая, что не склонен прощать обмана, пусть и непреднамеренного.

— Именно, я не могу допустить, чтобы погиб кто-то из наших, — подтвердил горгуль. — Кому как не вам это понять? Вы вообще были готовы отказаться от права на престол ради блага подданных.

— Только выяснилось, что это всего лишь отсрочит гибель страны, и вас в том числе, — счёл необходимым напомнить Рауль. — Нам нужна эта библиотека, поскольку мы не можем пренебрегать ни малейшей возможностью узнать что-то важное. Следовательно, вы тоже заинтересованы в том, чтобы мы туда попали.

— Но клятва... — простонал горгуль. — Она не даст возможности пустить вас туда, пока пять фамильяров не обретут хозяев, понимаете, сеньор? Мы бы рады, но...

Он развёл в стороны одновременно передними лапами и крыльями, показывая своё огорчение, но не предлагая ничего взамен.

— Но ведь здесь куча фамильяров, которые утратили хозяев и остались в живых, — намекнула я. — Более того, они привязывались к семье.

— Вы сами ответили — к семье, — вздохнул горгуль. — Связь общая и разрыв не так сильно бьёт по фамильяру. Причём по фамильяру, полному сил. У нас таких нет. Даже я — лишь слабая тень того, что могло бы быть.

— И всё же ваше поведение мне кажется форменным жульничеством, — недипломатично заключила я. — Когда все

преимущества только на одной стороне, это неправильно, тем более что эта сторона обещала помощь.

— Мы не отказываемся, но обстоятельства... — Горгул в этот раз ничем разводить не стал, просто потоптался на месте, как кот, который размышляет, достаточно ли он нагадил на этом месте и не пора ли почтить своим присутствием другое. — К тому же...

Закончить он не успел, вмешалась Альба.

— Заклинание по уничтожению демонов я вам скопирую, — предложила она, явно смущённая тем, что их сторона де факто нарушает договор сразу после заключения. — Указания точного места, где находится разрыв, у нас всё равно нет. Известно только то, что в подземелье разрушенного дворца. Но это вы и без нас знаете. Способов же закрытия прокола в библиотеке нет, вам придётся придумывать самим.

— Кроме того, сеньор Рауль, я стану вашим фамильяром, — неожиданно проворчал Бернар. — Я не могу позволить рисковать другим, но я могу и должен рискнуть сам. Вы не останетесь без помощи и поддержки. Но случится это не сегодня. И тут я перехожу ко второй неприятной новости.

— Куда уж неприятней, — проворчала я.

— Для вас, донья, — однозначно, — неожиданно сказал Бернар. — Мы... как бы вам сказать... в человеческом языке нет такого понятия... ближе всего будет «чувствуем направленный на нас интерес». Так вот, мы чувствуем направленный на нас интерес очень сильного фамильяра. Судя по всему, это ваш, донья. Поэтому в ближайшее время состоится его визит сюда. Поскольку мы собираемся держать всё в секрете, то я не могу пока стать вашим фамильяром, сеньор Рауль, а само здание должно выглядеть запущенным и непосещаемым.

— А он сможет сюда попасть? — удивилась я. — Он же не ваш.

— Он фамильяр. Ему такая защита — не помеха. При желании он и сам пройдёт, и проведёт хозяина.

Мы с Раулем переглянулись. Мой фамильяр ещё неизвестно, появится ли здесь, а вот другой, которого пока не наблюдалось...

— Диего... То есть дон Дарок, — выпалила я. — Не может так быть, что он отправился за своим фамильяром, чтобы сюда проникнуть?

— Нет, донья, таких фамильяров, как у вас, только пара на континент, остальным такие возможности недоступны, — тихо сказала Альба.

Было заметно, что возможный визит её пугал. Даже казалось, что она побледнела, если только я не выдавала желаемое за действительное. Ибо как может бледнеть камень?

— Фамильяр Эрилейских независим от них? — уточнил Рауль.

— Совершенно независим. Для того чтобы перемещаться, ему не требуется разрешение кого-то из рода. Более того, сейчас он на пике формы, поэтому род даже более зависим от фамильяра, чем фамильяр от рода. Я помню, донья, что вы хотели от него избавиться, но иначе как убить, не получится. Но тут я скорее бы поставил на то, что он убьёт вас, донья. Он очень силён.

— Он может убить меня? — удивилась я. — Он же фамильяр рода?

— Ритуал дал ему много силы и независимости. И право решать, не приносят ли ваши поступки вред роду, — тихо сказала Альба. — Мы вас прикроем, и он не узнает, что вы здесь были. Но если он всё же решит навестить этот корпус, вам лучше быть как можно дальше отсюда, чтобы он вас не почувял.

Да уж, весёлая перспектива...

— А убить его вообще можно? — внезапно спросил Рауль. — У меня такое чувство, что вы намекаете на то, что данный фамильяр несколько сошёл с ума.

— Не несколько, а вполне конкретно сошёл, — ответил Бернар. — Некоторые ритуалы даром не проходят. За заёмное могущество всегда приходится платить. А сейчас ещё приближается время нужного ему ритуала. Он может стать куда кровожаднее, чем раньше. А убить его можно, да...

Он замолчал. Наверняка не хочет выдавать методы, которыми можно убить не только сбрендившего фамильяра, но и нормального. Хотя кто в своём уме станет уничтожать помощника?

— Что для этого нужно сделать? — подтолкнул его размышления Рауль.

— Сделать это может только хозяин, — неохотно ответил Бернар. — Пройти по связи и резко ударить. Но я не уверен, что донья сильнее своего фамильяра. Да и знаний у неё нет.

— Тогда нам нужно это заклинание к тому, про уничтожение демонов, — решила я. — Когда у тебя на хвосте висит кровожадный фамильяр — то ещё удовольствие. Причём ещё неизвестно, прибудет ли он в компании тёти или нет.

Воображение услужливо нарисовало картину, как огромная уродливая помесь кота с орангутаном прыжками неумолимо движется к Теофрени. Глаза горели красным маньячным огнём, с клыков капала дымящаяся слюна. И влекла этот ужас даже не я, а ритуал, проводить который я точно не собиралась. Я не донья Хаго: мне даже посторонних было бы жалко приносить в жертву, не то что подруг. Даже саму донью Хаго было бы жалко. Всё-таки она беспокоилась и о моём благе так, как это понимала.

— А у вас есть хвост, донья? — удивилась Альба.

— Это образное выражение. Означает, что некто догоняет и подобрался очень близко, — пояснила я. — Хвоста, разумеется, у меня нет. Где вы видели Сиятельных с хвостами?

— Так мы и Сиятельных, желающих расстаться с Сиятельностью, не видели. Мало ли в чём причина этого желания у вас. Может как раз в хвосте, — проворчал Бернар. — Хорошо, я вам покажу это заклинание. Идёмте.

Альба, посчитав, что мы во всём разобрались, затопала по коридору в сторону библиотеки, кинув на ходу, что принесёт заклинание, мы же отправились в подземные помещения Сиятельного корпуса, в которых я ни разу не была и в которых не только хранились в стазисе продукты и скоропортящиеся алхимические ингредиенты, но и находились защищённые помещения для отработки заклинаний. В одно такое мы и зашли. Против Рауля Бернар не возражал. Посчитал, наверное, что почти хозяин достоин получить в порядке компенсации хоть что-то.

— Для начала, наверное, мне нужно как-то определить, что это мой фамильяр? — неуверенно спросила я. — Как это вообще можно понять?

— Сделать видимой связь? — уточнил Бернар. — Вы его совсем не чувствуете?

— Совсем. А он не чувствует меня.

— Не обольщайтесь донья. Уж он вас почувствует даже под зельями. Фамильяры своих хозяев не путают.

Усмешка Бернара оказалась на удивление хищной. Рот, полный острейших зубов приоткрылся лишь на чуть-чуть, но зубы впечатлили не только меня. Рауль откашлялся и спросил:

— А вы какой облик предпочитаете, Бернар?

Бернар неожиданно смутился, словно был не взрослым пожившим фамильяром, а совсем молоденьким, только что вылупившимся из яйца, фамильярчиком, но ответил сразу:

— Это слишком личный вопрос, сеньор Рауль. Мы его обсудим с вами наедине, хорошо? А пока мы пришли совсем не для этого. Во-первых, донье нужно заклинание для проявления связи с её фамильяром. А во-вторых...

Он замялся, пришлось дополнять самой:

— А, во-вторых, мне нужно заклинание, чтобы его убить.

Когда прозвучали эти слова, стало жутковато: не чувствовала я себя вправе лишать кого-то жизни. Но сейчас на кону стояла не только моя жизнь, но и жизни тех, кто пойдёт в уплату силе фамильяра Эрилейских. Но голос всё равно дрогнул, что сразу отметил Бернар:

— Донья, в первую очередь вам нужна уверенность в своих силах.

— А для этого мне нужно как можно скорее выучиться.

Горгул согласно наклонил голову и заскрипел необычайно противным безэмоциональным голосом:

— Итак, донья, чтобы проявить связь между собой и семейным фамильяром, нужно нарисовать в воздухе вот эту руну и напитать её силой. Из руны выйдет зелёный луч и уткнётся в фамильяра. Луч будет тем толще и насыщенней, чем ближе искомый объект. Скорее всего, отсюда вы вообще не дотянетесь до своего фамильяра, разве что он приблизился к границе Теофрени. Пробуйте.

Я попробовала. Луч оказался довольно тонким, но прекрасно заметным. Налюбоваться я не успела, потому что горгул съёс крылом мою руну и зашипел не хуже змеи:

— Донья, вы с ума сошли? Вы не только видите его местоположение, но и указываете своё.

— А ведь он близко, — неожиданно сказал Рауль. — Ближе, чем мы думали.

Горгул неохотно кивнул.

— Я бы сказал, что у границы, но уже с нашей стороны.

Передо мной само собой возникло видение оскаленной пасти хищного недружелюбного фамильяра, который нёсся сюда явно не для того, чтобы мне помогать. В лучшем случае — вернуть донье Хаго, которая меня тут же пристроит по своему усмотрению, в худшем же... В худшем в живых останется только один, и не факт, что это буду я. Я потрясла головой, отгоняя панические мысли, и сказала:

— Тогда мне нужно срочно ваше заклинание.

Глава 9

Вечером к нам в комнату пришёл Рауль с печальным известием: к нам движется не только мой фамильяр, но и моя тётя. Собственно, этого можно было ожидать, неприятности никогда не приходят поодиночке. А в этом случае тётя и фамильяр Эрилейских были-таки идеальной парой. Я почему-то была уверена: что не догадит один, догадит другая.

— Что делать будем, сеньор Медина? — спросила Ракель, сразу ухватив суть проблемы. — Она же наверняка припрётся в университет?

На удивление, известие о том, что я Сиятельная, подруга восприняла стоически и на нашу дружбу это никак не повлияло. Возможно, свою роль сыграло то, что в моих планах было разобраться с Сиятельностью раз и навсегда, а возможно, она привязалась ко мне так же, как и я к ней, и ей теперь было всё равно, кто я по происхождению. Она даже не обиделась, что я не рассказала раньше. Наверное, посчитала мои проблемы веской причиной и оценила то, что я сказала при первой возможности. Доверие — залог дружбы.

— Наверняка, — согласился Рауль. — Дон Дарок уже обратился с просьбой разрешить ей посетить университет.

— Он не уехал? — удивилась я.

— Как видите. Собирался, но что-то его задержало.

— И кто ему сообщил? — Ответом мне было молчание. — Тогда хоть как это могло произойти?

— Вариантов масса: переговорный артефакт, правильный сон, магическая почта. Да и о мурицийской шпионской сети забывать не следует.

— Неужели вы не могли отследить, с кем он встречается? — возмутилась Ракель.

— Всего предусмотреть нельзя, — заметил Рауль. — На территории университета постоянные магические возмущения, поэтому, например, переброску записки телепортом отследить невозможно. И это он ещё не в Сиятельном корпусе живёт.

А значит, его жильё подвергалось обыску, закончила я про себя. И правильно: Диего сюда прибыл точно не с добрыми намерениями. Так-то корона, которую ему почти предложили, выглядит заманчиво, но дон Дарок не может не понимать, что ему придётся на кого-то опираться. И для опоры подойдут только мурицийские Сиятельные, которые не простили Теофрени уничтожения своих родственников. А значит, никто не даст Диего править. Подомнут одни или другие.

— Но мы не о том говорим. Нам нужно укрыть Катарину. Причём так, чтобы не возникло подозрение, что она может быть пропавшей герцогиней.

— Я чувствую, у вас есть идея? — заинтересовалась я.

— Есть, разумеется. Но мне потребуется помощь сеньориты Ракель.

Ракель тут же подобралась и с надеждой уставилась на Рауля. Память о деяниях предков не давала ей покоя, и ей хотелось поучаствовать в чём-то столь же грандиозном, как освобождение страны от Сиятельных. В этот раз предполагалась куда более масштабная разборка, что не могло не вдохновлять Ракель.

— Разумеется, сеньор Медина. Всё, что от меня потребуется, — выпалила она.

— А потребуется не так много. Убрать Катарину с занятий мы не можем, потому что исчезновение любой студентки вызовет подозрение дона Дарока и доньи Хаго, поэтому надо будет заменить другой сеньоритой под личиной.

— Вы думаете, они этого не заметят? — с большим сомнением спросила я.

— Дон Дарок под моё заклинание иллюзии заглянуть не может, — ответил Рауль, не заостряя внимания на том, откуда он это знает. — Поэтому нам просто нужно взять сеньориту похожей комплекции и накрыть иллюзией нынешней Катарины. Причём у неё должна быть веская причина для этого, поскольку в университете ходить с изменённой внешностью запрещено.

— Шрам на лице? — сразу поняла Ракель. — Причём такой, который тяжело лечится или вообще не убирается?

— Именно, — подтвердил Рауль. — Поэтому я вас сейчас обеих приглашаю на ужин, где произойдёт подмена одной Катарины на

другую. И задача сеньориты Ракель — помочь нашей агентессе завтра в университете.

— Разумеется, сделаю всё от меня зависящее. Хорошо, что завтра нет лекции у Фуэнтеса. Мне кажется, он сразу раскусит подмену, — начала прикидывать Ракель. — Выглядит невнимательным и улыбочивым, но это не так. Этот сеньор всё подмечает.

— Думаю, до его следующей лекции донья Хаго уедет. Вряд ли она задержится в Теофрении надолго: Сиятельным у нас некомфортно, на что неоднократно жаловался дон Дарок.

— Флёра на всех не хватает? — хмыкнула я.

— И это тоже. Итак, сеньориты, поехали ужинать?

— Мне что-то с собой брать? — неуверенно поинтересовалась я.
— Как я понимаю, в ближайшие день-два я сюда не попаду?

— Правильно понимаете, Катарина. Но если вы поедете на ужин с вещами, это будет несколько подозрительно, — усмехнулся Рауль. — Поэтому всё, что вам понадобится, я доставлю потом.

Взяла я с собой только то, с чем решила никогда не расставаться: запас зелья, деньги и драгоценности. Даже конспекты не прихватила. На учебники тоже посмотрела с тоской: пусть большая часть изложенного там мне известна, но есть ведь и то, чего не знаю. Впрочем, если Рауль сказал: «Всё, что понадобится», не будет же он ограничиваться одной едой? Попрошу у него и книги по магии.

Вдохновлённая этой мыслью, на ужин я отправлялась почти счастливой. Ракель тоже сияла так, что встреченные студенты терялись в догадках, кто из нас был приглашён принцем, а кому досталась роль ширмы. Почему-то я думала, что к нам присоединится Альварес, но у сеньора нашлось куда более важное занятие.

Для ужина был выбран небольшой ресторанчик недалеко от университета, главным достоинством которого была лояльность владельца спецслужбам и наличие отдельных кабинетов. Потому что ради еды туда приходить не стоило. Или я просто настолько разнервничалась, что мне кусок в горло не полез? И Ракель, и Рауль ели с аппетитом, а мне вдруг подумалось, что если есть возможность для хозяина выявить связь с фамильяром, то и для фамильяра тоже наверняка существовали подобные методики. Или он вообще чувствует меня на расстоянии? Впрочем, если бы чувствовал, то донья Хаго уже давно была бы неподалёку и кружила, как хищная акула. Не

знаю, что послужило тому причиной: зелье, лишаящее меня Сиятельности, или особенности фамильяра Эрилейских — но очень похоже, что фамильяр не может определить даже направление на меня. Правда, это не гарантирует, что он не сделает стойку, когда окажется рядом. Возможно, именно на это и рассчитывает тётушка? Знать бы ещё, как выглядит эта пакость, на усиление которой идут человеческие жертвы...

Сеньорита, которой надлежало заменить меня, появилась в самом конце ужина, когда я уже окончательно уверилась, что не смогу больше протолкнуть в себя ни кусочка. Между нами даже было сильное сходство, но на её лице имелся небольшой шрам, уже подживающий.

— Слишком незаметный шрам, — бросила Ракель. — На месте того, кто залезет под иллюзию, я бы начала подозревать неладное.

— А так? — усмехнулась сеньорита, отвернулась и поколдовала над лицом, в результате чего шрам забугрился и удлинился, а сама она стала ещё больше походить на меня. Прямо копия, но со шрамом.

— Ещё одна иллюзия? — удивилась я. — Думаете, прокатит?

— Какая иллюзия? Грим, — уверенно ответила сеньорита. — А артефакт по иллюзии сеньор Медина сейчас настроит.

Забавно, но в полумраке под гримом она действительно казалась мной, только пострадавшей не так давно от враждебной магии. А настроенный артефакт придавал ей мой нынешний вид. Вряд ли донья Хаго будет пристально изучать лицо, если ей удастся разглядеть что-то под иллюзией. Для неё важнее, что это — не я.

Ракель восторженно кружила вокруг сеньориты, спрашивая то одно, то другое. Причём вопросы касались не магии, а грима. Очень уж удачно сеньорита надела мою личину.

— Думаю, вы можете обсудить это в общежитии, — решил Рауль. — Сейчас нужно добиться соответствия голоса и интонаций.

На это ушло ещё где-то с полчаса, после чего Ракель и «Катарина» отправились в общежитие, а мы с Раулем остались.

— И куда теперь? — спросила я.

— В университет, — неожиданно ответил он. — Есть у меня там одна потрясающая, хорошо экранированная комната. Вас, Катарина, никто не почувствует, а вы же будете рядом на случай каких-то срочных вопросов по донье Хаго. Уверен, она заявится прямо с утра.

Я почему-то тоже была в этом уверена, и единственное, чего мне хотелось — быть подальше от университета в то время, когда там появится сладкая парочка: тётушка и фамильяр Эрилейских. Конечно, был вариант, что они действуют независимо, но уж очень небольшой.

В университет мы вернулись под отводом глаз, и на нас даже не среагировало охранное заклинание. Как объяснил Рауль, на особ королевской крови, под заклинанием или без оно, защита реагировать и не должна. Что это за теофренийский университет, если он не действует в интересах теофренийской власти?

Я думала, мы пойдём в кабинет Рауля, но он повёл меня совсем в другую часть корпуса, да ещё и на последний этаж, с которого мы проникли на чердак. Именно на чердаке оказалось то самое, прекрасно экранированное помещение. Подозреваю, что сделал его Рауль лично для себя, на случай если захочется от всех скрыться, потому что там было всё, что нужно для автономного выживания. Даже крошечный санузел и запас еды. Причём в само это помещение можно было попасть, только если о нём знаешь: проявлялось оно, когда в воздухе перед собой рисовали особую руну. Как сказал Рауль, это помещение даже заклинания поиска не брали. На вопрос, не в пространственном ли кармане мы сейчас, теофренийский принц ответил утвердительно и добавил, что это неопасно и не лишает возможности наблюдать за всем, что происходит снаружи.

Я сразу проверила и подошла к окну, которое казалось странным, словно изображение выводилось на зеркало. Тем не менее двор университета был хорошо виден. Он был почти пустынен, потому что уже темнело, и студенты разбежались кто куда: кто в общежитие учиться, кто в город развлекаться.

Казалось бы, что там так долго изучать? Но поворачиваться было почему-то страшно. Комнатка была крошечная, и я постоянно чувствовала Рауля. Его дыхание шевелило мои волосы на виске, и это ужасно тревожило. И сам он тревожил, поэтому я старательно притворялась, что ничего более интересного, чем вечерний двор университета, раньше видеть не видела. Я молчала, теофренийский принц молчал, и в комнате повисла тишина, которая казалась плотной и осязаемой.

— Устраивайтесь, Катарина. Я приду утром, — хрипло сказал Рауль.

И не успела я развернуться, как он уже исчез, предоставив мне возможность дальше изучать всё самостоятельно. Хотя что там было изучать? Основное помещение было настолько миниатюрным, что в него влезали только узкая кровать, тумба с запасами еды, небольшой письменный стол и полка с книгами, на которые я сразу положила глаз. Увы, темы, там разбиравшиеся, для меня оказались слишком сложными, поэтому я всё вернула на полку. Заняться было совершенно нечем: я попялилась ещё некоторое время в окно, затем сходила в душ, заварила себе чашку чая, уселась на кровать и задумалась. Размышления были не слишком весёлыми, ну так и жизнь не особо подкидывала мне сладости в последнее время.

Чай я допила и улеглась спать, даже не подозревая о сюрпризе, который подкинет эта ночь. А подкинула она Теодоро, хотя в этот раз я не пренебрегала ничем из того, что требуется для безопасного сна. И тем не менее наглый мурицийский монарх опять залез ко мне в комнату.

К счастью, комната была та самая, где сейчас спят Ракель и лже-Катарина, а Теодоро в этот раз не смог продвинуться даже на шаг от окна. Он словно прилип к одному месту и задёргался, как муха, попавшая в паутину. Или как бабочка: всё-таки для мухи Теодоро был слишком красив. А так дёргаясь и теряя каждый миг крупинцы флёра, словно мотылёк пыльцу с крыльев, он почти не терял ни сиятельного великолепия, ни королевского достоинства.

— Ваше Величество, вам не кажется, что вламываться по ночам к девушке — неприлично, — пробурчала я. — Я из-за вас не высыпаюсь.

— Так мужчина для того и приходит в женскую спальню, чтобы не дать женщине уснуть, — нахально заявил Теодоро, не оставляя попыток вырваться. Но паутина, в которую он вляпался, позволяла только движение назад. — Иначе что это за мужчина?

— Хорошо воспитанный? — предположила я. — Тот, кто сначала женится, а только потом переступает порог спальни? Заметьте, именно переступает порог, а не лезет в окно, как загулявший мартовский кот.

— Эстефания, если вопрос стоит так жёстко, то я как раз и пришёл сказать, что готов, — неожиданно сказал Теодоро.

Выглядел он как человек, расстающийся с самым дорогим.

— К чему? — удивилась я.

— Жениться. Признаться, при первом нашем разговоре на эту тему я был несвободен от обязательств, но, слава Двуетиному, они рассосались самостоятельно, и теперь я могу позволить себе выбрать королеву.

Тем не менее улыбка у него была несколько вымученная, словно выбирал не он, а за него. Возможно, сыграли свою роль опасения, что игра доньи Хаго пройдёт успешно и я вместе с герцогством окажусь в Варенции, тем самым серьёзно сократив размеры Муриции. И приведёт это к войне, которой можно избежать, самому женившись на упёртой герцогине. Или, как вариант: выманить мышку из норки на свои Сиятельные прелести и всё-таки отрубить голову, чтобы неповадно было дразнить королей.

— А что думает по этому поводу моя дражайшая тётушка? — уточнила я. — Не должны ли вы были поинтересоваться в первую очередь у неё, как у моего опекуна?

— Мы с доньей Хаго достигли взаимопонимания, — сообщил Теодоро, улыбаясь уже вполне непринуждённо. — Она согласна с моими условиями, а я — с её. Именно поэтому у нас с вами и получился этот разговор, донья поспособствовала каплей своей крови. Признаться, вы хорошо спрятались.

— И какие у неё условия? — подозрительно уточнила я.

— Двуетиный, Эстефания, зачем вам это? Это скучная торговля, в которой каждый интригует в своих интересах.

— Мне тоже кажется, что тётушка интригует в своих интересах, а должна в моих, — заметила я.

— В ваших интриговал я, — гордо возвестил Теодоро. — Не могу сказать, что это было очень легко, но определённых успехов я достиг. От этого брака выигрываю не только я и страна, но и Эрилейские.

После этих слов предложение Теодоро, которое и так меня не особо привлекало, показалось ещё менее заманчивым. Что-то мне кажется, что там, где выигрывают Эрилейские, проигрываю я.

— Раз уж мы всё выяснили, — продолжил Теодоро, — то иди ко мне. И покончим раз и навсегда с нашими недопониманиями.

Он протянул в мою сторону руки, почему-то вызвав ассоциацию не с влюблённым сеньором, а с зомби, который действует по заложенному внутрь алгоритму. Свежему красивому зомби, который

ещё не успел осознать, что он покойник. Если, зомби, разумеется, вообще что-то осознают.

— Я подумаю над вашим предложением, Ваше Сиятельное Величество, — ответила я, даже не дёргаясь с места.

— Эстефания, а не обнаглела ли ты? — вкрадчиво спросил Теодоро, чьи ноздри гневно затрепетали. — Я предлагаю тебе стать моей королевой, а ты отвечаешь, что только подумаешь?! Любая на твоём месте уже в обмороке бы валялась от счастья.

— Извините, Ваше Сиятельное Величество, но, во-первых, я не любая, если уж вы прикладываете такие усилия, чтобы вернуть меня. Во-вторых, вы меня так часто и старательно обманывали, что у меня нет веры вашим словам. А в третьих...

Тут я замолчала, потому что всё, что лезло в голову, категорически не подходило для общения с королём.

— Что в-третьих? — довольно грубо спросил он.

— В-третьих, мне понравилось в Варенции. Тут такие милые люди... Даже присутствие графа Нагейта не особо раздражает. Может, потому что он наконец отправил любовницу подальше?

Теодоро злился всё сильнее и сильнее и напоминал грозовую тучу, которая собирается разразиться дождём по всем правилам — с ураганным ветром и молниями.

— Эстефания, если ты вернёшься сама, то пострадаешь куда меньше, чем если тебя вернёт донья Хаго. Герцогство в любом случае перейдет под руку короны, но с тобой или без тебя... Выбирать тебе, дорогая. Моё предложение в силе долго не будет.

— Вы такой непостоянный, Ваше Сиятельно Величество? — рассмеялась я. — Или вы настолько скоропортящийся жених, что не можете немного подождать моего решения? Вас заразил Бласкес?

— При чём тут вообще Бласкес? — рявкнул он. — Речь о нас двоих.

Похоже, раньше Теодоро получать отказ не доводилось.

— Как при чём? — делано удивилась я. — Он воняет так, словно протух пару лет как. Ваше Величество, я уже говорила, мне нужны гарантии.

— Я тебе их и предлагаю.

— Слова, которые слышали только мы вдвоём, могут так и остаться между нами. Нет, Теодоро, мне нужно что-то

посущественней. Я не хочу сразу по возвращении попасть на плаху.

На самом деле, я не собиралась возвращаться вовсе, во всяком случае, в ближайший год, но сейчас надо было как-то успокоить Теодоро, потому что не я могла заблокировать его неприятную особенность лезть в мои сны. Не хотелось бы, чтобы в следующий раз меня выдернули из сна, как морковку из грядки, и я проснулась бы совсем в другом месте. Рядом с мужчиной, который не знает отказов и которому не слишком интересно постороннее мнение, если оно не совпадает с его собственным.

Глава 10

Тётя отвлекаться на всякие мелочи, типа представлений ко двору короля Теофрении, не стала, выдвинулась сразу туда, куда собиралась, — в университет. Причём с самого утра, к началу занятий.

Но Рауль появился раньше. Принёс собой поднос со свежей выпечкой и кофейником. Выпечка заманчиво пахла корицей и представляла из себя малюсенькие воздушные квадратики, начиненные столь же воздушным кремом. То есть он казался воздушным, но наверняка был очень калорийным. Потому что я уверена: чем вкуснее то, что ешь, тем оно калорийнее. Исключения если и встречаются, то только чтобы подтвердить правило. Но мне беспокоиться о размерах талии было рано, поэтому я с удовольствием жевала выпечку, запивала обжигающим кофе и слушала Рауля, который завтракал вместе со мной, но это не мешало ему вводить меня в курс дела.

— Графиня Хаго прибыла вчера поздним вечером, и сразу же встретила с доном Дароком, который уже ожидал в гостинице, номер в которой заняла донья после разговора.

Он замолчал, чтобы сделать глоток, и я нетерпеливо уточнила:

— О чём они говорили?

— К сожалению, подслушать не удалось.

— Вам — и не удалось? — удивилась я.

— Польщён такой верой в меня, Катарина, — улыбнулся он, — но я не всемогущ.

— То есть вас слишком поздно позвали?

Он сложил руки в замок и со странным выражением на меня посмотрел.

— Почему вы так решили, Катарина?

— Вы сильный маг и постоянно занимаетесь тем, что оттачиваете мастерство, — пояснила я. — На политику вы тоже отвлекаетесь, но именно что отвлекаетесь. А моя тётя и дон Дарок ею живут и отвлекаются как раз на магию. Следовательно, вы должны знать и уметь больше.

— Вы не учитываете внутрисемейные техники, Катарина, — он прищурился и, сделав глоток кофе, потянулся за булочкой.

— Почему не учитываю? Учитываю. Но у вас и своих должно хватать. Недаром же ваш предок стоял во главе Легиона? Он был сильным и знающим магом, если сумел справиться со всеми Сиятельными в стране. А значит, у вас есть куча козырных тузов в рукавах и вы наверняка смогли бы пробиться через защиту моей тётушки и Диего, если бы прибыли на место вовремя. Скажете, не так?

Он застыл, и я увела у него прямо из-под руки один из квадратиков, название которых я не удосужилась узнать, но от этого они ничуть не становились менее вкусными.

— Скажу, что мне иногда кажется, что вы шпионка, нарочно к нам засланная, чтобы у Муриции был повод на нас напасть и захватить страну, — мрачно сказал он.

— Ешьте плюшки, Рауль, и не придумывайте всякую ерунду. Утренний кофе с плюшками — лучшее средство для поднятия настроения, как говорил великий Карлсон.

Рауль неожиданно нахмурился и спросил:

— Кто такой Карлсон?

— О, потрясающий мужчина в полном расцвете сил, — пояснила я, пытаясь не расхохотаться при воспоминании о величии «лучшего в мире привидения с мотором». — Знает и умеет почти всё, как он утверждает. Но лучше всего у него получается летать, — я покрутила пальцем в воздухе, имитируя движение пропеллера, — и есть варенье.

— Есть варенье у меня тоже прекрасно получается, — проворчал Рауль, явно чем-то недовольный.

— Жаль, что мне нечем вас угостить, а то бы я с интересом сравнила, — продолжила я. — Нужно будет сварить баночку специально для вас, Рауль. Как вы относитесь к яблочному?

— Положительно. — Взгляд его смягчился. — Но боюсь, в вашем варианте оно будет не совсем съедобно.

— Вы думаете, я вас попытаюсь отравить?

— Я думаю, что Сиятельных вряд ли допускают до кухни.

— Зато нас допускают до алхимических лабораторий, — возразила я. — Думаете, зелье проще варить, чем варенье?

— Думаю, что всему надо учиться.

— Нельзя относиться с таким предубеждением к другим людям, Рауль, — наставительно сказала я. — Давайте поспорим, что я сварю варенье ничуть не хуже, чем это делают на дворцовой кухне.

— Сомнительный предмет спора. На нашей кухне варенье не варят, мы покупаем у постоянного поставщика, — усмехнулся Рауль, явно заинтересованный моим предложением. — Можно изменить условие, а проигравший...

Закончить он не успел, потому что взвыл артефакт, который лежал на подносе и на который я до этого не обращала внимания. Рауль сразу посерьёзней и стал даже как будто старше.

— А вот и ваша тётя, Катарина.

Я бросилась к окну и увидела, как тётушка, сопровождаемая Диего, плывёт во двор академии, накрывая всех встречных флёром. Почему я сразу подумала про флёр? Потому что иначе они не пялились бы на неё с таким восторгом и не застывали на месте, как статуи. Собственно, путь графини Хаго не слишком отличался от пути какого-нибудь василиска, после которого тоже оставались недвижимые изваяния. Правда, статуи графини через какое-то время подавали признаки жизни, а значит, её проход был не столь убийственен для людей.

Внезапно тётушка замерла, как насторожившаяся охотничья собака, и подняла голову. Она находилась совсем далеко, и всё же впечатление, что она смотрит прямо на меня, оказалось столь сильно, что я отшатнулась от окна прямо на Рауля. Он придержал меня за локоть и сказал:

— Успокойтесь, Катарина, донья Хаго вас не видит.

— Я бы не была в этом столь уверена. Если через окно я вижу её, то что ей мешает видеть меня?

— Это не совсем окно. Скорее, иллюзорный артефакт.

Рауль что-то сделал, и лицо тёти резко увеличилось в размерах, заполнив почти весь экран, который раньше мне казался окном. Донья Хаго была напряжена и явно магичила, потому что вид у неё был то ли прислушивающейся, то ли принимающей. При этом она пыталась сохранить вид доброжелательной и добродетельной особы, но что-то шло не так и флёр постоянно пытался сползти, обнажая её хищную натуру.

— Я её здесь не чувствую, — голос прозвучал так, словно донья Хаго стояла за спиной.

Я вздрогнула и повернулась, но там был лишь Рауль, который жестом предложил мне сесть за кофе и успокоиться очередной булочкой. Но я внезапно поняла, что боюсь так, что не смогу проглотить вообще ничего.

— Вы уверены, донья? — Диего сейчас в зоне видимости артефакта не было, но это был точно он.

Рауль что-то подправил, и теперь мы могли наслаждаться обеими Сиятельными физиономиями, от лицезрения которых у меня окончательно пропал аппетит. Возможно, теофренийский принц это понял, потому что внезапно изображение стало меняться, показывая гостей с разных ракурсов, но на звук это не повлияло.

— Честно говоря, не совсем, дон Дарок. — Тонкие губы тётки сложились в странную усмешку. — Что-то такое витает в воздухе неопределённое. — Теперь она точно дёрнула носом, словно пытаясь это неопределённое поймать. — Возможно, это результат зелья.

— Непредусмотрительно с вашей стороны было учить племянницу изготовлению такого зелья. Слишком сложно её теперь искать.

Тётя окатила высокомерным взглядом Диего и бросила:

— Я смогу её обнаружить, если окажусь рядом. В любом случае поиск я запущу.

Она сладко улыбнулась запыхавшемуся ректору, который подошёл как раз после этих слов.

— Донья Хаго, какая честь для нашего университета.

— Сеньор Муньос, благодарю вас, что вы позволили осмотреть святая святых Теофрени, университет, где ваши дети учатся магии.

— Катарина, прекратите задерживать дыхание, — с лёгкой насмешкой сказал Рауль, — они нас не слышат. И звук, и изображение проходят только с одной стороны.

— Это радует, — согласилась я, не отрывая взгляда от лица тётки.

Сейчас, когда на меня не действовал её флёр — слишком далеко она от меня находилась — я перестала испытывать к ней всякую симпатию, и чувства мои представляли что-то среднее между страхом и отвращением. Иррациональный страх, поскольку в отношении меня

она ничего в действительности угрожающего жизни и здоровья не использовала.

— А фамильяр? Он должен быть рядом с ней? — спохватилась я.

— Не обязательно. Он мог уже давно просочиться в стены университета и обследовать здесь каждый уголок самостоятельно. Насколько я понял из объяснений Бернара, он не только может действовать независимо, но и чуть ли не приказывать Эрилейским.

Тем временем ректор и Сиятельные продолжали обмениваться комплиментами, что тётушку заметно нервировало: её губы становились всё тоньше и тоньше, а она сама начала напоминать готовящуюся к прыжку кобру. Да не простую, а королевскую, с огромным раздувающимся капюшоном и клыками, с которых капает яд.

— Интересно, в фамильярах змеи могут быть? — невольно спросила я.

— Могут, — ответил Рауль. — Там широкий выбор. Каждый маг может найти что-то отвечающего его вкусам или пристрастиям. Но чаще достаётся predetermined типаж.

— Сеньор Муньос, — наконец не выдержала тётушка, чья улыбка уже напоминала оскал, — Его Величество Луис обещал полное содействие, а вы болтаете о всякой ерунде, явно пытаетесь меня задержать.

От её вежливости не осталось ровным счётом ничего. Даже тон подразумевал, что она стоит неизмеримо выше не только собеседника, но и самого теофренийского короля. Диего, стоявший рядом, насмешливо прищурился и даже не сделал попытки намекнуть достопочтенной донье на неприличность её поведения. Впрочем, он сам вёл себя ничуть не вежливее. Но ректор словно бы не замечал хамства гостей.

— Полноте, ваше Сиятельство, — смущённо сказал он, — нам скрывать нечего. Его Величество сообщил о ваших подозрениях, но, уверяю вас, они беспочвенны. При приёме проходит такой тщательный отбор, что никаких Сиятельных у нас быть не может.

— Вот и проверим.

Тёте окончательно надоело играть воспитанную донью, и она величественным жестом отодвинула ректора с пути. Диего бросился вперёд, показывая дорогу.

— Рауль, насколько опасно сейчас использовать заклинание по выявлению связи с фамильяром?

— Если он где-то недалеко, то вы сразу указываете своё местонахождение. Из-за того, что комната в пространственном кармане, с точностью его не определяют, но найдут очень быстро. Поэтому не стоит.

Я кивнула, принимая его решение, и спросила то, что стало беспокоить меня после разговора тётки с ректором.

— Ваш отец совсем ничего не знает обо мне?

— Разумеется, нет, — ответил Рауль. — И это хорошо, потому что в сложившейся ситуации он бы вас выдал Муриции без долгих разговоров.

— О ситуации, пожалуйста, поточнее.

Говоря, я продолжала следить за Сиятельными. Артефакт работал безупречно: за ними словно постоянно летала камера и передавала изображение. И дон, и донья молчали, и даже ректор был непривычно тих и трусил за ними, сосредоточенно что-то обдумывая.

— Теодоро прислал письмо с угрозами, — пояснил Рауль. — Муриция намного сильнее нас как армией, так и количеством магов.

— То есть если меня всё-таки найдут, у вас будут серьёзные неприятности?

— Не волнуйтесь, Катарина, не найдут, если не будете намеренно лезть к Сиятельным. Фамильяра сейчас тоже искать не надо.

— Но я уверена, что он где-то рядом с тёткой.

— И что? Вы вылезете и броситесь в бой? — усмехнулся Рауль. — Катарина, на стороне вашего фамильяра будут два Сиятельных, а на вашей — только вы. Вы пустите прахом и свой побег, и будущее моей страны. Вы думаете, я это допущу?

Закончил он неожиданно жёстко, и это меня отрезвило: иррациональный страх перед тёткой не должен влиять ни на меня, ни на тех, кто мне помогает. Я села и ухватилась за свою чашку, словно пыталась найти в ней опору. Чашка была артефактной, и кофе в ней был всё так же горяч. Но вкуса его я не чувствовала.

Процессия дошла до нужной аудитории, в которой уже началась лекция, но Диего это не остановило: дверь он распахнул, даже не постучав, и широким жестом предложил войти графине Хаго. Видно, решил, что будет лучше, если гнев мага-преподавателя на себя примет

дама. Но гнев на себя мужественно принял ректор, а дама же лениво осматривала ряды студентов, ни на ком не задерживаясь и не переживая, что сорвала лекцию целого курса. Нашего курса, между прочим. Рауль что-то подправил, и на экран выводилось теперь изображение притихших студентов. Вот и Ракель со «мной».

— Не вижу никого подходящего, дон Дарок, — прошипела тётя явно так, чтобы слышал только Диего.

— Сеньорита Кинтеро, будьте добры подойти к нам, — неожиданно сказал Диего, хищно оскалившись.

— Я? — удивилась моя копия, и после подтверждающего снисходительного кивка спустилась к Сиятельным и уставилась на Диего преданными глазами.

— А теперь, донья Хаго? — с превосходством в голосе спросил Диего.

Тётя посмотрела на сеньориту, причём явно не обычным взглядом, потом повернулась к Диего и презрительно бросила:

— Дон Дарок, вы идиот. Вы заставили меня проделать столь долгий путь ради чего? Ради собственных фантазий?

— Вы уверены, донья Хаго? — удивился Диего и недоверчиво посмотрел сначала на тётю, потом на «меня». — У девицы поведение в точности, как у Эстефании.

— Донья Эстефании, — прошипела тётя, указывая Диего его место. — Я абсолютно уверена, что это не моя племянница. И также я уверена, что моей племянницы в этой аудитории нет.

Глава 11

Диего продолжал разглядывать «меня», подозрительно щурясь. Но сеньорита оказалась прекрасной актрисой. Сейчас она, распахнув глаза и рот, с таким восторгом смотрела на Сиятельных, словно флёром её не просто накрыло, а до полной потери мозгов.

— Милочка, идите на место, — презрительно бросила тётя и движением кисти указала, где место сеньориты Кинтеро.

Та противиться не стала и потопала к Ракель, тётя же тем не менее из аудитории не выходила, внимательнейшим образом осматривая всех и задерживаясь взглядом на тех двух сеньоритах, которых я посчитала перспективными для Диего. Посчитала их перспективными и дражайшая родственница.

— Донья Хаго, вы только что сказали, что вашей племянницы тут нет, — проявил нетерпение Диего.

— Если уж я проделала такой длинный путь, то стоит задержаться на пять минут и проверить то, что вы должны были сделать раньше, — прошипела она в ответ, улыбаясь так, словно говорила изысканный комплимент. — Вас, дон Дарок, сюда отправили не хвост распушать перед сеньоритами, а работать.

Ректор, стоящий рядом и прислушивающийся к разговору, нахмурился. Наверняка ему озвучивали другие причины прибытия Диего, которых явно было больше, чем одна, и к которым сейчас прибавился шпионаж.

— Донья Хаго, — тем не менее вежливо сказал он, — мне кажется, что вы уже убедились, что напрасно побеспокоились.

Говоря это, он невольно косился на «меня», потому что наверняка заметил и иллюзию, и то, что под ней, и пока не знал, как к этому относится. Может, даже грим обнаружил — сеньор был очень наблюдательным. Но слава Двуетиному, ещё и молчаливым. Положение личной ученицы Рауля спасало от многих неприятностей. В том числе — от излишней болтовни на мой счёт.

— Здесь все без исключения сеньориты, поступившие в этом году? — повернулась к нему тётя.

— Абсолютно все.

— Не принимали ли вы на работу в этом году новых служащих?

— Двух сеньоров в оранжерею и пожилого сеньору в уборщицы.

— И всё?

— И всё, — с трудом скрывая раздражение, бросил ректор. — У нас очень редко меняются сотрудники.

Донья Хаго кивнула, принимая ответ, и важно прошествовала по проходу к первой из подозреваемых. Та испуганно втянула голову в плечи, но это ей не помогло: донья вцепилась ей в подбородок, заставила поднять голову и встретиться глазами. Та застыла, больше всего напоминая кролика перед удавом. Кажется, от ужаса она не только не мигала, но и не дышала.

— Теперь я понял, почему вы спрашивали про змей, — неожиданно сказал Рауль. — В вашей тётушке действительно есть что-то от них.

— Не иначе как от фамильяра нахваталась, — заметила я, не отрываясь от разыгрываемой на моих глазах сцены.

Донья отпустила подбородок жертвы и отряхнула руки таким брезгливым жестом, словно невзначай испачкалась, затем прошла ко второй сеньорите и повторила представление. Ракель не выдержала и довольно громко высказала своё мнение про наглость Сиятельных, которые давно попутали берега и которым не место в такой порядочной стране, как Теофрения.

Диего прищурился весьма выразительно: чую, придётся на его занятии подруге отдуваться за слишком длинный язык. Тётя же сочла ниже своего достоинства обращать внимание на чей-то посторонний писк и повернулась к ректору:

— Я хочу увидеть вашу новую уборщицу.

— Зачем она вам, донья? — удивился тот. — Она не может быть вашей племянницей, исходя из возраста. Я бы скорее подумал, наоборот: что она — ваша тётя.

— Затем, что моя племянница скрыться так, чтобы её было почти невозможно обнаружить поиском, могла лишь на территории университета, и я должна убедиться, что её здесь нет под зельем или под иллюзией.

Ректор опять невольно посмотрел на меня, что не преминула отметить донья Хаго:

— Да, я вижу, что сеньорита под иллюзией, но я вижу и то, что под ней, поэтому нет, это не она.

При этих словах Эрнандес заинтересованно повернула голову ко «мне», пристально разглядывая и прикидывая, что «я» могу скрывать. По её губам скользнула нехорошая улыбочка, словно поведение и манеры доньи Хаго оказались настолько заразными, что передались воздушно-капельным путём.

— Удачно вы придумали, Рауль, — всё же признала я. — Тётя ничего не заподозрила.

— Если бы донья промолчала, было бы удачнее, — заметил он. — А теперь вас ждут пара неприятных дней, а то и недель. Для иллюзии должны быть веские причины на территории университета.

— Ой, эти неприятности — мелочи по сравнению с тем, что могла бы доставить тётя, — отмахнулась я. — Романов я заводить всё равно не собиралась, так какая разница, что обо мне подумают другие студенты?

Тем временем процессия важно шествовала по коридору в поисках уборщицы. Нашлась та на третьем этаже старательно полирующая кованые перила. Ректор остановился рядом с ней и громко сказал:

— Вот.

Уборщица испуганно вскрикнула, уронила тряпку и ухватилась за сердце. Наверное, посчитала, что к её работе возникли претензии, и собиралась таким нехитрым способом от них отделаться. Выглядела она достаточно пожилой, чтобы слова ректора о тёте и племяннице не казались насмешкой.

— Сеньор Муньос, вы издеваетесь? — холодно поинтересовалась донья Хаго.

— Почему же? — удивился тот. — Ваше Сиятельство, вы просили показать недавно принятую работницу. Я показываю.

На кончиках пальцев тётушки заструились огоньки, но она быстро справилась со вспыхнувшей яростью, тем более что сеньор действительно только выполнил её просьбу.

— Больше никого?

— Если вы не хотите осмотреть сеньоров в оранжерее...

Она прикрыла глаза, но не для того, чтобы успокоиться, а чтобы отправить поисковое заклинание, которое дымной лентой сорвалось с

её руки и, раскручиваясь по спирали, принялось обследовать университет. Я затаила дыханье, поскольку хоть Рауль и сказал, что в этой комнате никто не сможет меня засечь, до конца в этом не была уверена.

— Катарина, не забывайте дышать, — с лёгкой насмешкой сказал Рауль. — Донья Хаго вас по звукам не вычислит.

— А вдруг?

— Никаких вдруг. Сюда поисковое заклинание может попасть только при открытой двери. Дверь закрыта. Вы сомневаетесь во мне?

— Скорее, очень боюсь донью Хаго.

Поисковое заклинание вернулось и впиталось в тётину руку. Лицо доньи приобрело задумчивость, очень надеюсь не потому, что дражайшая родственница унюхала какие-то мои эманации.

— У вас очень странный университет, — неожиданно обвиняюще бросила она сеньору Муньосу. — Очень, очень странный.

И посмотрела так, словно это была вина исключительно ректора.

— Ну, простите, донья, какой есть, — опешил тот. — А в чём странность?

Вопрос донья проигнорировала.

— Дон Дарок, пойдёмте. Здесь нет никого интересного.

Тётя развернулась и прошла мимо сеньора Муньоса, как мимо пустого места. Её примеру последовал и Диего. А ректор хоть и явно разозлился, не сказал на это вообще ничего. Видно, серьёзные инструкции получил от своего правителя. Видно, очень серьёзные проблемы захлёстывали Теофрению, если самоуважение приходилось засовывать столь далеко.

— Я теперь не удивляюсь, что у ваших предков возникло желание разобраться со всеми Сиятельными сразу, — не удержалась я.

— Эти ещё вежливо себя ведут, — поддержал меня Рауль. — Марсела рассказывала... Впрочем, вам это неинтересно.

— Мне довелось увидеть, как Теодоро к ней относился, — коротко ответила я, понимая, о чём собрался умолчать теофренийский принц. — Я одного не понимаю, как после всего этого у вашего отца не пропало желание ввести в семью Сиятельного.

— Это не его прихоть, — коротко ответил Рауль.

Сиятельные вышли во двор, и тётя уверенно направилась к Сиятельному корпусу. На мгновение я испытала злорадство: сейчас

опять всё пойдёт не так, как ей хочется. Диего тоже понял, куда ведёт её путь, поэтому предупредил:

— Корпус нас не принимает.

— Вас, дон Дарок, вообще в приличных домах не принимают, — отрезала дражайшая родственница. — Думаю, не надо уточнять почему.

— При чём тут это? — возмутился Диего. — И как, скажите на милость, отражается то, что мне отказали от дома несколько семей в Труадоне, на то, что меня не пускает Сиятельный корпус?

— Чувствует вашу гнилую натуру.

— Моей натуре до вашей ещё гнить и гнить, — огрызнулся Диего, ничуть не оскорблённый, а напротив, даже выглядевший польщённым, словно собеседница признавала не оценённые ранее достоинства.

На его лице расплывалась ехидная улыбка, ширящаяся по мере того, как они приближались к Сиятельному корпусу, но донья Хаго взяла его за руку и решительно прошла сквозь двери, протаскивая за собой Диего, как воздушный шарик на верёвочке. После чего звук и изображение от нас отрезало.

— Почему?

Я повернулась к Раулю. Как так? Ведь сейчас наверняка пойдёт самый важный разговор, а мы ничего не слышим.

— У меня нет полного доступа туда, — пояснил Рауль. — Но он есть у вас. Дайте руку и расслабьтесь.

Недоумевая, чем ему может помочь моя рука, я её всё-таки протянула и сразу почувствовала, как заклинание пошло уже через меня и было пропущено в Сиятельный корпус.

— ... объясняла, у вас слишком грязная репутация, чтобы проходить куда-то бесконтрольно.

— Да будет вам, донья, — лениво протянул Диего. — Нас всё равно никто не слышит, а меня таким не пробьёшь. Как вы прошли?

Он оглядывался по сторонам, никуда не двигаясь. Впрочем, тётя тоже не торопилась. Возможно, ждала торжественную встречу? Но горгулий не было. Как не было никаких признаков их присутствия. Тётя отправила сканирующее заклинание, которое опять же по спирали отправилось обследовать здание.

— Элементарно. Если бы вы привезли с собой фамильяра, прошли бы тоже.

— Он предпочитает путешествовать с отцом. Так что? Вышла из строя защита?

— Скорее почти разрядился накопитель.

— Но на уборку его хватает, — отметил Диего. — Пыли нет.

В доказательство он провёл рукой по раме ближайшего портрета и показал спутнице чистый палец.

— Бытовые артефакты требуют куда меньше энергии, чем поддержание псевдожизни в фамильярах, потерявших хозяина. Ловушек нет, дон Дарок, можно идти дальше.

— А смысл? Вашей племянницы здесь тоже нет, — протянул Диего. — Вынести отсюда мы ничего не можем.

— Вам Теодоро оставил поручение? — удивлённо повернулась тётя к нему. — Мне он наказал поспособствовать его выполнению.

— Донья? Вы собираетесь это сделать сами?

— Но вы же не смогли? — высокомерно бросила тётя.

Она двинулась по коридору в одном ей известном направлении.

— Я бы и не брался, — хохотнул Диего. — Но Теодоро крепко держит меня за... В общем, крепко держит клятвой, и я не могу ему отказать. Но что заставляет рисковать вас?

— Двуетиный, дон Дарок, в чём, по-вашему, для меня риск? — рассмеялась тётя. Красиво рассмеялась, как положено благородной донье: словно серебрястые колокольчики прозвенели в эльфийском лесу.

— В том, что даже до границы не доедете: вас догонят и разорвут. Вы же понимаете, что взрыв не ограничится одним Сиятельным корпусом? Он снесёт весь университет, разом лишив Теофрению как преподавателей, так и подающих надежды молодых магов. А возможно, и обоих королевских отпрысков. Трагедия для всей страны.

Я невольно вздрогнула, представив всё это. Но мою тётю подобной ерундой было не пронять.

— Почему это должно меня волновать? — презрительно бросила она. — Это будет лишь малой платой за то, что они сделали со своими Сиятельными. В конце концов, в планах Теодоро нет сохранения Теофрении, как отдельного государства. Или вы уже примеряете корону, дон Дарок? Смотрите, не дай Двуетиный, мозги натрёт, у вас их и без того не сказать чтобы было достаточное количество. Доинтригуетесь до плахи, и Теодоро даже раздумывать не будет,

потому что у вас есть подающий надежды младший брат, а значит, род не прервётся.

Диего криво ухмыльнулся.

— Можно подумать, Теодоро переживает, остаётся ли что-то от рода, когда решает казнить Сиятельного. Это неправильно: нас и так мало, и становится с каждым годом всё меньше. Но он больше прислушивается к Бласкесу, чем к Сиятельным родам.

— Что поделать, за всё приходится платить.

Тётя это выдала совершенно равнодушно, и не было понятно, на что она намекает. Двигалась она целеустремлённо, в комнаты не заглядывала, дошла до конца коридора и принялась спускаться в подвал. По обеим сторонам лестницы зажглись тусклые огоньки, освещающие путь.

— Донья, не будет ли лучше, если вы уедете, а я активирую? — внезапно предложил Диего.

— Один вы не пройдёте, дон Дарок. Я ценю ваше беспокойство о своей жизни. Побеспокоюсь и о вашей: мы оба успеем уехать, когда здесь рванёт. Можно отложить запуск на двое суток. Успеете за это время решить здесь свои дела?

— Да я их уже решил. Уеду с вами. Можно и на сутки задержку ставить.

— Лучше с запасом. Во избежание неожиданностей.

Они спустились уже довольно глубоко под землю и остановились перед дверью, на которой запирающие заклинания были едва заметны.

— Открывайте же, дон Дарок, — нетерпеливо сказала тётя.

Диего послушно приложил к двери артефакт, который до этого висел у него на шнурке на шее и терялся во множестве подобных и приложил к двери. Заклинания втянулись в артефакт, и дверь с громким скрежетом, режущим уши, отворилась.

Глава 12

Признаться, когда я увидела артефакт, которым собирались разрушать Сиятельный корпус, испугалась: это была концентрированная тьма. Вязкая, колючая, вызывающая безотчётный ужас. А ведь я видела только изображение, а не стояла рядом, в отличие от Диего, которого приложило идущей от артефакта силой так, что он побледнел, а волосы встали дыбом. Надеюсь, от воздействия магией, а не от страха.

Тётя же невозмутимо прошла к самому артефакту и принялась двигать рычажки и кристаллы, выстраивая одной ей понятную схему.

— У вашей родственницы железная выдержка, — отметил Рауль. — Смотрю, даже дону Дароку в присутствии этой магии нехорошо, а донья Хаго словно ничего не замечает.

Белизна Диего начала отчётливо приобретать сине-зелёный оттенок, когда тётя завершила настройку и нажала на большой кристалл, который тут же засиял яркой тревожной краснотой.

— Вот и всё, дон Дарок, — она повернулась к спутнику и усмехнулась, оценив его плачевное состояние. — Хоть одно полезное дело мы с вами сделали, если уж Эстефанию не нашли.

— А если окажется, что ваша племянница здесь и взорвётся вместе с остальными? — глухо сказал он, прижимая к лицу кружевной платок, по стилю подходящий больше даме, чем брутальному сеньору.

— Я её здесь не чувствую, хотя, признаюсь, дон Дарок, есть в стенах этого университета какие-то странные родственные эманации. Но если бы Эстефания была тут, я бы её обнаружила, уж поверьте, у меня свои методы.

Почему-то подумалось про фамильяра, который наверняка сейчас рыщет по всему университету. Как так получилось, что он подчиняется донье Хаго, хотя должен подчиняться только Эрилейским? Или... уже донья Хаго подчиняется ему? Но она не выглядит зависимой и выполняющей чужие неприятные требования, в отличие от Диего. Того явно тяготило поручение, выданное королём. Почему-то подумалось, что говорил он тогда перед дверью в расчёте на слушателей, которых подозревал или на которых надеялся.

— Жизнь порой непредсказуемая штука, — заметил Диего и с огромным облегчением закрыл дверь к артефакту уничтожения. Активировать запирающее заклинание он тоже не забыл. — Сейчас нет, а потом появится и взорвётся вместе с университетом.

— Значит, такова её судьба, — равнодушно бросила тётя и пошла к выходу. Задерживаться она здесь не собиралась. И я её понимала: устройству уже столько лет, что оно может сработать куда раньше, чем запланировано.

— И вам ничуть не будет жаль донью Эстефанию? — бросил ей вслед Диего.

— Она сама выбрала свой путь, — заметила тётя. — Хотя могла бы принять судьбу наследницы великой фамилии. Так что нет, не будет. Разве что в части планов, которые придётся корректировать. С её поддержкой всё прошло бы намного легче.

— Что именно?

Тётя остановилась и развернулась к идущему за её спиной Диего. По её рукам поползло незнакомое заклинание, которое явно не несло в себе ничего хорошего: как я успела понять, чем темнее заклинание, тем большей гадости от него можно было ожидать, а это было угольно-чёрным. Таким чёрным, что казалось: оно уже всю поглощало донью и начало с рук.

— Откуда такие интересы к чужим тайнам, дон Дарок? Выполняете поручение сюзерена?

— Упаси Двуетный. — Выставил Диего руки в защитном жесте. — Пытаюсь вести светскую беседу, насколько это вообще возможно в такой ситуации. Вы уверены, что это древнее устройство не взорвётся прямо сейчас?

— Никак вы трусите, дон Дарок?

— Не хотелось бы умереть во цвете лет из-за чьей-то глупой самонадеянности, донья Хаго, — огрызнулся он.

— Если вы и умрёте во цвете лет от чьей-то глупой самонадеянности, то она будет вашей собственной, дон Дарок. — Тётя втянула в руки черноту заклинания и улыбнулась, а мне опять почудилось нечто змеиное в её улыбке. Всё-таки есть преимущество подглядывания через иллюзорный экран: видишь всё без Сиятельного флёра. — Чтобы вы умерли здесь, я должна вас здесь забыть. Признаться, пару раз мне это уже захотелось.

Диего нервно хохотнул, давая понять, что оценил шутку. Но в глазах его веселья не было, равно как не было веселья на лице тётки. Она сказала, что думала, после чего развернулась и опять пошла к выходу. Диего ускорила, не отставая от неё ни на шаг. Видно, решил, что не стоит давать врагине возможность его тут оставить.

— А что вы скажете Теодоро, если меня тут забудете, донья Хаго?

— Думаете, Теодоро будет меня расспрашивать, дон Дарок? Вы слишком высокого мнения о своей персоне.

— У меня есть на это основания.

— Двуетидный. — Тётка опять замерла, хотя была почти у двери. — Дон Дарок, для Теодоро что вы, что я — лишь орудия. Когда орудия ломаются, о них забывают. Какие у вас планы на сегодня?

— Заберу вещи и рвану к границе. Подозрительно это не будет, я и раньше собирался, якобы обсудить с Теодоро предложение по поводу Марсела.

— Марсела? Это кто?

— Теофренийская принцесса.

— Ааа, — равнодушно протянула тётка. — Что ж, дон Дарок, вам повезло: не будет Марсела и предложение автоматически аннулируется.

Она дотронулась до двери, и Диего торопливо, как маленький мальчик, ухватил донью за руку, боясь остаться внутри здания, в котором отсчитывает часы бомба. Вышли они, держась за руки, как лучшие друзья, и так улыбаясь, что я на месте сеньора Муньоса, который их терпеливо дожидался, заподозрила бы, что этих двоих связывает крепкая взаимная неплатоническая любовь, несмотря на некоторую разницу в возрасте.

— И как, дон Дарок? — спросил он. — Обнаружили внутри следы пребывания племянницы доньи Хаго?

— Увы, нет, — состроил тот страдальческую физиономию. — Более того, здание в столь ветхом состоянии, что по нему страшно ходить. Не удивлюсь, если оно обрушится со дня на день.

— Что вы, дон Дарок, — ослепительно улыбнулась тётка. — Здание, построенное Сиятельными, не может просто так разрушиться. Хотя с тем, что обветшало, я вынуждена согласиться. Не бережете вы доставшееся от предков, сеньор Муньос.

Если они таким образом пытались отвести от себя подозрение по уничтожению здания, то зря: обветшавшее здание если и рухнет, то не унесит за собой весь университет. Хотя в отношении Диего можно было предположить, что он пытался намекнуть об опасности.

— Простите, донья, но у нас туда даже доступа нет, — опешил ректор.

— Это не снимает с вас ответственности, — отрезала она. — Дон Дарок, надеюсь встретиться с вами уже в Муриции, куда я незамедлительно выезжаю.

Она двинулась к выходу, прямая, как проглотившая кол кобра, и Диего пришлось практически кричать ей в спину:

— Донья Хаго, вы же приехали в собственной карете? Точнее, в карете Эрилейских?

— Места для вас, дон Дарок, там нет, — ответила она, не оборачиваясь.

Похоже, для неё общение с артефактом-бомбой тоже не прошло даром: очень уж она была взвинчена, чего не пыталась скрыть. Судя по тому, что студентов буквально сдувало с её дороги, флёр она не сдерживала.

— Не удастся вам сэкономить на дороге, дон Дарок, — попытался снять напряжённость ректор.

Диего смерил его таким взглядом, словно раздумывал, не прибить ли на месте за нанесённое оскорбление, но сдержался и бодро направился за своими вещами. От тесного общения как с опасным артефактом, так и с опасной графией он уже полностью оправился. Даже цвет лица восстановил: и не подумаешь, что несколько минут назад этот смуглый молодой человек, дышащий здоровьем, мог прекрасно слиться со стеной. Разумеется, если бы полностью разделся — с такими яркими одеждами, как у него, затеряться на фоне побелки ни у кого не получилось бы.

Я повернулась к Раулю. Выглядел он, словно постарел лет на десять. Ещё бы, чуть не прохлопал знатную диверсию. Получается, Диего согласился на приезд именно с целью снести пустующий корпус? Но фамильяры? Неужели они никому не нужны? Ведь их тоже даже не попытались спасти, оставили такую возможность нам. Но как за двое суток можно разбудить и вывести такую толпу? А ведь им

нужны хозяева, чтобы сразу после выведения из спячки, не исчезнуть...

Паниковать было рано, а вот действовать — самое время, если мы не хотим остаться у разбитого корыта. Точнее — у уничтоженного университета. Людей можно эвакуировать всех, но с горгульями такой финт не пройдет.

— Рауль, — потрясла я принца за плечо, — не время для медитаций. Диего надо задержать и отобрать у него ключ. И донью Хаго тоже нужно арестовать и предъявить обвинение.

— Катарина, а как докажем? — он очнулся и показал, что не просто так уходил в себя, а в поисках нужных мыслей. — Будет моё слово против слова двух Сиятельных. И если в Теофрении моё слово чего-то стоит, то в Муриции оно не стоит ничего. Теодоро только и ищет повода для войны. Арест двух его Сиятельных подданных будет очень подходящим поводом.

— Это да, с арестом я погорячилась, но ключ-то нам всё равно нужен, — напомнила я. — Подозреваю, что без него мы не сможем попасть к бомбе и её обезвредить.

— Подозреваю, что и с ним мы не обезвредим. Я сталкивался с такими артефактами, они одноразовые.

— Если нельзя отключить, можно сломать или уничтожить. Но сначала нужно туда попасть. А потом будем решать проблемы по мере поступления, — предложила я. — Пока вам нужен карманник.

— Карманник? — удивился он.

— Чтобы незаметно обчистить дону Дарока, нужен карманник.

— На доне Дароке сигнальных артефактов, как клопов в плохой гостинице, — заметил Рауль. — Нет Катарина, карманник с этим не справится. Придётся мне.

— Да у вас масса талантов, Рауль, — восхитилась я. — Да ещё таких, о которых нельзя рассказывать широкой публике.

Я шутила, хотя мне вовсе не было весело. Кажется, я оказалась катализатором по ухудшению отношений между Теофренией и Мурицией. Кто знает, прислал бы мурицийский король Диего, если бы не моё исчезновение? С другой стороны, Сиятельным этот корпус в теофренийском университете как бельмо на глазу, наверняка и до моего появления строили планы, как его ликвидировать, да только боялись здесь появиться. И тут появился легальный повод. Но не факт,

что Теодоро отправил бы дона сюда, не рассчитывая одним Диего прибить сразу двух зайцев. По одному зайцу попасть не помогло даже подключение моей тётки, будем надеяться, что и со вторым Сиятельные тоже не преуспеют.

— Катарина, вы сидите здесь безвылазно, пока мы не убедимся, что донья Хаго уехала. Скорее всего, фамильяр путешествует вместе с ней и может пока находиться в университете. Вы в безопасности только в этой комнате.

Рауль выскочил, а магический экран продолжал транслировать картинку, зафиксировавшись в месте, где расстались тётка и Диего. И там проходила совершенно обычная студенческая жизнь. Никто даже не подозревал, что, если ничего не делать, вскоре произойдёт трагедия.

В поле моего зрения появился Рауль и к нему почти сразу подошёл ректор, который в раздумьях стоял перед Сиятельным корпусом.

— Сеньор Медина, что у вашей ученицы с лицом? Такой безобразный шрам. Я уверен, что раньше его не было.

— Пострадала на занятии, сеньор Муньос, — невозмутимо ответил Рауль. — Можно было залечить сразу, но сеньорита бы тогда запомнила куда хуже, что следует быть осторожной. Кроме того, она тренирует удержание иллюзии, что тоже полезно для неё, как для будущего мага. Аккуратность и контроль — очень важные качества для мага.

— Это вы хорошо придумали, сеньор Медина, — восхитился ректор, и я не могла с ним не согласиться. — Действительно, для любой сеньориты ущерб внешности — самый страшный кошмар. И иллюзия прекрасная, никогда бы не подумал, что первокурсница, недавно начавшая обучение, может сделать такую качественную, да ещё так долго удерживать.

— Не слишком она качественная получилась, если вы заметили, сеньор Муньос.

— Я бы, может, и не обратил внимания, но Сиятельные проверяли сеньориту. Какие всё-таки неприятные наши гости.

— Они нашли, что искали?

Рауль не выказывал раздражения от того, что его задерживали. Впрочем, он мог и дожидаться, когда Диего выйдет, чтобы не позорить родной университет воровством.

— К счастью, нет.

— К счастью?

— Если бы у нас, не дай Двуетиный, нашли эту пропавшую Эрилейскую, Муриция бы нас уничтожила, — неожиданно ответил ректор. — Не зря, ох не зря там сейчас подогревается ненависть к нашей стране. Теодоро Мурицийскому только дай повод. Я даже, грешным делом, подумал, что они специально послали к нам эту герцогиню, чтобы обвинить в похищении и напасть. Не представляете, какое я испытал облегчение, когда донья Хаго нас покинула.

— Рано вы его испытали.

Ректор испуганно охнул и схватился за грудь:

— Вы что-то знаете, сеньор Медина?

Рауль невольно посмотрел на Сиятельный корпус, но сказал не то, что я ожидала:

— Мне кажется, пока второй Сиятельный нас не покинет, расслабляться не надо.

Ректор выдохнул с явным облегчением.

— Ну и напугали вы меня сеньор Медина. Да только он тоже собрался уезжать, пошёл вещи собирать.

— В самом деле? В таком случае мне нельзя откладывать разговор с ним. Извините, сеньор Муньос, но я вынужден вас покинуть.

— Терпения вам, сеньор Медина, — страдальчески сказал ректор.

— Терпения вам.

А ещё удачи.

Глава 13

Рауль пошёл к Диего, а картинка осталась на месте. Этак мне не доведётся увидеть, как теофренийский принц совершает кражу. Подозреваю, что второй такой возможности может не быть. Я припомнила, что делал Рауль с изображением, и попыталась перетянуть управление на себя. Заклинание было завязано на создателя, как я обнаружила сразу же, но попытки не оставила, поскольку заниматься всё равно было нечем, а так хоть в магии попрактикуюсь. Когда получилось, я даже удивилась, но решила, что на это повлияло то, что подглядывание в Сиятельном корпусе шло через меня, поэтому заклинание, пусть неохотно, но меня признало.

Как к кому-то цеплять, я так и не разобралась, пришлось направлять ручками, постоянно корректируя, благо я знала, куда направился Рауль. Заклинание догнало его на лестнице, чему я обрадовалась, поскольку до Диего он не дошёл и самое интересное ждало впереди, а вот тому, что Рауль своё заклинание почувствовал, радости мне не доставило. Он повернулся, удивлённо подняв брови, и, казалось, уставился прямо на меня. Я испугалась, что сейчас меня отключат от картинки, но тут Рауль покрутил головой, убрал все эмоции с лица и как ни в чём не бывало продолжил подниматься по лестнице, бросив словно самому себе:

— Излишнее любопытство до добра не доводит.

Я с ним в корне была не согласна. Во-первых, у меня вовсе не излишнее любопытство: всё происходящее касается непосредственно меня. А во-вторых, на мой взгляд, именно любопытство было одним из двигателей прогресса: чем человеку интереснее разбираться, тем больше вероятности, что он придумает что-то новое.

Рауль остановился у двери, постучал, дождался резкого ответа и вошёл. Диего заканчивал забрасывать вещи в дорожный мешок, с ним в руках и обернулся к вошедшему.

— Ваше Высочество? У нас остались нерешённые вопросы? — недовольно спросил он и сразу после этих слов застыл.

К сожалению, через такое изображение магии было не разглядеть, поэтому самого заклинания я не заметила, как не заметила, и как его

отправлял Рауль. А сделал это именно он, потому что он невозмутимо подошёл к Диего и аккуратно расстегнул его рубашку, после чего выбрал нужный артефакт, вернул всё в состояние «как было» и вернулся к двери, заняв именно ту позу, в которой стоял, когда Сиятельный отправил ему вопрос.

— Остались, — сказал он, как только Диего начал двигаться.

Надо же, тот даже не заметил, что на него чем-то воздействовали. И это было пугающе. Нет, я понимала, что предки Рауля — непростыми магами были, если смогли не только противостоять флёру, но и напрочь выкорчевать Сиятельных со своей земли, но зримое подтверждение этого оказалось пугающим. Я задумалась, насколько могу чувствовать себя в безопасности рядом с теофренийским принцем, если куда более опытный в магии Диего так легко попался, и не было ли на меня подобного воздействия. Опасное это заклинание.

— Двуетдинь, я уже сказал, что не могу решать это единолично, только после разрешения Его Величества Теодоро. Или вы думали, мы с ним уже переговорили?

Я вывела изображение так, чтобы видеть лица сразу обоих, пусть и в профиль.

— Нам нужна определённая дон Дарок.

— Вот переговорю с Его Величеством Теодоро Блистательным, и будет вам определённая, — бросил Диего. — Только знаете, Ваше Высочество. — Он в точности скопировал гадкую тётину улыбочку. — Если будет та определённая, которую хочет Его Величество Луис, то вам места в Теофрении не найдётся ни в какой роли. Более того, я вам настоятельно посоветовал бы уехать из страны, потому что мне не нужны ни вы, ни ваши потомки. И решать я это буду радикально.

— Откровенно, — криво усмехнулся Рауль.

Диего насмешливо прищурился.

— А я вообще откровенный. Плохое качество для будущего правителя?

— Плохое, — согласился Рауль. — Только у вас его нет.

— И всё же я бы вам советовал уехать прямо сейчас, — с нажимом сказал Диего. — Максимум задержаться на день. Только так у вас будет шанс остаться в живых. Вы не поверите, но вы мне чем-то симпатичны, Ваше Высочество. А сейчас, простите, мне пора.

Диего подхватил дорожный мешок, затянул горловину и пошёл прямо на Рауля, поскольку тот перегораживал выход. Рауль сдвигаться в сторону не стал, вышел первым. Диего рядом с ним не задержался, пошёл на выход столь целеустремлённо, словно не он только что пытался предупредить Рауля об опасности. Впрочем, похоже, он и ректору сигнализировал. Неужели лежит на нём клятва наподобие моей, когда прямо ничего не скажешь, если это противоречит какому-то условию? Тогда, получается, он не такая уж сволочь? Или это часть мне непонятной игры? Впрочем, воспитанности Диего это всё равно не добавляло: с теофренийским принцем он даже не попрощался.

Я двигала картинку, следя за Раулем, а он двигался довольно неторопливо. Настолько неторопливо, что, когда он вышел на улицу, Диего уже покидал территорию университета. А движения Рауля становились всё более и более замедленными. Чувствовалось, что ему всё сложнее и сложнее идти. Он убедился, что Диего ушёл, потом залез в карман, вытащил кругляшок, сломал его и внезапно исчез с экрана, чтобы тут же появиться рядом со мной. Он успел ещё сказать:

— Катарина, не пугайтесь и ни в коем случае никого не зовите.

После чего потерял сознание. Я еле успела направить его падение на кровать, а то грохнулся бы теофренийский принц на пол и напрочь испортил бы свою внешность. Сломанный нос, он никого не красит. Хотя с местным уровнем целительства, его бы вправили без последствий. А может, уже и вправляли неоднократно, с такими-то приступами.

Время от времени тело Рауля скручивалось, словно в судороге, но сам он не издавал ни звука. Принц сказал не пугаться? Я не испугалась, я была в ужасе. Я понятия не имела ни что происходит, ни что я могу сделать. Возможно, правильным решением сейчас было бы как раз сбегать за целителем? Но Рауль чётко сказал: никого не звать.

Я металась по комнате, ломая руки, и не знала, что делать. Внезапно принц затих, я к нему бросилась — и о, ужас! — мне показалось, что он не дышит. Я приложила ухо к его груди, но стука сердца не услышала.

Боже мой! Неужели Диего его чем-то отравил? Но тогда бы Рауль не вёл себя так, словно это происходит не впервые.

Срочно! Помощь нужна срочно! Я метнулась к выходу и сообразила, что понятия не имею, как открывать эту комнату изнутри.

Я взялась руками за голову и постаралась немного прийти в себя. Я и сама могу использовать некоторые целительские заклинания. Я отправила на Рауля одно из них и поняла, что так я ничего сделать не смогу: на принце наверняка были артефакты, не пропускающие чужую магию, поэтому моё заклинание с него скатилось, как морская волна с гальки.

подавляя панику, которая уже всю поднимала голову, я пыталась найти выход из тупика. Позвать никого не могу, магией сделать ничего не могу. Остаётся только не магией воздействовать. И почему я не ходила на курсы по первой помощи? Сейчас бы знала, как действовать. И тут меня осенило. Искусственное дыхание! Главное — запустить дыхание.

Трясущимися руками я ослабила ворот рубашки Рауля, набрала как можно больше воздуха и прильнула к его рту, в который и выдохнула всё, что набрала и даже больше — опустошила свои лёгкие под ноль. Затем вспомнила, что нужно надавить на грудь, что я и сделала изо всех сил. Потом опять набрала воздух, но выдохнуть его правильно не вышло, потому что вместо искусственного дыхания неожиданно получился поцелуй. То есть пострадавшая сторона оказалась жива-здорова и вполне себе дееспособна. Меня это так обрадовало, что я даже какое-то время на поцелуй отвечала, а потом резко пришла в себя. Отстраниться совсем не получилось, потому что принц меня уверенно обнимал и тянулся за новым поцелуем.

— Рауль, что вы делаете? — возмутилась я.

— Показываю, как правильно целоваться, — пояснил он. — А то у вас чувствуется явный недостаток опыта. Я почувствовал себя воздушным шариком.

В себя он уже пришёл, и только лёгкая бледность напоминала о том, что недавно он выглядел не совсем живым.

— Я вовсе вас не целовала! — возмутилась я. — Мне показалось, что вы собираетесь умереть.

— И вы хотели снять с моих губ последний вздох? — уточнил он.

— Я хотела в вас вдуть воздух, чтобы вам было чем дышать.

Он меня не отпускал и смотрел с каким-то детским удивлением.

— Это какая-то методика Сиятельных? — осторожно уточнил он.

— Это методика для тех, кто не владеет магией. А что мне было делать? Мне показалось, что вы не дышали, а моё целительское

заклинание с вас просто соскальзывало. Я так испугалась, что не знала, что делать. И отпустите меня, наконец, в ваших уроках такого толка я не нуждаюсь.

— А если посчитать их дополнительным секретным курсом? — В ответ я так на него посмотрела, что Рауль тяжело вздохнул и разомкнул руки, не преминув добавить: — Вы разбиваете мне сердце, Катарина. Я-то подумал, что вы решили воспользоваться моим обездвиживанием и получить то, о чём долго мечтали. А на самом деле вы меня просто надували.

Я встала, поправила платье и на всякий случай отошла на другую сторону комнаты. Отдалило меня от Рауля это не сильно, мы всё равно находились слишком близко друг к другу. И слишком недавно был поцелуй.

— Я думаю, вам в ближайшее время будет не до разбитого сердца, — заметила я, пытаясь скрыть смущение. — У нас с вами всего два дня, чтобы что-то придумать.

— А что тут придумывать? Взрывать надо.

— В каком смысле взрывать? Там же люди... точнее, фамильяры, которые никуда не смогут уйти и погибнут. Вы это понимаете, Рауль?

— Я это понимаю. А ещё понимаю, что, если взрыв произойдёт по-настоящему, разрушится весь университет и, скорее всего, ещё часть Фанда. А значит, для посторонних взрыв надо имитировать и закрыть иллюзией Сиятельный корпус. Сейчас я ещё немного полежу, отойду, и займёмся делом.

— А что это вообще было Рауль? — осторожно спросила я. — В смысле только что с вами.

— Откат после остановки времени для донна Дарока. Ненавижу это заклинание: требует много магии и даёт сильнейший откат. Чем дольше воздействие, тем дольше потом валяюсь без сознания. Сейчас я даже встать не рискну — голова закружится, и не только от последствий отката.

Посмотрел он на меня весьма выразительно, но я сделала вид, что не поняла намёка, и проворчала:

— Лучше бы вы Диего просто по голове дали, чтобы голова кружилась у него, а не у вас. Вам сейчас нужна голова в порядке.

— Сейчас ещё немного полежу, и она будет в порядке. Возможно, если вы ещё раз попытаетесь вдуть в меня воздух, процесс пойдёт

быстрее.

— Смотря какой, — ехидно ответила я. — Рауль, вам сейчас нужно думать не как меня соблазнить, а как выбраться из того дерьма, в которое нас упорно запикивают. Теодоро точно планирует войну. И ему нужен только повод. Не найдёт — придумает.

— Сначала он будет ждать, когда мы выставим претензии за подрыв университета. Он же не просто так направил сюда аж двух Сиятельных с конкретным требованием. Сейчас в университете собраны все сильнейшие маги за редким исключением. Кто-то выживет благодаря защитным артефактам, но большая часть по плану Теодоро должна погибнуть. Это существенно облегчит ему нападение.

— То есть если ему станет известно, что университет не разрушился, то он вряд ли немедленно развяжет войну?

— Что думает Теодоро, мне неизвестно, но вероятность становится ниже.

Рауль сел на кровати, покрутил головой, проверяя, не отвалится ли, если он вдруг начнёт резко двигаться, потом всё-таки встал, явно собираясь уходить, поэтому я быстро сказала:

— Рауль, какой у нас план? Вариант, что я буду отсиживаться тут, а вы разбираться с бомбой, меня не устраивает. Я хочу её видеть. Вдруг что-то посоветую.

Говорила я уверенно, словно во всём этом разбиралась, но на самом деле: покажи мне бомбу — и я не буду знать, как к ней подступить. Но и быть простым наблюдателем не хочу.

— План у нас такой. Я сейчас иду в Сиятельный корпус и выясняю, убрался ли из университета ваш фамильяр. Если убрался, то возвращаюсь за вами, Катарина. Если нет, то придётся мне обезвреживать бомбу без вашей помощи.

Я подозрительно прищурилась:

— Я буду следить за вашими переговорами с фамильярами, Рауль.

— Следите, Катарина, — разрешил он и опять оставил меня одну.

Глава 14

В Сиятельном корпусе Рауля встретил донельзя испуганный Бернар, который и ответил на вопрос о фамильяре Эрилейских, что тот уже удаляется от Фанда. Рауль обещание сдержал, за мной вернулся, и к магической бомбе мы пошли вдвоём. Точнее, вчетвером, потому что обе горгульи к нам присоединились. Бернар молчал, а Альба время от времени всхлипывала и повторяла: «Как же так, как же так...» По-видимому, сегодня разбились остатки её иллюзий относительно Сиятельных, и было это очень болезненно. Меня тоже отношение к фамильярам удивило. На мой взгляд, они представляли собой огромнейшую ценность, поэтому я не удержалась:

— Рауль, а почему Сиятельные не подумали спасти фамильяров? Даже речи о них не зашло...

— А зачем они Сиятельным?

— Нашли бы хозяев, — удивилась я. — Разве нормальный маг откажется от фамильяра?

— Нормальный маг не откажется, — согласился Рауль. — Но, Катарина, вы же сами не так давно говорили, что число Сиятельных сокращается. А это значит что? Уменьшается число магов, которым можно пристроить фамильяров. О том, чтобы отдавать их несиятельным, с точки зрения Сиятельных, и речи быть не может. Поэтому сокращается количество не только Сиятельных, но и фамильяров.

— Мы уходим навсегда, — глухо сказал Бернар. — Фамильяры не могут рассчитывать на перерождение.

— Сиятельных не заботит судьба теофренийских фамильяров. Более того, они считают правильным, если те уйдут вслед за хозяевами, которых давно нет.

— Но части же удалось убежать, — напомнила я. — Значит, не все Сиятельные Теофренийские семьи уничтожены под ноль.

— Сбежавших либо уже тоже нет, либо они получили фамильяра вымершего рода, либо на них приехавшим сюда Сиятельным было наплевать.

Мы остановились перед нужной дверью, и Рауль приложил открывающий артефакт, после чего стало понятно, почему так поплохело Диего. В уши ворвался тихий, но необычайно противный звук, больше всего похожий на скрип пенопласта по стеклу. У меня сразу заболели зубы и по телу побежали толпы мурашек, но не таких, которые бывают в предвкушении чего-то хорошего, а таких, за которыми сразу приходит какая-нибудь гадость. Захотелось бежать не оглядываясь. Но ничего такого я себе позволить не могла, поэтому стиснула зубы, чтобы они не стучали друг о друга, и подошла к бомбе, у которой не было вообще ни одного провода для перерезания. Зато была целая куча кристаллов, переливающихся всеми цветами, нажатие на которых в правильном порядке наверняка могло выключить подготовку к взрыву. Проблема в том, что нажатие в неправильном порядке могло активировать прямо сейчас, а значит, здесь не место для эксперимента.

Я осмотрелась. Нигде на стене не было плакатов с указанием, что и как нажимать. Вообще, комната оказалась на редкость пустой: кроме магической бомбы, там не было вообще ничего. Рауль выглядел ничуть не более воодушевлённым, чем я. Похоже, ни с чем подобным он раньше не сталкивался. Но смотрел он пристально, разбирался куда больше, чем я, и если ему не удастся найти нужные нам дыры в защите артефакта, то на меня надежды вообще никакой не было.

— Вы обещали идеи по обезвреживанию, Катарина, — напомнил сильно побледневший принц.

Подозреваю, с моей физиономии краски тоже схлынули. Самочувствие было хуже некуда: все кости ломило, а уж тошнило так, словно я что-то съела очень несвежее и оно хотело как можно скорее покинуть желудок. Пожалуй, я теперь не удивлялась, почему Диего выглядел столь блёкло, зато самообладание тёти вызывало восхищение. Горгульи, и те побледнели, а Альба так вообще пятилась, стремясь поскорее отсюда убраться.

— Я уверена, что должна быть инструкция, — ответила я. — Здесь её нет. Возможно, в библиотеке?

Рауль жестом предложил выйти, и когда мы все оказались, снаружи запер комнату. Все неприятные ощущения исчезли, словно их выключили. Альба вернула свой обычный тёмно-серый цвет и проскрежетала:

— И что теперь?

— Теперь мы должны понять, как это выключается, — сказал Рауль. — Схему я запомнил, но идей нет. Катарина считает, что в библиотеке должна быть инструкция.

— Её там точно нет, — ответил Бернар. — Такие вещи не хранят в местах общего доступа.

— А там есть места только общего доступа или тайные секции тоже имеются? — уточнила я.

— Есть секция не для всех, — неохотно ответил Бернар. — Но там нет инструкции.

— Безобразия, — возмутилась я. — Даже на утюги вкладывают инструкции, а тут, на такое опасное устройство, не побеспокоились.

— Никогда не видел утюга с инструкцией, — заметил Рауль.

— А вы его вообще в руках держали? — парировала я.

— Вообще держал, — ответил он. — И к нему не прилагалась никакая инструкция. Слишком простое приспособление.

— А этот артефакт — не простое приспособление, значит, к нему должна прилагаться, — попробовала я увести разговор со скользкой темы инструкций к утюгам на нужную нам тему инструкций к артефактам. — Потому что не может же такого быть, чтобы не запрограммировали возможность отключения. Это непредусмотрительно.

— Информация о таких артефактах только у монархов, — ответила Альба. — И как их активировать и как их деактивировать.

Боюсь, Теодоро даже в голову не придёт поделиться столь ценной информацией, ни со мной, ни с Раулем. Но Рауль же принц, следовательно, его отец король...

— Рауль? — повернулась я к принцу. — Вашей семье, как правопреемнице Сиятельной династии, могло что-то достаться из их документов.

— Вы плохо учили историю, Катарина. Нам от них ничего не досталось. Когда последний Сиятельный король Теофрении понял, что скоро будет захвачен и казнён, он взорвал дворец со всеми и всем, что там находилось. После его заклинания сплавилась даже артефакты.

— По всей видимости, эта часть истории в моей памяти под блоком, — вздохнула я. — Так, насколько я понимаю, никто даже приблизительно не представляет, как эта гадость отключается?

Альба смущённо развела крыльями, Бернар покрутил тяжёлой головой, и только Рауль ответил словами:

— Я не сталкивался ни с чем подобным. Боюсь, при попытке уничтожить этот артефакт, он сразу взорвётся. Есть там такой неприятный блок, против постороннего вмешательства. И отключить его невозможно. Во всяком случае, на работающем артефакте.

— Предлагаю всё-таки пойти в библиотеку и посмотреть всё, что есть по артефактам-бомбам. — Я сурово взглянула на горгулий и добавила: — В первую очередь — из закрытой части. И это в ваших интересах, Бернар и Альба. Как я понимаю, вывести быстро ваших товарищей не получится?

— Не получится, — подтвердила Альба. — Ещё хозяев нужно будет срочно подобрать. На такую толпу, поди, набери. А ритуал привязки? Нет быстро не получится донья.

— Вы должны дать клятву, — заявил Бернар, — которую дают все, кого допускают в библиотеку.

Он неодобрительно посмотрел на Альбу, наверняка вспомнив, как она опростоволосилась со мной. Клятву я до сих пор не дала. Более того, считала, что такая клятва слишком нас сейчас ограничивала бы.

— Бернар, мы не можем дать такую клятву, потому что она может пойти во вред вам же, — пояснила я. — Мало ли что и как придётся использовать, чтобы остановить уничтожение. Поэтому о рамках речи не идёт.

Горгульи переглянулись, явно общаясь на ментальном фоне, и Альба неуверенно сказала:

— Если только вы пообещаете не трогать никакие другие книги, кроме тех, что касаются нужных вам артефактов...

— А если в них будет отсылки на другие книги? — почувствовал слабинку Рауль. — Давайте так. Сегодня мы имеем право брать любую требующуюся литературу.

— Но это неправильно, — вяло запротестовала Альба. — Все, кто проходит в библиотеку, должны первым делом дать клятву.

— Но это же требование Сиятельных? — напомнила я. — А вы к ним теперь не имеете никакого отношения. Вы подчиняетесь правящей семье Теофрении, которая делает всё, чтобы вас спасти. А вы только палки в колёса ставите, словно вас не волнует ни ваша судьба, ни судьба ваших друзей.

Горгульи опять переглянулись.

— Ну если это так рассматривать, — неохотно сказал Бернар, — то вы правы. Пойдёмте. Но вы, донья, к правящей в Теофрении семье отношения вообще никакого не имеете, так что на вас доступ не распространяется.

Это был удар ниже пояса...

— Но я же не просто так хочу пройти, а чтобы помочь Раулю.

— А то он без вас не справится, — оживилась Альба, которая решила, что нарушение для правящей семьи — это не нарушение, поэтому была полна энтузиазма не пустить в библиотеку теперь уже только меня. — Вы можете посидеть в одной из комнат, подождать Его Высочество. Я вам даже обед принесу.

— Катарина идёт со мной, и это не обсуждается, — продолжал давить Рауль. — Информации много, я просто могу не успеть просмотреть всё один. И да, обед бы мне тоже не помешал. Но позже.

Бернар посмотрел на Альбу, та проворчала:

— Ещё не вступили во владение корпусом, а уже командуют...

Но больше никаких возражений не последовало, и в библиотеку прошли все. Правда, подозреваю, что горгульи глаз с нас спускать не будут чтобы мы, не дай Двуетдинь, не сунули нос куда ненужно. Но книги они приносили сразу по первому требованию. Вначале только касавшиеся взрывных артефактов, а потом уже всё, что просил Рауль. Ничего лишнего он не просил: только то, что было нужно, чтобы нащупать решение, если уж с ходу найти его не удавалось.

Проблема была в том, что артефакт-бомба внизу не имел аналогов ни в одной из книг в этой библиотеке. Это даже я понимала, а Рауль так вообще становился всё мрачнее и мрачнее с каждым просмотренным томом. Да и томов оставалось всё меньше и меньше, пока наконец они не закончились все. А идей как не было, так и не появились.

— Альба, ты что-то говорила про обед? — преувеличенно бодро спросила я. — Настало время отвлечься от просмотра библиотечного фонда и просто подумать.

— Оранжевая спальня, донья? — предложила горгулья. — Она самая удобная из гостевых.

— Кровать бы оттуда ещё убрать, — проворчала я. — Она, для того чтобы думать, совершенно лишняя.

— Вы сядете к ней спиной, и она не будет вас смущать, — предложил Бернар. — Хотя Сиятельные обычно не столь щепетильны.

— Можно подумать, все Сиятельные сюда приходили только с одной целью.

— Не все, — согласился Бернар. — У тех, что перед вами приходили, цель была другая.

— Я бы удивилась, если бы тётя и Диего навестили вашу любимую оранжевую спальню, — не удержалась я. — Мне кажется, дон Дарок вообще боится мою дражайшую родственницу.

— Не только он, — заметила Альба. — Мы тоже очень боялись, что нас засекут. Но Бернар оказался прав: той малости, что мы себе оставили из энергии, было недостаточно, чтобы нас обнаружили.

— Может, просто не хотели, — возразил горгул. — Они нас всё равно собрались всех сразу убивать, так зачем вылавливать поодиночке? Эх, до чего мы дожили... Прячемся от Сиятельных и идём в услужение к обычным магам.

— Будущее — за обычными магами, — оптимистично сказала я. — И вы это прекрасно знаете.

Прошли мы всё-таки в Оранжевую спальню, и с удобствами устроились в креслах. Рауль был мрачен, и это лучше всяких слов говорило, что выхода он не видит.

— Сломать эту пакость никак? — всё же уточнила я.

— Вообще никак, — кивнул он. — Чтобы сломать, нужно сначала отключить, а чтобы отключить, нужно знать комбинацию кристаллов, если она вообще есть. А я не исключаю, что её может не быть. Потому что такие заклинания закладываются только на случай, когда вокруг всё рушится, понимаете, Катарина?

Я кивнула. Говорить, что если один маг что-то сделал, другой маг это вполне может сломать, смысла не было, потому что с высокой вероятностью мы сломали бы всё вместе с собой. И боюсь, такая смерть была бы неправильной, что очень огорчило бы мою предшественницу. И не просто неправильной, но и очень глупой.

Тележку прикатил в этот раз Бернар, и на ней не было ни одной бутылки вина. Есть с нами горгул тоже отказался. А Альба так вообще не появилась, отсиживаясь где-то в коридоре. Наверное, она не такая стойкая в отказе от лакомств. А еда была восхитительной. Даже не подумаешь, что прошли десятилетия с тех пор, как она была

приготовлена. Какая замечательная штука стазис. Стазис... Стазис? Я застыла с вилкой в руке, пытаясь ухватить мысль, которая вертелась совсем рядом.

— Рауль, а его можно заключить в стазис?

— Кого его? — недоумённо переспросил принц.

— Артефакт, — пояснила я. — Тогда время для него остановится, и мы сможем спокойно искать выход из положения, а не бегать, высунув языки и не зная, за что хвататься.

— Хм... — протянул он. — Постоянно в стазисе его не продержишь, но как временный вариант, почему бы и нет?

Он притянул к себе лист бумаги, и карандаш по нему запорхал, заполняя расчётами, в которых я ничего не понимала. Но мысль о том, что удалось найти выход из казавшегося безвыходным положения, наполнял меня гордостью, а наблюдение за Раулем — уверенностью, что мы справимся. И не только с этой проблемой.

Только вот невольно подумалось о том, что будет со мной, когда мы со всем разберёмся...

Глава 15

Рауль ушёл, на прощанье коротко бросив, что скоро вернётся, а я осталась в компании Альбы и Бернара и сразу решила выяснить интересующий меня вопрос:

— Фамильяр Эрилейских, он же был здесь? Как он выглядит?

— Ох, донья да разве мы смотрели? — Альба явственно вздрогнула и побледнела. — Мы его чувствовали, да, но старались спрятаться так далеко, как это было возможно.

— Думаю, попадись мы вашему фамильяру по дороге, мы с вами не разговаривали бы, — поддержал её Бернар. — И не смотрите на нас, как на трусов. Нет трусости в том, чтобы не сталкиваться с намного более сильным противником. Мы слишком слабы сейчас, у нас только крохи энергии, а ваш фамильяр не только ею полон под завязку, но ещё и усилен ритуалом. Нет уж, донья, не переносите своих проблем на нас, вам придётся с этим справлять самостоятельно.

Альба кивала в такт его словам, но смотрела на меня сочувственно и наверняка не откажет, если я к ней обращусь за помощью без свидетеля в лице другого фамильяра. Знать бы ещё, что просить.

Я потёрла виски. Ужасно, когда внутри головы есть что-то очень важное, но ты до этого не можешь добраться. Просить о помощи Рауля? Как-никак, он всё же лицо заинтересованное и облечённое властью. Но это значит его подставлять перед королём, которому менталист наверняка донесёт о результатах. И хорошо ещё, если этот донос дальше короля не пойдёт. При этом не факт, что мне помогут. Не зря мурицийский менталист говорил, что помочь мне могу только я сама. Проблема в том, что я не знаю, с какого конца братья. По ментальной магии в голове не находилось вообще ничего, а вот моя предшественница наверняка разбиралась в этом вопросе, если поставила блок. И если я не могу его снять, то почему бы не пойти от обратного?

— Альба, а скажи-ка, пожалуйста, могу я посмотреть книги по ментальной магии? В частности, меня интересует такой вопрос. Если

один Сиятельный хотел пустить другого Сиятельного в свою голову, как сделать, чтобы тот не увидел чего-то ненужного.

Альба ненадолго задумалась.

— Разные есть варианты. Но чтобы наверняка посторонний ничего не углядел, это только привязка к душе.

— Как это к душе? — удивилась я. — Разве так можно?

— Можно, но это сложный ритуал, которым даже во времена теофренийских Сиятельных владели единицы. Возможно, сейчас о нём вообще не помнят.

Похоже, помнят. Во всяком случае в семье герцогов Эрилейских. А то, что горгульи переглянулись, косвенно указывает на то, что либо что-то подобное есть в местной библиотеке, либо кто-то из них является хранителем такого ритуала. Но расспрашивать лучше отдельно Альбу, без Бернара, с которым она ментально советуется и присутствие которого мне сейчас здорово мешает.

— И никто не вытащит? Даже менталист?

— Для менталиста это выглядит как обычный блок, — пояснил уже Бернар. — На деле же в памяти просто этих сведений нет. Сиятельные аристократы так хранили особо важные секреты. Но, возможно, нынче этого ритуала вообще не существует. Мы, знаете ли, донья, давно оторваны от жизни, которая протекает за пределами корпуса.

— А чисто теоретически, если произойдёт обмен душами, могут ли перемещённые души получить доступ к такой заблокированной памяти?

На удивление, клятва вопрос пропустила. Наверное, сработала моя внутренняя убеждённость, что это очень важно для меня, а то, что таким образом я могу кого-то навести на раскрытие тайны, преградой не послужило. Возможно, потому, что моими собеседниками сейчас были не люди, а фамильяры, которым положено хранить секреты?

— Донья, я же вам только что сказал: к душе привязывается, с ней и уходит. Если чисто теоретически такой обмен случится, то ни одна, ни вторая душа не получат доступа к чужим заблокированным участкам ни при каких условиях.

Бернар говорил убедительно. Но я подозревала, что он заблуждается. Слишком быстро я изучала заклинания, чтобы это могло быть случайностью. Они словно «вспоминались», то есть

восстанавливались. С нуля бы так не получилось. Мне пришлось бы набирать годы и годы тот набор, который я получила за дни. А это значит, что остаются какие-то следы, к которым можно зацепиться и вытащить остальное. Только нужно знать, к чему цепляться.

— Как интересно... А почитать об этом я могу?

Горгульи переглянулись. Альба чуть приподняла крылья. Но Бернар еле заметно качнул головой и проскрипел:

— Донья, а клятва? Для работы в библиотеке нужна клятва.

— У нас переходный период, — заметила я. — Старые клятвы уже недействительны, а новых пока не придумали. Кстати, клятву я давала при поступлении в теофренийский университет, а сейчас не прошу ничего запрещённого, не так ли?

— Как сказать донья, как сказать, — Бернар был непреклонен.

Но мне тоже не хотелось давать лишних клятв. По мне, их и без того на мне хватало. Не знаю, удалось бы убедить горгулий, если бы не вернулся Рауль, да не один, а с Альваресом. Оба сеньора тащили по солидному мешку, явно готовясь глушить бомбу.

— Не корпус, а проходной двор, — слова Альбы прозвучали так тихо, что не приходилось сомневаться: она рассчитывала, что услышу только я, потому что у Сиятельных слух обострённый. — Только-только дали доступ сеньору Раулю, а он уже кого попало таскает.

— Никогда не думал, что здесь побываю, — восхищённо сказал Альварес.

— Донья, надеюсь, для этого вы не станете проводить экскурсию? — сварливо спросила Альба, которой новый визитёр явно понравился не больше, чем мне.

— Я думаю, ему не до экскурсии: он пришёл вас спасать, — напомнила я и с удивлением обнаружила, что горгульи умеют не только бледнеть, но и краснеть. Во всяком случае Альба заметно порозовела, поняв, что позволила себе не просто бестактность, а нападение на того, кто предложил помощь.

— Почему вы стоите у входа, сеньоры? — пропищала она, пытаясь скрыть смущенье. — Время не терпит.

— Альба, Бернар, разрешите вам представить моего друга, Хосе Игнасио Альвареса, — церемонно сказал Рауль, — Надеюсь, с вашей стороны не будет возражений, если он поможет мне поставить стазис на взрывной артефакт Сиятельных.

— Разумеется, сеньор Рауль, — торопливо ответил Бернар, не забыв укоризненно посмотреть на Альбу. — Мы рады познакомиться с вашим другом.

— А уж как я рад знакомству, и не передать, — сказал Альварес, подбросил на руке мешок и спросил: — Так куда нам идти? Время действительно не терпит.

Пошли мы все вместе хотя Рауль галантно предложил подождать их наверху, напомнив о влиянии артефакта. Но я отказалась. Очень уж было интересно и как будут ставить стазис, и встанет ли он вообще. Слишком многое зависело от того, удастся ли реализовать мою идею. Слишком многие пострадают, если ничего не выйдет.

К влиянию артефакта Альварес оказался не готов совершенно. Уж не знаю, что ему говорил Рауль — а в том, что предупреждение было, я не сомневалась — но мой куратор, быстро шагнув вперёд, столь же быстро шагнул назад, прижав к лицу руки в попытках сдержать тошноту. При этом он чуть не сбил меня с ног, что его сразу же привело в чувство.

— Катарина, прошу меня простить.

— Прощу, если вы поможете Раулю, а не будете стоять в дверях, — ответила я.

Тем временем принц достал из мешков несколько артефактов и принялся что-то по ним определять, вычерчивая мелом намётки будущего рисунка, неправильного многоугольника, в углах которого встали кристаллы на специальных подставках.

Второй раз воздействие артефакта оказалось не столь выбивающим из колеи, возможно потому, что я была занята делом: участвовала в расстановке кристаллов и в начертании вокруг них рун мелом, чтобы ускорить работу. Да, конечно, за мной проверяли, но исправили только в одном месте. Затем руны были соединены между собой в сложный рисунок, и всю эту красоту мы в три кисточки старательно обводили зельем, которое принесли Рауль с Альваресом. Линии у меня выходили на удивление чёткие и аккуратные. Наверное, сказывалась память тела, потому что я раньше рисованием не увлекалась и руку набить никак не могла.

Обводили мы долго: время от времени кто-нибудь из нас выскакивал из комнаты, чтобы отдышаться и выпить воды, которую

приносили сердобольные горгульи. После чего с новыми силами возвращались к работе.

Законченный рисунок неожиданно засиял мягким золотистым светом, что меня встревожило, но Рауль лишь удовлетворённо кивнул, показывая, что всё идёт по плану. Порошком, который тоже извлекли из мешка, обсыпали рисунок уже не столь аккуратно, больше следили за равномерностью нанесения, чем за точностью. Альварес со своими дёрганными движениями так вообще походил на сеятеля, а не на мага. Был он уже бледно-зелёным и держался наверняка из последних сил. Я тоже дышала через раз, но это не очень-то помогало: отвратительно воздействие артефакта шло словно изнутри, вызывая желание всё бросить и убежать.

Рауль ещё раз прошёлся, проверил рисунок, досыпал порошка в паре мест и лишь потом начал читать заклинание, длинное, тягучее и сопровождающееся множеством пассов. Судя по тому, что я его не запомнила, Эстефания заклинанием стазиса не владела. А если владела, то точно не таким.

Свечение с рисунка переползло на кристаллы, они вспыхнули, словно факелы, и накрыли светом уже взрывной артефакт, после чего тот перестал мигать и гудеть, а также создавать толпы гадких мурашек и вызывать тошноту.

— Получилось? — неверяще спросила я.

— Разумеется, получилось, Катарина, — снисходительно ответил Альварес. — Не зря же мы с Раулем столько высчитывали и вымеряли.

Положим, вымерял в основном Рауль, а мой куратор в это время только и делал, что выскакивал из комнаты, чтобы отдышаться.

— Проблема в том, что стазис этот артефакт долго не удержит, — заметил Рауль. — Даже при постоянной подзарядке.

Прибирать место ритуала он начал сразу же: складывал нерастраченные остатки зелий и порошка, а также все артефакты, которые участвовали в расчёте и расстановке.

— Взрывать надо, — бросил Альварес, который и не подумал помочь и сейчас стоял с таким гордым видом словно принцем здесь был он.

— Что вы говорите, сеньор! — возмутилась я. — Здесь нельзя взрывать.

— Я и не говорю, что здесь, — удивлённо ответил Альварес. —
Всю эту конструкцию придётся вырезать и переправить куда-нибудь
туда, где взрывом ничего не повредит.

— Желательно поближе к Пфафу, — сказал Рауль.

— Почему вдруг к Пфафу?

— Чтобы никто не удивился, когда мы отправим группу на
исследование этого феномена. Но сначала надо решить вопрос с
имитацией взрыва тут, чтобы у Муриции не появилось сомнения, что
устройство сработало.

Альварес нахмурился.

— Как бы наши суеверные обыватели не посчитали это плохим
знаком.

— Напротив. Запустим слух, что это знак Двуетного, что наша
страна в Сиятельных не нуждается. А это повод для молебнов по
стране, которые будут прикрытием для сокращения количества
червеобразных демонов. Обстановка улучшится, и обыватели
заговорят уже о правильности курса и благословении Двуетного.

— А если заклинание не работает? Вдруг оно требует
Сиятельности? — неожиданно предположил Альварес. — Нужно,
чтобы с нами поехала Катарина, если что — проведёт она.

Надо же, я была уверена, что он потерял ко мне интерес, как
только узнал о моей Сиятельности, но нет, его предложение указывало
на обратное.

— Я уверена, что такого ограничения нет, сеньор Альварес, —
возразила я. — Вы прекрасно справитесь без меня. И без того уже обо
мне ходят сплетни. Ваша любимая Эрнандес постаралась.

— Катарина, вам уже без разницы: сплетней больше, сплетней
меньше, — усмехнулся Альварес. — Всё равно ведь сплетни ходят про
Катарино Кинтеро, которой скоро не будет.

— Кто знает, как долго мне придётся носить эту личину, —
сказала я. — И кто знает, не удастся ли потом связать её со мной
настоящей. Так что чем меньше я подам поводов для сплетен, тем
лучше.

— Катарина права, Хосе Игнасио. Мы её привлечём, только если
заклинание у нас не пойдёт, но мне кажется, сложностей не возникнет,
— решил Рауль. — А вот когда соберёмся в Пфаф, возьмём с собой.

Выглядел он усталым, но всё же не ушёл из комнаты, пока не добавил контролирующее заклинание, которое даст знать, если стазис внезапно слетит раньше времени. Дверь Рауль запер из предосторожности, сказав, что кто-то ненароком может нарушить контур, чего допустить нельзя.

При этих его словах горгульи дружно посмотрели на Альвареса, почему-то решив, что из всех присутствующих в корпусе он больше всех способен на такую пакость. Но маг вёл себя довольно прилично, разве что заинтересованно осматривался, но даже никуда не пытался прорваться.

— Ну что, Катарина, пойдём менять вас обратно? — предложил Рауль. — Хосе Игнасио сходит за вашим двойником, а мы их подождём перед Сиятельным корпусом.

Маги вышли, а я задержалась, чтобы поблагодарить горгулий. Альба чуть выдвинулась и сказала:

— Донья, мы с Бернаром посоветовались и решили выдать вам литературу по блокам, но с условием, что вы будете читать только при мне. Жду вас завтра.

Не знаю, что явилось тому причиной: искреннее желание помочь или страх, что со взрывным артефактом что-нибудь пойдёт не так, если за ним не присматривать — но это решение фамильяров было мне на руку. Несмотря на объяснение Альбы, мне всё равно казалось, что, если пойму, как был поставлен блок, появится возможность его снять.

— Альба и Бернар, вы замечательные, — расплылась я в счастливой улыбке. — Огромное-преогромное спасибо. Вам принести что-нибудь завтра? Ведь за столько лет наверняка в чём-то возникла нужда.

— У нас всё есть, — твёрдо ответил Бернар.

— Вы дали нам надежду, донья, — добавила Альба. — Вы и сеньор Рауль, да будет к вам добр Двуетдинь.

Глава 16

Теодоро опять нагло ворвался в мой сон. В этот раз он действовал осторожнее. Сначала заглянул через окно, тихо перелез через подоконник и сделал несколько шагов, что меня, признаться, сильно встревожило, а уж потом, убедившись, что дальше продвинуться не может, вкрадчиво позвал:

— Эстефания, радость моя.

Я перестала притворяться, что его не вижу, и поинтересовалась:

— Вы уверены, что ваша, Ваше Сиятельное Величество?

— С тобой ни в чём нельзя быть уверенным, — заулыбался он. —

Но радоваться-то при встрече с тобой мне никто не запретит.

Выглядел он необычайно довольным, что было подозрительно. Очень может быть, что его довольство не было связано со мной, но я, наученная горьким опытом, сразу начинала подозревать худшее, а именно: что Муриции удалось вычислить моё местоположение. И даже то, что тётя заявила, что меня нет в теофренийском университете, ещё ни о чём не говорило. Она могла так сказать как для усыпления моей бдительности, так и для того, чтобы Диего не попытался меня вытащить. Возможно, моя смерть прекрасно вписывается в планы графини Хаго. Если вспомнить, она ничуть не переживала в монастыре о моей казни и не пыталась оттуда выбраться, чтобы спасти непутёвую племянницу. На редкость спокойная донья для той, у кого из родни осталась только я.

— Я бы предпочла, чтобы вы радовались на расстоянии и чему-то другому.

— Другому я тоже радуюсь, Эстефания. К примеру, донье Хаго удалось сделать то, перед чем спасовал дон Дарок. Это ли не радость?

— А перед чем он спасовал? Мне трудно представить такое дело, которое окажется не по плечу дону Дароку, — протянула я. — Разве что разгребание дерьма? Тогда да, тогда он наверняка посчитает, что это будет урон его Сиятельности.

— А донья Хаго, по-твоему, Эстефания, не боится замарать Сиятельность? Хорошего же вы мнения о собственной тётушке. — Он расхохотался, показывая на редкость ровные красивые зубы.

Интересно, они такие только во сне? — Но в чём-то ты права. Дон Дарок иной раз проявляет излишнюю щепетильность там, где без неё следовало бы обойтись. Донья Хаго этим не страдает.

Я бы даже сказала, что она наслаждается.

— Неужели вы действительно отправили её на конюшни, Ваше Сиятельное Величество? Не представляю тётю с совковой лопатой в руках.

— О, вы недооцениваете собственную родственницу. Ручки у доньи Хаго очень умелые, ещё не то удержат. Но, конечно, ни о какой лопате речи не шло. Просто она выполнила одно очень деликатное поручение.

А ещё Теодоро, похоже, надеялся, что я недооцениваю его. Потому что, непринуждённо болтая, он продавливал пространство, медленно, но верно придвигаясь ко мне. И что-то внутри подсказывало, что стоит ему до меня добраться — и мне уже не удрать.

— Рада, что вы сумели найти правильного исполнителя. Но не рада, что вы забываетесь и лезете ко мне в окно, словно нас с вами связывают отношения определённого рода.

Оказалось, что Теодоро умеет очень неприлично улыбаться. Настолько неприлично, что я решила: следующие слова его будут о том, что если такие отношения нас не связывают, то это пока, и скоро будут связывать. Но сказал он совсем другое:

— Эстефания, вы не поверите, но я переживаю о вас. Если мы всё-таки ошиблись и вы находитесь в Теофрении, бегите оттуда немедленно, иначе погибнете. Завтра в обед будет уже поздно.

— Думаю, будь я в Теофрении, я бы уже погибла, — заметила я. — Они же не переносят Сиятельных. Тем не менее вы сказали — я услышала, а сейчас вам пора уходить.

Лицо Теодоро перекопилось от злости, но сделать он ничего не успел — вылетел из окна, как птичка. Эх, доразбрасываюсь я королями до чего-нибудь нехорошего. Ладно бы до кучи кошек и жизни в одиночестве, а то ведь и до плахи добросаться можно. Королям не по нраву, даже когда ими просто пренебрегают, а уж когда им приходится изображать мячик, для подданных наступают тяжёлые дни.

Нет, я бы с удовольствием не встречалась с Теодоро, но увы, пока у него не закончится моя кровь, любезно выданная тётушкой, никакая защита не сработает, и он будет ко мне приходить, когда захочет.

Оставалось надеяться, что в силу прижимистости донья выделила ему всего несколько капель, которых скоро не останется.

В этот раз после беседы с Теодоро я не проснулась, а словно оттолкнувшись от короля, полетела так же далеко, как он, но только в другую сторону. Причём, по ощущениям, летела я быстро, но через сияющий непрозрачный туннель. И вылетела я... Я даже не удивилась, когда увидела себя прежнюю. Точнее, не удивилась бы, если бы она не выходила замуж. За того приятного молодого доктора, которого за рукав притащила мама, когда ей показалось, что я прихожу в себя. Выражение его лица мне не понравилось: он выглядел в точности, как Эсперанса, взирающая на Эмилио. Слепое обожание, вызванное неумеренным флёротом. Но похоже, это замечала только я: гости с умилением смотрели на красивую пару. Было их немного, и не наблюдалось почти никого из моих близких: ни подруг, ни сестры, одна мама. Зато появились незнакомые личности.

— Я тебя не приглашала, — Катя губы не разжимала, но слова её были адресованы мне, только меня и достигли.

— Не могу же я пропустить такое знаменательное событие, как почти моя свадьба. Интересно, почему жених прибит флёротом? Иначе жениться не хотел?

Что-то в выражении её лица указало на то, что жених не хотел не только жениться, но даже влюбляться. Но обстоятельства оказались куда сильнее его нежелания.

— Как тебе удалось сохранить Сиятельные возможности? — заинтересовалась я.

— Не твоё дело, — отрезала она и вцепилась в рукав жениха, словно боялась, что его сейчас отнимут. — Да и узнаешь — применить не сможешь. Я Сиятельная по праву. Тебе никогда не стать такой, как я, сколько бы ты ни использовала моё многострадальное тело. Ничего, недолго осталось.

— Не самая крупная добыча, — заметила я, проигнорировав намёк на мою скорую смерть. Когда одно и то же повторяется многократно, оно пугает намного меньше. — Ни денег, ни возможностей.

К ней с женихом подходили с поздравлениями, Катя кивала, улыбалась и вообще выглядела счастливой, но это ничуть не мешало ей вести со мной беседу.

— Это потому, что у него не было меня, — снисходительно пояснила она. — Теперь у него есть я, а значит, появились возможности и деньги. Я — не ты, в нищете прозябать не собираюсь.

Она поднялась на носочки и поцеловала жениха в щёку, тот стал выглядеть ещё счастливее, но во мне он почему-то вызывал жалость.

— Фактически ты его заставляешь жениться.

— Он счастлив, что я согласилась, — раздражённо бросила Катя и попыталась меня изгнать, но в этот раз у неё почему-то не получилось, что разозлило её ещё сильнее, и она выпалила: — А ты мне просто завидуешь. У тебя нет будущего, и настоящее тоже не впечатляющее.

И я не удержалась.

— Было бы чему завидовать. Если бы я захотела, была бы уже замужем за Теодоро.

— За каким Теодоро? — она нахмурилась в попытках вспомнить подходящего в своём окружении.

— Который номер два, — пояснила я. — Был бы он номер один, я бы, может, и подумала. А так там ничего интересного, кроме приставки «Блистательный».

— Ой, этот Теодоро, — рассмеялась она. — Всё ты врёшь. А я почти поверила. У него невеста из Теофрении.

— Двуетный их не благословил, и пришлось мурицийскому королю искать другую невесту. С тётёй он договорился, и она даже выделила ему мою кровь для поиска. Кстати, не знаешь, этой крови много?

— Крошечный флакончик, — растерянно ответила Катя. — Неужели не врёшь? Но если не врёшь, то соглашайся — это резко увеличит отпущенное тебе время. На пару лет точно, иначе бы Теодоро на брак не согласился. Надо же, я могла бы стать королевой... И почему тётя не рассматривала этот вариант, когда я была там?

Она мечтательно заулыбалась и оценивающе посмотрела на своего жениха. Да, он был довольно симпатичен для несиятельного, но не король, совсем не король. И никогда им не будет. И всё же, когда Катя на него смотрела, взгляд её смягчался, туманился и наполнялся нежностью. Возможно, доктор и попал под её флёр, но что касается чувств самой девушки, то они были самыми настоящими.

— Теодоро был помолвлен, а тебя донья Хаго прочила за принца Варенции, — напомнила я. — Значит, со временем стала бы тоже

королевой.

— Ну ты и дура, — довольно грубо ответила она. — Для начала узнала бы, за кого меня собирались отдавать, а потом рот раскрывала бы.

— И за кого?

— За младшего принца. Фактически, тётя покупала их лояльность.

— Бывает, что и младшие принцы наследуют, — заметила я, несколько удивлённая такой горячностью.

— Не в этом случае, — отрезала она. — Этот — просто разменная монета, как и ты.

— Тогда как и ты.

— Я? — она рассмеялась. — Я истинная Сиятельная. Такими не разбрасываются. И вообще, ты мне надоела. Сегодня мой день, я не хочу на нём видеть кого попало.

Я хотела спросить, не отнесла ли она моих подруг в категорию «кто попало», но не успела: та же сила, что приволокла в старый мир, подхватила и утащила меня назад.

Это было не странно, странно, что нам вообще удавалось встречаться. Помнится, при нашем знакомстве тогда ещё Эстефания утверждала, что мы больше никогда не пересечёмся, и тем не менее пересекаемся мы с завидным постоянством. Можно сказать, я с ней встречаюсь даже чаще, чем с Теодоро, и не сказать, что с большей пользой. То ли что-то пошло наперекосяк с нашим обменом, то ли Эстефания меня обманывала с самого начала. Последнее меня не удивило бы: все Сиятельные признавали только личные интересы. Даже странно, что Катя нацелилась на обычного врача, а не на какого-нибудь олигарха, которого вполне могла бы к себе привязать. Человеку без магии против флёра не устоять. А с магией у нас никого нет. Или я просто таких не знаю?

Проснувшись я сразу и некоторое время лежала, просто закрыв глаза и обдумывая всё, что сегодня услышала. По всей видимости, взрыв назначен на обед, о чём надо сказать Раулю. И почему мы с ним не озаботились срочной связью на такие вот непредвиденные случаи? Но до обеда ещё есть время.

Я приоткрыла глаза. В комнате была предрассветная серость, а значит, ложиться досыпать уже нет смысла. Да и не хотелось мне

спать: два свидания, одно за одним, дали слишком много пищи для размышлений. Почему брак с Теодоро давал отсрочку, а брак с принцем из Варенции, имя которого я даже не удосужилась узнать, — нет? Как мне показалось, причина была вовсе не в том, что Теодоро — главный в стране, к которой относится герцогство. По всему выходило, что Теодоро должен был знать об опасности, подстерегающей герцогиню Эрилейскую, ещё на стадии договора с доньей Хаго. Попросить, что ли, у Рауля досье на Эрилейских? Любая приличная разведка собирает досье на все значимые семьи сопредельных государств. Эрилейские точно были значимыми.

Валяться просто так смысла не было, и я решила дойти до Сиятельного корпуса и немного там почитать. Раз уж горгульи дали доступ, нужно пользоваться.

Я оставила Рабель записку, чтобы она не волновалась, набросила на себя заклинание отвода глаз и тихо-тихо направилась к Сиятельному корпусу, будучи в полной уверенности, что никого не встречу. В такое время все приличные студенты ещё спят, а неприличные — уже спят, таким образом, я должна была попасть между активностями этих двух групп.

Так и получилось. До корпуса я дошла без помех, а вот в нём самом, кроме Альбы и Бернара, обнаружила ещё и Рауля, который тоже решил, что утро — прекрасное время для чтения. Сидел он за одним из столов, на котором были разложены тома по магии, но при моём появлении поднялся.

— Доброе утро, Катарина. Не спится?

— Доброе утро, Рауль. Сны замучили, — охотно пояснила я причину ранней пробудки. — Сначала Теодоро вломился и сказал, чтобы я бежала из Теофрении до обеда.

— Значит взрыв намечался на обед. А донья Хаго говорила о двух днях.

— О двух днях она говорила Диего, а у Теодоро могут быть более точные сведения.

— Но вы говорили о снах. Значит ли это, что после Теодоро вы встречались с кем-то ещё?

— Значит, — подтвердила я. — Потом...

Рот словно запечатало. Язык стал деревянным, а губы склеило. Увы, так напомнила о себе клятва.

— А кто был потом? — не дождавшись продолжения, спросил Рауль. Я только руками в ответ развела, и он сразу догадался: — О, так вы умудрились под клятву попасть?

— Да, — подтвердила я и тут же вспомнила, о чём хотела попросить принца: — Рауль, а могу я просмотреть ваше досье на Эрилейских?

— Зачем вам? — удивился он. — Что там может быть такого, чего вы не знаете?

— Да я почти ничего не знаю, у меня провалы в памяти. Вот и пытаюсь закрыть эти провалы хоть какими-то заплатками.

— Хорошо, сделаю выписку.

— Почему выписку? — удивилась я.

— Потому что отнюдь не всё, что пишут в наших досье, можно показывать посторонним. Извините, Катарина, но есть такое понятие, как государственная тайна.

Его довод я приняла, но всё равно обиделась, потому что после всего, что я сделала для Теофрени, они не хотят приоткрывать завесу государственной тайны над моим досье. Я ещё поняла бы, если бы над чужим, но ведь то, что написано в моём, при других условиях я и так знала бы.

— Спасибо, Рауль, я буду рада любой информации, — тем не менее сказала я и, посчитав, что разговор окончен, прошла к столу, на котором лежали подобранные Альбой книги.

Рауль своими заняться не поспешил, а прошёл за мной и даже за руку взял.

— Не дуйтесь, Катарина, есть большая разница между «не могу» и «не хочу», — примирительно сказал он. — Я сделаю всё, что от меня зависит. Вы мне верите?

— Я не знаю, кому мне верить. И могу ли верить вообще кому-то, — вздохнула я.

— Эрилейским верить точно не стоило, — неожиданно ответил он.

— Что вы имеете в виду?

— Вашу клятву, Катарина, вашу клятву. С вашей стороны было глупо соглашаться, потому что, когда надобность в вас пропадёт, вас просто уберут.

— Я — герцогиня Эрилейская по крови, — напомнила я. — Именно поэтому Теодоро удаётся проходить ко мне во сне.

— У вас тело от одного человека, а душа от другого, — усмехнулся он. — Среди имён нынешней герцогини Эрилейской нет имени Катарина, и тем не менее оно — ваше. Я, знаете ли, чувствую, когда мне врут, а когда говорят правду.

Глава 17

Подтверждать или отвергать предположение Рауля я не стала: подтвердить не дала бы клятва, а враньё он всё равно обнаружит, да и не хотелось бы опять врать. Враньё отрицательно откладывается на карме, как говорила моя подруга Карина, увлекавшаяся эзотерикой. По её словам, чем больше врёшь — тем больше гадишь в собственную карму. А эта эфемерная штука у меня и без того уже не совсем чистая.

— Почему вы так думаете?

— У нашего рода есть свои секреты, — уклончиво ответил Рауль. — И они касаются не только выявления зелий в других людях, мы также подмечаем некие несоответствия, которые в вашем случае я первоначально отнёс как раз на влияние зелья. Но когда оно на вас выгорело, оказалось, что дело не в нём. Но и без того в вас есть за что зацепиться. Вы используете слова, которые никто не знает. Поведение ваше тоже явно отличается от поведения тех, кто ничего не помнит. То есть вы что-то помните, но ваша память не соответствует памяти аристократов. Скажете, я не прав?

— Скажу, что другой герцогини всё равно не будет.

Эту фразу клятва, как ни странно, пропустила. А я только сейчас заметила, что Рауль выставил вокруг нас защиту от прослушивания, так что горгульи никак не могут оказаться в курсе того, о чём мы беседуем.

— А я в ответ вам скажу, что вы заблуждаетесь. Как только произойдёт то, что нужно Эрилейским, обмен опять случится и вас устроят, чтобы не проболтались.

— Это будет довольно затруднительно. И устранить, и проболтаться. Да, и обмен невозможен.

На удивление клятва это тоже пропустила. Возможно, потому, что у Рауля была твёрдая уверенность в собственной правоте, а я ничего такого ему не говорила? С определённой на этот и на любой другой вопрос я бы не ответила — в голове нарастал странный шум.

— Это вам Эрилейские сказали про невозможность? Такие обмены всегда обратимы.

Возразить, что Эстефания утверждала, что после ритуала душа с телом срастаются так тесно, что больше их не разделить, я не смогла: в этот раз клятва опять запечатала рот. Да и теперь я была не уверена в том, что мне сказали правду, поскольку сама неоднократно размышляла о странности необратимого переноса души. Какой смысл был в этом действии, если Сиятельная душа теряла все привилегии, кроме, разве что, Сиятельности, как я убедилась, когда мою проекцию уносило в другой мир? И всё же у меня был аргумент против.

— Теодоро меня только чудом не казнил, — напомнила я.

Почему-то голос показался непривычно тихим и даже каким-то безжизненным.

— Катарина, вы меня удивляете, — усмехнулся Рауль. — Не пошёл бы он на такой шаг никогда. Казнить несовершеннолетнюю Сиятельную за явно подставное действие? Устроили бы фарс на тему, кто готов срочно жениться и спасти с эшафота красавицу. Жених-то наверняка был подобран?

— Да, граф Нагейт, — припомнила я сразу, даже не задумываясь.

А ведь был ещё Диего, который шёл за мной по пятам и наверняка знал о таком чудном обычае. И если бы встал вопрос о выборе между этими двумя или смертью, я бы выбрала того, кто разбрасывает цветы. Ох, непрост дон Дарок, ох непрост...

— Нет, вы-то должны были быть убеждены, что вас казнят. Наверняка в условиях ритуала было ещё предупреждение о том, что вас ждёт в действительности и как этого можно избежать. При таких ритуалах это обязательное условие.

— Нечто страшнее, чем сама смерть, чего я могу избежать, только если мне отрубят голову.

От разговора становилось всё хуже. Зрение начало расфокусироваться, звуки доносились, как через толстый слой ваты, а я сама уже с трудом понимала, что говорит собеседник, и только чудом удерживалась в сознании.

— Очень завуалированное предупреждение. Вообще, Катарина, опасно соглашаться на подобные предложения.

— У меня не было особого выбора. Я всё равно умирала.

В голове забухало, а перед глазами окончательно потемнело. Рауль подхватил меня, когда я уже полетела на пол.

— Катарина, дышите, глубоко дышите. Вдох. Выдох, — взволнованно сказал он. — Простите за воздействие, но мне надо было убедиться.

Меня ещё пошатывало, но буханье пропало, и я почувствовала себя намного лучше, хотя и единственное, чего мне хотелось сейчас: сесть куда-нибудь и выпить чего-нибудь. Желательно, алкогольного.

— Воздействие?

— Я чуть ослабил влияние вашей клятвы. Пытался снять, но...

— Я едва не умерла.

— Не преувеличивайте, я контролировал. Хотя такой реакции я не ожидал, думал, пройдет намного легче. Скорее всего, клятва была из внутрисемейных, со своими особенностями.

Внезапно я поняла, что прошла буквально по грани. От неправильной, по мнению Эстефании, смерти меня отделяли всего несколько мгновений. И если бы Рауль не умерил своё любопытство, пришлось бы ему допрашивать мой труп. Если, конечно, он это умеет.

— Не надо так больше делать. Снять вы её не снимете, а меня угробите.

— Если я не буду знать, что вам грозит, я не смогу вас спасти, — неожиданно ответил Рауль.

— А сейчас знаете?

— Сейчас у меня есть пища для размышлений. Правда, их придётся отложить на пару дней. — Он развеял защитный контур и сказал встревоженной горгулье. — Альба, донье нужно что-то для поддержания сил.

— Есть в библиотеке нельзя, — сразу всполошилась она. — И пить тоже.

— А зелий в стазисе не сохранилось? Теоретически я могу сходить за своими, но это займёт какое-то время, а донью нежелательно оставлять одну в таком состоянии.

— Сохранились, — подтвердила Альба. — Но их не так много. А какие именно вам нужны?

Что ответил Рауль, я уже не узнала, потому что отключилась, сложив голову на руки, а руки — на стол. Пришла я в себя, ощущая мерзкий привкус незнакомого зелья во рту, но, на удивление, мышление было ясным, а самочувствие — неплохим. Сколько я

провалилась без сознания, определить оказалось сложно, но, похоже, почитать перед занятием уже не успеваю.

— Столовая открывается уже скоро?

— Всё, Катарина, если вас беспокоит еда, то в себя вы однозначно пришли, — облегчённо выдохнул Рауль. — Ещё раз прошу прощения за случившееся. Обещаю больше без вашего согласия, — никогда. Но здесь должен был быть эффект неожиданности, иначе не сработало бы. Оно и без того сработало не совсем хорошо...

Он выглядел расстроенным, но я не торопилась прощать. Не было у меня никакой уверенности, что он руководствовался только желанием меня спасти, а не действовал исключительно на пользу Теофрении, выясняя, какие проблемы могут со мной проявиться.

Альба тоже посматривала на него косо, поэтому я не удивилась, когда она проворчала:

— Предупреждала я вас донья, нельзя *им* доверять. Так нет же, не послушались меня и чуть с жизнью не расстались.

— Власть имущим вообще никому доверять нельзя, — полусогласилась я с ней, — вне зависимости от того, Сиятельные они или нет, все они...

Заканчивать я не стала, потому что на кончике языка вертелись только грубые оскорбления, а я не была уверена как в том, что Рауль их не заслуживает, так и в том, что он заслуживает куда более крепкое словцо для определения своего поведения.

— Договаривайте, Катарина, чего уж, — усмехнулся Рауль. — Все они сволочи. В некотором роде это так, потому что мы должны мыслить другими категориями, но относительно вас у меня всегда происходит сбой, и единственное, чем я руководствовался в этом случае, — желанием помочь вам. Хотите дам клятву?

— Не хочу, — решила я. — Единственное, чего я хочу сейчас: лечь и уснуть, но придётся идти на занятия.

— Я вас заберу с первого же, — решил Рауль. — Тем более что у нас проблем сейчас хватает. Я думал устроить представление со взрывом вечером, но похоже, время не ждёт. Бернар, хватит ли маны в кристалле для создания сложной иллюзии взрыва и поддержания её некоторое время?

— Дозаправить бы, — после короткого обдумывания ответил горгуль. — Хорошая иллюзия с шумом, сотрясением земли и

планомерным обвалом берёт много энергии.

— Наверное, я смогу немного дозаправить... — решила я.

— Катарина, идите на завтрак, — тоном, подразумевающим отсутствие пререканий, бросил Рауль. — Если вы сейчас ещё и магией будете делиться, умрёте. У вас, кстати, первое занятие какое?

— Лекция по алхимии.

— Неважно, с середины я вас заберу. Главное — не практическое занятие, на которое вам сейчас нельзя. Идите же, Катарина.

Он остался беседовать с Бернардом, а к выходу меня провожала Альба, которая умудрилась раз десять за эту короткую дорогу повторить, что я даю слишком много воли *этому*.

— Таким хоть малейшую уступку дай — загрызут сразу. Правильно вы его прощать не стали, уж не знаю за что. — Она замолчала и всё-таки спросила: — Донья, а что он сделал?

— Не могу сказать, это опасно для меня.

— Ох, донья, донья, — вздохнула Альба. — Хотелось бы мне быть уверенной, что вы поступаете правильно.

— Мне тоже. Но сейчас довериться Раулю — единственная возможность вас спасти. У меня ни знаний, ни умений.

— Это так, — она опять вздохнула. — Никогда б не подумала, что Сиятельные нас смогут просто так вычеркнуть. И никогда бы не подумала, что я буду уповать только на несиятельных.

Я её обняла. Она была твёрдая и холодная, но тем не менее совершенно замечательная и надёжная. Вот ей, как ни странно, я доверяла полностью.

— Всё будет хорошо Альба. Всё будет хорошо. И мы непременно победим, — оптимистично сказала я перед тем, как выбраться наружу.

Столовая на самом деле уже работала, и первой, кого я там заметила, была Ракель. Или первой заметила меня она? Во всяком случае, когда я к ней повернулась, она уже всю махала рукой, предлагая к ней присоединиться, что я и сделала.

Но сначала я набрала полный поднос еды, потому что организму срочно нужна была энергия. Зелье взбодрило, но этого было мало для полноценного восстановления. Мне бы поспать пару часов хотя бы, но тут без вариантов: пока я сплю, враги не дремлют, а строят планы и иногда даже пробираются в мои сны. Почему-то в слова Рауля об Эрилейских я поверила безоговорочно и теперь пыталась понять, как

меня можно использовать. Разве что с артефактом Истины? Чтобы Эстефания, вернувшая своё тело, с полным основанием могла утверждать, что она ничего не делала. Но для этого донья Хаго должна заставить меня совершить нечто неприглядное, на что я никогда не пойду. Или они тоже имеют связь друг с другом между мирами и настоящая Эстефания будет меня шантажировать жизнями близких?

— Ого ты набрала, — удивилась Ракель и тут же поняла причину: — Ну ты и осунулась. Где так успела поистратиться?

— Да так, экспериментируют всякие без моего на то согласия, — мрачно ответила я.

И тут же поняла, что спроси меня Рауль, я бы непременно согласилась, но тогда он бы не узнал даже того мизера, что продавилось сквозь клятву. Это его несколько извиняло.

— Рауль? — полуутвердительно спросила Ракель. — Если эксперимент идёт на пользу, то он правильный.

— Нужно ещё уточнять, кому он идёт на пользу.

Надо признать, что еда однозначно привела меня в хорошее настроение и злиться уже не хотелось. Но и отказываться от обвинений пока — тоже.

— Теофрени, конечно, — уверенно ответила Ракель. — Принцу много чем пришлось жертвовать ради страны. Вон даже наследование согласился передать, отказаться за себя и за своих потомков. Правда, теперь всё это поменялось.

Внезапно я заметила сидящую неподалёку Эрнандес, с большим интересом прислушивающуюся к нашему разговору. Слышать-то она мало чего слышала, но по доносящимся от нас отдельным словам наверняка составила собственное представление о теме нашей беседы.

— Ракель, не болтай, — прошипела я не хуже тёти. — Ты подведёшь не только его, но и нас всех.

— Так я о том, что раньше у принцессы был Сиятельный жених, а сейчас может появиться Сиятельная невеста у принца, — вывернулась Ракель, внезапно её озарило, и она спросила, сильно понизив голос: — А если вы с ним?..

— Это очень плохая идея, а почему плохая, я объясню потом, на защищённой от прослушивания территории. Ракель, если бы твои предки были столь болтливы, они не смогли бы победить.

Она покраснела и сделала вид, что увлечена едой. Я тоже решила отдаться завтраку. С наполненным желудком жизнь заиграла яркими красками, даже продолжавшая на нас таращиться Эрнандес перестала казаться такой противной. В конце концов, это мне удалось отжать у неё кровать, а не ей — выставить меня из комнаты.

На лекции Эрнандес также устроилась невдалеке от нас, собираясь подслушивать и дальше, но мы с Ракель лишь старательно записывали все, что говорила сеньора Сапасар. Алхимия — штука опасная, на ней расслабляться нельзя, если хочешь остаться живым и здоровым.

Но до конца высидеть лекцию не получилось. Не в середине, но ближе к концу Рауль всё-таки появился, деликатно постучал, вошёл в аудиторию и сказал:

— Прошу меня извинить, сеньора Сапасар, но мне необходимы обе мои ученицы.

— Обе? — удивилась та.

— Сеньориты Кинтеро и Наранхо, — пояснил он.

Ракель удивлённо подскочила, потом села и огляделась: вдруг где-то есть ещё одна сеньорита Наранхо и именно она получила место личной ученицы принца. Но оспаривать право было некому, поэтому она принялась торопливо забрасывать вещи в сумку, и вскоре мы втроём выходили из аудитории.

Когда нас никто не мог бы там услышать, я не удержалась:

— Когда это вы, сеньор Медина, успели обзавестись ещё одной ученицей? Мы с Ракель узнали об этом только что.

— А сеньорита Наранхо против? — удивился он. — Я думал, Хосе Игнасио ей сообщил вчера. Мы пришли к выводу, что две ученицы будут куда менее подозрительны, чем одна. Особенно если их придётся за собой таскать. Но вы, Ракель, не переживайте: заниматься я с вами буду по-настоящему.

— По-моему, как раз этого и надо бояться, — проворчала я.

Рауль не ответил ничего, он явно чувствовал себя виноватым, и чувство это было ему непривычно.

Глава 18

В подготовке я не участвовала. Стоило нам втроем появиться в Сиятельном корпусе, как Альба сразу встопорщила крылья и заявила:

— Сеньор, тут не проходной двор, тут территория важных личностей.

Ракель сразу поняла, что говорят о ней, но не стушеввалась, а спросила:

— Не хотят ли эти важные личности решать свои проблемы сами? А то я пришла заряжать кристалл, но оказалось, что здесь помощь ждут только от Сиятельных. Так может сбегать и их позвать, а то мы недостойны?

Говорила Ракель с такой экспрессией, что Альба начала пятиться, попеременно то розовея, то бледнея, потом скрипуче выдавила извинение, уцепилась за меня и заявила, что мне срочно нужно отдохнуть. Мол, пока здесь будут готовить иллюзию, я смогу восстановить силы.

Отказываться я не стала: возможность поспать хоть пару часов для меня сейчас была во благо, чувствовала я себя разбитой и донельзя вымотанной, реакция была заторможенной, да и координация страдала. Поэтому я уточнила у Рауля, могу ли я их оставить, на что он ответил, что справятся без меня, тем более что вскоре должен был подойти Альварес. Эти слова вызвали бурю эмоций на физиономии Альбы, но в этот раз она промолчала, возможно, не желая показаться скандалисткой. А то Альварес не появится, а горгулья уже всем сообщила, что о нём думает. Подходил друг Рауля или нет, и если подходил, то как к этому отнеслась Альба, я не узнала, потому что честно проспала, пока горгулья не пришла меня будить. А сделала она это впритык перед лекцией, на которой мы должны были появиться, поэтому я даже Ракель расспросить не успела: пока мы неслись на занятие, она только сообщила, что к взрыву всё готово и он вот-вот случится. Больше узнать ничего не удалось, мы и без того проскочили буквально перед носом у лектора, неодобрительно покачавшего головой, но всё же нас пропустившего.

Пока он поднимался на кафедру, мы заняли свободные места, после чего сделали вид, что всецело поглощены лекцией, и даже что-то записывали. Признаться, я нервничала всё больше и больше, досадуя, что Альба не разбудила меня пораньше и что мне теперь приходится мучиться неизвестностью. Вдруг Ракель что-то неправильно поняла и взрыва не будет?

Но переживала я напрасно. Взрыв пришёл вовремя и удался на славу. Мы с Ракель и то оказались не готовы к грохоту и раскачиванию корпуса, при котором незакреплённые предметы посыпались на пол, как горох, а закреплённые зашатались так, что за их движением сложно было уследить.

Я застыла, Ракель схватила меня за руку и охнула. А вот те, кто ничего подобного не предполагал, повели себя куда громче и разнообразней. Парень за столом перед нами неожиданно тонко завизжал и бросился к выходу со скоростью испуганного кролика. Эрнандес сориентировалась второй, упала ему на хвост и неслась так быстро, как у неё никогда не получалось на занятиях физкультурой. Им удалось выскочить без помех, а вот дальше в дверях началось светопреставление: каждый хотел побыстрее покинуть аудиторию и не желал никого пропускать. Кто-то разбил окно (И как только умудрился, ведь все стёкла были усилены заклинаниями? Похоже, перед испуганным студентом не выстоит ни одно заклинание), и теперь часть однокурсников выпрыгивали через него, стремясь как можно скорее покинуть здание, которое при обвале станет ловушкой для задержавшихся.

На самом деле раскачивание корпуса было строго просчитано, да и сам корпус был хорошо защищён, от такой ерунды не разрушится. Во всяком случае это утверждал Рауль, и у меня не было никаких оснований ему не доверять. Поэтому мы сидели и ждали, пока паникёры уберутся, и лишь потом спокойно вышли во двор, который на удивление был пуст. Похоже, большая часть учащихся не просто убежала из корпуса, но и не остановилась, пока не оказалась за воротами университета. А возможно, некоторые вовсе двигаются к границе города. К примеру, с Эрнандес всё может быть: не зря же Диего постоянно отправлял её бегать? Вот навыки игодились.

Сиятельный корпус был плохо виден сквозь клубы пыли. Точнее, не Сиятельный корпус, а то, что от него осталось. Иллюзия была

настолько хороша, что я даже засомневалась, иллюзия ли это или здание всё-таки сложилось. А вместе с сомнениями пришло и беспокойство о судьбе горгулий, часть из которых могла погибнуть, даже не выйдя из сомнамбулического состояния.

Поэтому, как только я увидела Рауля, сразу бросилась к нему. Принц стоял в компании ректора и нескольких преподавателей, а на плече у него сидел мелкий, но узнаваемый детёныш горноста, настороженно поведивший ушами и носом. Но я даже не успела ничего спросить, как к ним подбежала преподавательница алхимии и запричитала:

— Двуетный, да что же это? Впервые у меня на занятии чуть не произошёл несчастный случай. Разбилось сразу две колбы. Хорошо, что хватило гасящей пены, а то ведь и пожар мог случиться.

— Сеньора Сапасар, у вас все ёмкости с опасными веществами должны быть защищены от падения, — напомнил Рауль. — Почему этого не было сделано?

Он явно опередил ректора, который хотел спросить то же самое, судя по нахмуренным бровям. Но, возможно, выражение ректорского лица относилось к зрелищу, свидетелями которого мы сейчас были? Отдельные камни и доски до сих пор сыпались с оглушительным треском. Помнится, ещё пожар планировали показывать, но пока его не видно.

Алхимичка начала многословно оправдываться тем, что на занятии у неё не хватило защищённых ёмкостей и она выдала пару из обычного стекла. Воспользовавшись тем, что всё внимание было уделено ей, я придвинулась к Ракель и еле слышно спросила, что там с пожаром. Она столь же тихо ответила, что пожар решили убрать из иллюзии, потому что будет слишком подозрительно, если вдруг его следов не обнаружится на соседних зданиях. Не может же магический корпус гореть без последствий для города? А так наши маги — молодцы, ликвидировали возможное возгорание, о чём было решено запустить слухи.

— Сеньора Сапасар, вы проявили потрясающую при вашей профессии халатность, — заключил ректор. — Потрудитесь в следующий раз получать нужное оборудование вовремя и не рисковать студенческими жизнями.

— Но я никогда не рисковала, напротив, — оскорбилась она. — Я всегда присутствую на занятиях и строго слежу за правильностью выполнения...

— К целителям никто не попал? — прервал её Рауль.

— До этого, слава Двуетиному, не дошло, — с гордостью ответила она. — А начинавшийся пожар я затушила, там почти ничего не обуглилось.

— Пожар... — мрачно сказал ректор. — Надеюсь, Сиятельный корпус не загорится. Самое поразительное, защита до сих пор стоит, и если что, мы даже не сможем ничего предпринять для тушения.

— А зачем? — удивилась алхимичка. — Корпус мы всё равно не используем. А если сгорит, так, возможно, защита слетит и наконец удастся убрать этот пережиток Сиятельных времён.

Она явно радовалась, что есть возможность сместить акцент со своей небрежности на проблемы с Сиятельным корпусом.

— Затем, сеньора Сапасар, что мы понятия не имеем, что оттуда может вырваться при пожаре, — раздражённо сказал ректор. — Там были свои лаборатории и свои хранилища реагентов.

— За такое время они могли стать неактивными, — предположила сеньора уже не столь уверенно.

— Могли стать, а могли и не стать. А ещё мы не знаем, что там делали двое Сиятельных, не так давно заявившиеся в наш университет. Возможно, подкладывали что-то свежее. Вот как чувствовал, что нельзя их к нам пускать! — в сердцах бросил ректор. — Никому меня не убедить, что взрыв не связан с их посещением.

— Ноту мы, конечно, отправим, — нахмурился Рауль. — Но Муриция привычно сделает вид, что отношения не имеет. Донья Хаго перед отъездом заявила, что мы отвратительно относимся к доверенному имуществу, которое только и ждёт возможности развалиться. Этой версии Муриция и будет держаться.

— Да уж... — выдохнул ректор. — Что делать-то будем?

Выглядел он на удивление растерянным, а смотрел на Рауля так, словно ректором был тот.

— Думаю, в первую очередь нужно прикрыть разрушенное здание защитным куполом, — предложил Рауль. — А уже потом, по мере наблюдения, решать.

Про эти планы я помнила: защитный непрозрачный купол позволит сэкономить энергию на иллюзию, которая требовала тем больше, чем была качественнее. Эта, на мой взгляд, была иллюзией экстра-класса и должна была потреблять магию в огромных размерах.

— Зачем? — опять удивилась сеньора Сапасар. — Только что сказали, что на этом корпусе сохранилась своя защита, не так ли?

— А если она развалится? Вы уверены, что оттуда ничего не просочится и не отравит город?

— От Сиятельных любой пакости можно ждать, — поддержала его Ракель, выдав то, что мы уже какое-то время греем уши.

Горностайчик на плече Рауля завозился и посмотрел на неё весьма укоризненно. Мне показалось, что он даже головой покачал. Но, скорее всего, показалось: откуда такие эмоции у животного?

— И не поспоришь, сеньорита, — на удивление спокойно отозвался ректор.

Я поначалу удивилась, а потом поняла, что уж его-то точно вовремя поставили в известность, что у Рауля теперь две ученицы, поэтому он считает, что мы здесь находимся если не по праву, то по решению учителя.

— Сеньор Медина, защитой займётесь вы? — спросил он Рауля.

— Я и сеньор Альварес, если у вас нет возражений, сеньор Муньос.

— Разумеется, нет. Я вам полностью доверяю.

Ректор явно испытал облегчение оттого, что кто-то взял на себя ответственность. Ракель воинственно сопела прямо мне в ухо, явно собираясь что-то добавить, но не решаясь. Вместо неё опять выступила алхимичка.

— Я вот подумала, — испуганно проблеяла она. — Сначала отказ в благословении Её Высочеству, затем разрушение Сиятельного корпуса. Не пойдут ли слухи, что мы окончательно попали в немилость Двуетидному? Что это знак о том, что...

Она замолчала, явно боясь закончить: «Что дни Теофрении сочтены».

— Запустим встречные, — лениво ответил Рауль, поглаживая горностайчика, которому это нехитрое действие нравилось: он с удовольствием подставлял голову и даже тыкался ею в ладонь, когда считал, что от него отвлеклись слишком уж надолго. — Что

Двуединый в милости своей решил, что нам для процветания не нужны Сиятельные. Мы с Марселою собирались в поездку по храмам, чтобы побывать на молебнах в разных частях страны. Придётся ускориться, чтобы предотвратить возможные слухи. Выедем завтра. Сеньор Муньос, я возьму с собой обеих учениц, потому что методика, по которой я с ними занимаюсь, не позволяет делать перерывы. Отлучимся мы максимум на две недели, не думаю, что они успеют отстать.

— Разумеется, сеньор Медина, как вам будет удобнее, — сразу же согласился ректор. — Но вы уверены, что без вас это не взорвётся окончательно?

Он помахал рукой в сторону Сиятельного корпуса, который его сильно нервировал.

— Я уверен в прочности защиты, которую мы с сеньором Альваресом поставим до нашего отъезда.

— Сеньор Альварес тоже едет с вами? — уточнил ректор.

Рауль сделал вид, что задумался.

— Да, он может понадобится.

— Тогда я вас оставлю, чтобы не мешать, — неожиданно обрадовался ректор. — Вообще, оцепить бы место, чтобы под руку не лезли...

Но лезть было некому: слишком сильно всех напугал взрыв, поэтому не только ректор старался держаться подальше от Сиятельного корпуса. Причём даже последние слова ректора получились смазанными, поскольку он уже деловито двигался к воротам. Сеньора Сапасар посмотрела сначала на него, потом на Рауля и тоже решила воспользоваться возможностью закончить свой рабочий день пораньше. За некоторыми событиями лучше наблюдать со стороны, а ещё лучше — со страниц газет, если уж нет телевизора. За ней потянулись остальные преподаватели и вскоре мы остались втроём, после чего я, уже не сдерживаясь, спросила:

— Рауль, а с фамильями всё в порядке?

— В совершеннейшем, донья, — вместо него ответил горностаичик. Голос его был очень тоненький, почти писклявый, но, как это ни странно, в то же время настолько властный, что не узнать его было нельзя. — Но нам приятно, что вы о нас переживаете.

— Бернар? — изумилась я. — Это вы?

Он важно обернул хвостом лапы, пытаясь придать себе солидности. Выглядело это забавно, но я старательно удерживала улыбку. Обидится ещё, а ему и без того непросто.

— О да, донья. Мы решили, чего тянуть. Вы действуете в том числе в наших интересах, и вам потребуется помощь, а как я её окажу, если буду сидеть под куполом? Единственно, что путешествовать пока придётся с вами, чтобы, если вдруг встретится один из наших, решил бы, что я с Сиятельной доньей.

— Но вы такой... маленький, — удивилась я и добавила: — Но очень-очень симпатичный. Я бы даже сказала, красивый. Волшебно красивый.

Он чуть покачнулся, переступив лапами на плече Рауля, с наслаждением втянул в себя воздух и ответил:

— Внешность не важна. Вы просто не можете себе представить, как прекрасно чувствовать не только магию.

Глава 19

Выехали мы рано утром. Марсела, Ракель и я — в экипаже, Рауль, Альварес и охрана — верхом. Марсела держалась столь отстранённо-высокомерно, что я даже поверила бы, что это её настоящее лицо, если бы не помнила, что она может быть совсем другой. По всей видимости, кто-то в экипаже вызывал у неё жуткое раздражение, граничащее с зубной болью. И этот кто-то — не Ракель.

Подруга пыталась вести разговор, но даже если я отвечала, он вяз в атмосфере недоброжелательности, исходящей от принцессы, поэтому вскоре молчали все. Ракель замолчала и притворилась, что внезапно заинтересовалась местностью, через которую мы проезжали, я же прикрыла глаза и сделала вид, что сплю.

Спать не хотелось, но притворяться долго не придётся: совсем скоро приедем в первый город из списка. Все кони были из тех невероятно быстрых, с которыми мне пришлось столкнуться уже несколько раз, но про которых я так ничего и не выяснила из боязни себя выдать.

Зато с закрытыми глазами прекрасно думалось. А обдумывать было что.

Вчера я всё-таки пробралась в Сиятельный корпус, чтобы убедиться, что с Альбой всё в порядке и ни ей, ни другим фамильярам ничего не угрожает. Горгулья моему появлению обрадовалась и сразу сообщила, что магический заряд ночью извлекли, вырезав вместе с частью помещения, и увезли. Я так удивилась, что решила проверить лично.

Дверь в то помещение была открыта, а в комнате в полу зияла дыра. И это было замечательно: ни университету, ни городу с этой стороны ничего не грозит. Хорошо бы ещё довезли без приключений в нужное место и взорвали без нехороших последствий. Альба рассказала, что, судя по тому, что говорилось при ней, собираются создавать мощную защитную сферу и подрывать в ней, чтобы никто не пострадал, а главное — никто не заметил. А то ведь в той же Муриции могут соотнести не совсем удавшийся взрыв в теофренийской

академии с ещё одним, куда более мощным. Но какой силы должна быть сфера, чтобы всё в себе удержать...

Окрылённая успехами нашей группы, я добралась до кристалла и подзарядила. Заряд там всё ещё болтался где-то на доньшке, но Альба уверила, что хватит на поддержание иллюзии надолго, пара месяцев в запасе будет, а мы вернёмся куда раньше. Она даже немного всплакнула при упоминании грядущего нашего расставания. Пришлось её успокаивать, прежде чем пройти в библиотеку, в которой ждали отложенные книги.

Методика привязки памяти к душе там обнаружилась, и казалась она не особо сложной. Но проверить её я не рискнула, потому что в примечаниях было указано, что использовать можно лишь однократно. Я пока не представляла, где понадобится столь изощрённый метод защиты памяти от посторонних, но разбрасываться возможностью скрыть нужное от менталиста не собиралась: под защитой будет только то, что я уже знала до произнесения заклинания. А вот то, что я узнаю после, без труда сможет вытащить у меня из головы опытный менталист. Разумеется, если я не поставлю защиту. Тогда тоже сможет, только не всякий, и уже с трудом.

Просмотрела я и остальные методики, которые не были столь эффективны, но могли подать идею по снятию блока. К концу изучения я была уверена: блок я не сниму, не снимет его и никто другой, потому что места для воспоминаний есть, а самих их нет — они были забраны прежней Эстефанией с собой. С точки зрения биологии это звучало полнейшей чушью, но приходилось признать, что в этом случае магия брала верх над биологией.

Уходила я с головой, распухшей от избытка информации, и единственное, на что оказалась способна: добраться до общежития и лечь спать. Утром, когда Ракель меня с трудом разбудила, в голове царил полнейший хаос.

Сейчас я могла спокойно рассортировать знания и выбрать способ ментальной защиты: очень уж мне не понравилась методика Рауля по продавливанию моей клятвы. С ментальной защитой такого бы ему проверить не удалось. В идеале хорошо было бы иметь артефакт, но артефактором по желанию я не стану. Артефакторы готовились годами, а у Эстефании не было даже базовых знаний этого направления, так

что обзавестись артефактом собственного изготовления мне ещё долго не светит, даже если выберу эту стезю. Зато магия всегда при мне.

Выбрать вариант я так и не успела, потому что мы приехали. Марсела с тем же высокомерным выражением на лице сразу же выбралась из экипажа, словно ей было невыносимо находиться рядом с нами. Она подошла к брату и стала о чём-то договариваться.

— Что это с Марселей? — тихо спросила Ракель. — Принцесса всегда славилась своей доброжелательностью. Но к тебе она относится, как относилась бы Эрнандес, появившись у неё такая возможность.

— Возможно, она просто не любит Сиятельных?

— Когда не любят всех Сиятельных, ведут себя по-другому, — со знанием дела возразила Ракель. — Нет, у неё точно к тебе что-то личное. Как будто ты ей где-то перешла дорогу, понимаешь?

— Возможно, из Муриции просочились слухи о том, что Теодоро договорился с моей тётёй о моём браке, — неохотно предположила я. — И Марсела это принимает слишком близко к сердцу. Но это только мои домыслы, имей в виду.

— О браке с кем?

— С Теодоро, разумеется. Иначе Марсела не обратила бы на это внимания. Когда какое-то время считаешь человека своим, а он — раз — и уплывает на сторону, поневоле станешь относиться плохо к тому, к кому уплыл, пусть даже тот для этого не приложил ни малейших усилий.

Я вздохнула. Договор Теодоро с тётёй беспокоил меня куда меньше, чем его явление в мои сны. Я начала опасаться, что однажды ему удастся до меня добраться и выдернуть. Оставалось надеяться, что жадная тётя выделила ему совсем мало моей драгоценно крови.

— Думаешь, она могла в него влюбиться? — Ракель спросила так, словно считала такое предположение настоящим святотатством.

— Думаю, Теодоро не жалел на неё флёра, — ответила я. — Который вряд ли успел развеяться после столь массивной атаки.

— Точно, — кивнула Ракель. — Как это я про флёр забыла? Действительно, придавил флёром, пока была возможность, а теперь начнёт продавливать нужные ему вещи через лояльную ему принцессу.

Она так возмущённо посмотрела на дверцу экипажа, словно видела вместо неё мурицийского короля.

— Катарина, Ракель, почему вы не выходите? — крикнул Рауль.
— У нас не так много времени. Нам нужно всё согласовать до молебна.

Выскочили мы тут же. Марсела от брата не отошла, стояла рядом, но смотрела сквозь нас и вид имела довольно отстранённый. Бернар всё так же сидел на плече Рауля, но, казалось, его никто не замечал. Хотя почему казалось? Это одно из базовых свойств фамильяров — быть невидимым для тех кому он не хочет показываться.

— В этом городе мы остаёмся до завтрашнего утра, — тем временем говорил Рауль, делая вид, что не обращает внимания на поведение сестры. Почему делая вид? Да потому что я уже столько раз обманывалась его непонимающим выражением лица, что накрепко запомнила: принц замечает всё, что происходит рядом, а если этого не показывает, значит, ему это выгодно. — Заселяетесь в гостиницу. И очень вас прошу — никакой там магии.

— А как же ваше задание? — напомнила Ракель.

— Здесь занимаетесь только теорией, потому что гостиница — это не защищённый университетский корпус. Поэтому, если она сгорит в результате вашей небрежности с магией, выплачивать будете сами.

Ракель покосилась на большое здание наверняка самой дорогой гостинице в этом городе и прикинула стоимость, потому что на лице её проявилась настоящая паника.

— Мы не будем заниматься магией в гостинице, Рауль, — решила я за нас обеих.

Марсела развернулась ко мне и процедила со всем возможным высокомерием:

— Возможно, мой брат дал вам право обращаться по имени, но при посторонних будьте любезны обращаться к нему «сеньор Медина», а ещё лучше «Ваше Высочество».

— Марсела, здесь нет посторонних, — неодобрительно сказал Рауль, а Бернар укоризненно цокнул. — Итак, вы заселяетесь в гостиницу. Сходите пообедать вместе с Хосе Игнасио. Ужинать будем всей компанией. Напоминаю, Катарина, что ночью мы с вами и Хосе Игнасио пройдемся по окрестностям города и проверим работу заклинания.

— И со мной, — бросила недовольная Марсела.

— Прости, дорогая сестра, но нет. Ты будешь тормозящим фактором, поэтому остаёшься в гостинице. Сеньорита Ракель составит

тебе компанию.

Марсела прошипела себе под нос что-то настолько тихо, что даже мой Сиятельный слух уловил лишь отдельные звуки, но не смысл. Впрочем, уверена, что смысла там особого не было, одни эмоции.

— Я должна в этом участвовать!

— Марсела, ты не знаешь заклинания, а я не могу его тебе сказать. Кроме того, уровень твоей магии недостаточно велик.

— И мы ещё не убедились в его действительности, сеньор Медина, — заметила я.

Несмотря на то что я учла замечание Марселы, мои слова оказались для неё последней каплей, потому что она просто развернулась и пошла в гостиницу. Рауль проводил её задумчивым взглядом. Похоже, наша поездка будет тем ещё испытанием.

— Мы можем прогуляться по городу? — уточнила я, потому что сидеть весь день в гостинице удовольствие ниже среднего. Особенно если там же будет сидеть недоброжелательно настроенная принцесса.

— Можете, но только в компании Хосе Игнасио и желательно недалеко, — решил Рауль и добавил: — Прошу меня извинить.

После чего пошёл догонять сестру. Компания Альвареса не привлекала ни меня, ни Ракель, но альтернативы ей не было, поэтому мы терпеливо дождались куратора, который решал вопрос размещения лошадей и относился к этому с полной самоотдачей. Настолько полной, что создавалось впечатление, что размещался целый табун и на другом конце города. Поэтому, когда мы обговорили с ним экскурсию и вошли в самую гостиницу, в холле никого не было.

— Встречаемся здесь же через полчаса? — предложил Альварес. — Успеете?

Выглядел он каким-то непривычно задумчивым и даже не пытался ни к кому подкатить. Наверное, на молебен настраивался, потому что первое место, куда мы пошли всей компанией, оказался как раз храм, в котором должно было пройти богослужение.

Добрались мы туда аккуратно перед появлением Рауля с Марселой, которые вышли из украшенного цветами экипажа и медленно пошли к входу. По мере того как они проходили, люди кланялись и сыпали пожеланиями здоровья, счастья и долгих лет жизни. Похоже, сестру и брата любили. Охрана близко к ним никого подпускала, но не потому, что опасалась за подопечных, а потому, что в храме на момент

обращения к Двуетьдиному не должно быть лишних глаз. Как вещал стоящий рядом Альварес: разговор правящей семьи с богом должен оставаться между ними. Как по мне, это, скорее, предосторожность на случай, если бог не ответит или ответит не то, что нужно. И тогда запустятся порочащие династию слухи, которые очень легко предотвратить, просто не пуская свидетелей.

Двери в храм за ними прикрыли: молебен будет проходить без посторонних глаз. Но народ не расходился, глазел на храм, словно ожидал чуда. И тут мне пришло в голову, что устроить чудо было в наших силах а значит, мы должны это сделать.

— Сеньор Альварес, — тихо сказала я в самое его ухо, — а не испытать ли нам заклинание прямо сейчас? Там подходящие визуальные эффекты.

— А если что пойдёт не так? Рауль нам не простит.

— Если бы могло что-то пойти не так, то в книге про это непременно бы написали. А так мы получаем золотое сияние по городу во время молебна. Представляете, что будут говорить люди? В самом плохом случае просто ничего не произойдёт.

Альварес ещё посопротивлялся немного, упирая на то, что разрешения мы не получали, но сопротивлялся он для вида и было очень заметно, что и самому ему хочется попробовать, и не только новое заклинания, но и новую методику объединения заклинаний, которая относилась к тайным Сиятельным знаниям, но которую он теперь знал благодаря доступу в нужный корпус. В случае применения к заклинанию против червеобразных демонов наши заклинания не складывались, а умножались, поэтому покрытие должно было охватить весь город.

— Могут заметить, — привёл он последний довод, почти сдавшись.

— А отвод глаз на что? — удивилась я. — Нам только отойти надо, чтобы никто не наткнулся случайно.

— А я покараулю, — азартно предложила Ракель.

— Эх, на нарушение меня толкаете...

Но это был последний писк его сопротивления. Он даже не упирался, когда мы тащили его с площади. Завернули мы в ближайший переулок, пустовавший из-за того, что из него храма было не увидеть, и там, взявшись за руки, речитативом произнесли формулу

уничтожения, параллельно напитывая её собственной магией. От нас покатила е-е-е заметная золотистая волна, которая вызывала яркие столбы золотого света на своём пути. Столбы, которые указывали на места уничтожения червеобразных демонов.

— Ой мамочки, — испуганно выдохнула Ракель.

Столбов по городу получилось невероятное количество, а самый большой и толстый исходил из храма, в котором сейчас шёл молебен.

Глава 20

В эйфории от удачного использования заклинания мы засели в одном из кафе рядом с центральной площадью и даже вино заказали, чтобы отпраздновать победу. Там нас и нашли принц с принцессой. Выглядели они отнюдь не осчастливленными нашей помощью, а злыми настолько, что я подумала бы что их зацепило заклинание против демонов.

Рауль, прежде чем ругаться, поставил защиту от прослушивания. Признаю, ругался он культурно, одними приличными словами, но с такими интонациями, что они казались неприличными. Досталось каждому, но больше всех — Альваресу. Рауль выговаривал холодно, но было видно, что внутри он кипит от злости: слишком спокойно он говорил, слишком длинные паузы между словами делал. Марсела же не посчитала нужным скрывать свои чувства.

— Как вы могли, сеньор Альварес? Вы, взрослый состоявшийся маг, — выпалила она, прервав брата. Странно, что при этом смотрела она не на Альвареса, а на нас с Ракель. — Я бы поняла, если бы в представлении участвовали только эти две сеньориты, которые понятия не имеют об ответственности.

— Почему это не имеем? — возмутилась Ракель. — Мы хотели вам помочь, поскольку как раз считали себя ответственными за судьбу Теофрени.

— Неужели? И сеньорита Катарина считает себя ответственной за судьбу Теофрени? С чего бы, если её не беспокоит судьба собственного герцогства? Такую беспринципную особу ещё поискать нужно.

— Марсела, — предупреждающе протянул Рауль.

— Хочешь сказать, дорогой брат, что я не права? Девушка совершенно спокойно бросила на произвол судьбы людей, которые от неё зависят.

— Марсела, не суди о том, чего ты не знаешь, — резко бросил Рауль. — Во-первых, герцогство от неё никак не зависит, потому что находится под управлением графини Хаго, а во-вторых, Катарине грозит смертельная опасность. Не думаю, что герцогству станет

лучше, если местное кладбище украсится могилой нынешней герцогини.

Продолжать он не стал, хотя и мог бы добавить «в-третьих», что эти обязательства вообще не мои, а предыдущей Эстефании. Вот она конкретно сбежала. А я так, пыталась выжить и принимать на себя не оговоренные клятвой обязательства и не могла, и не хотела.

— Вот как? — Марсела немного остыла. — Ты мне не говорил. Да и сейчас не говоришь ничего конкретного.

— Это не мой секрет, — отрезал Рауль. — Марсела, ты меня удивляешь своей горячностью.

— Извини. — Она приложила руки к вискам. — Просто мне невыносимо думать, что кто-то может вот так легко пренебречь своими обязанностями...

— В то время как тебе это недоступно?

Это был явно намёк на что-то, потому что Марсела дёрнулась, на мгновение «потеряв лицо», но очень быстро взяла себя в руки и холодно возразила:

— Я просто думаю о последствиях.

— Катарина тоже думает о последствиях и пытается спасти не только герцогство, но и весь мир, — напомнил Рауль.

— Да, мы все всё ради этого делаем, — вставила Ракель посчитавшая, что меня незаслуженно обижают.

— И это нас возвращает к тому, что прежде, чем делать всё, неплохо было бы сначала согласовать с другими. Никто не вправе решать столь серьёзные вопросы единолично.

— Нас пятеро, посвящённых в тайну, — заметила я. — Трое были за немедленное использование заклинаний, а это, несомненно, большинство, если вы не считаете, что титулы принца и принцессы дают вам по два голоса.

— Да ксуорс вас побери! — опять взвилась Марсела. — Вы можете представить наши чувства, когда неожиданно трое из священников, участвующих в молебне, упали на землю и стали корчиться, как будто их пытали.

То, что никто не умер, мы выяснили сразу, поэтому, хоть и испытывали чувство вины, но оно гасилось эйфорией от успешного использования заклинания.

— У них же из тела выходил божественный золотой свет, — невозмутимо напомнила Рабель. — Значит, вы должны были догадаться, что всё идёт как надо.

— Рауль, да весь город гудит, что Двуетинный явил чудо, а это значит, что в Теофрении грядут золотые времена. И это только благодаря нам, — напомнил Альварес. — Как говорит Катарина, победителей не судят.

Я скромно промолчала, хотя могла бы возразить по поводу авторства. С другой стороны, как ни крути, это сказала действительно Катарина, хотя и не я, а Екатерина Вторая.

— То есть мы вам ещё и благодарны быть должны, сеньор Альварес? — едко спросила Марсела.

— Не то чтобы благодарны, но уж точно не стоит на нас ругаться, — ответила я вместо смутившегося Альвареса. — Народ ждал чуда, мы это чудо дали. А заодно обеззаразили несколько священников, что пойдёт на пользу церкви. Кроме того, мы провели эксперимент и выяснили охват совместного заклинания, чего не получилось бы сделать ночью, потому что результата не было бы видно.

— Катарина, да как вы не понимаете, — устало выдохнул Рауль. — Таких сюрпризов нам не нужно, пусть они хоть десять раз приятные. Мы должны быть к ним готовы. А не так, что, когда священники посыпались на пол, мы догадались, что это результат ваших действий, а не мор в церкви.

— Но вы же нашли что сказать, — смущённо предположила я.

— Разумеется, мы нашли что сказать, — уже не так агрессивно ответила Марсела. — Что Двуетинный очищает пастырей своей церкви.

— Получается, среди священников высокий процент магов с низким уровнем дара...

Сказала я это больше для себя, чем для остальных. Почему-то мне казалось, что церковь и магия — понятия несовместимые.

— Разумеется, — ответил Альварес. — А куда им ещё идти? Для полноценного занятия магией Дара не хватает, зато его достаточно, чтобы служить проводником божественной воли.

Он упорно не смотрел на Марселу, а Марсела упорно не смотрела на него. Так упорно, что не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: эти двое неровно дышат друг к другу. Так что, похоже, я очень поторопилась, когда посчитала Марселу влюблённой в Теодоро.

Для неё тот брак был всего лишь одной из неприятных обязанностей. А её неприязнь ко мне основывалась на том, что, по её мнению, я отбросила все свои герцогские обязанности, чтобы развлекаться, чего она себе позволить не могла. Впрочем, я могла ошибаться как тогда, так и сейчас. И нежелание Альвареса и Марселы смотреть друг на друга объяснялось давней неприязнью. В конце концов, Теодоро хорош и у него есть флёр...

И думать сейчас следовало вовсе не о чужих отношениях, у меня и без того было чем забивать голову.

— Встаёт вопрос, до конца ли очистились священники или там что-то осталось для развода, — перешла я к делу. — То есть освободелся ли этот город полностью от влияния демонов.

— Бернар утверждает, что освободелся, — неохотно ответил Рауль.

Что характерно, самого Бернара рядом с ним не наблюдалось, значит, шастает по городу и изучает атмосферу с тем, чтобы потом доложить Раулю.

— Мне кажется, всё равно имеет смысл прочитать заклинание на троих, — предложила я. — Волна будет больше и сильнее. Те демоны, что не выгорели, наверняка сдохнут. Возможно, стоит ещё читать заклинание по дороге.

— Точно, — оживилась Ракель. — Тогда кортеж будет сопровождаться золотым сиянием Двуетного.

Она восторженно вздохнула и подпёрла подбородок кулаком.

— Мы подумаем над этим, — сказала Марсела. — Но завтра, когда вы поймёте, что чуть не поставили под удар нашу миссию. А сейчас я возвращаюсь в гостиницу.

Она встала, и гвардейцы, которые сопровождали принца и принцессу, сразу подались вперёд.

— Сеньорита Наранхо, будьте любезны, составьте компанию Марселе, — неожиданно приказал Рауль.

— Но... — Подруга обречённо посмотрела на недоеденную отбивную.

— Пожалуйста, — с нажимом сказал Рауль. — Я распоряжусь, чтобы ужин доставили к вам в номер.

Ракель бросила на меня сочувствующий взгляд, встала с тяжёлым вздохом и присоединилась к Марселе, после чего они вместе

удалились. Я понадеялась, что хотя бы моя подруга не вызывает у Марселы отрицательных эмоций, а значит, Ракель не достанется дополнительного выговора, в отличие от нас с Альваресом.

Рауль ругаться не торопился, дождался ухода сестры, сделал заказ, чтобы не глядеть, как мы едим, и лишь потом заговорил, но вовсе не о том, чего я ожидала.

— Если у вас, дорогие мои соратники, — вкрадчиво сказал он, — так много лишней энергии, что хватает на хулиганство, предлагаю её использовать на благо страны.

— Ты сейчас о чём? — подозрительно уточнил Альварес, который после ухода Марселы стал выглядеть куда менее напряжённым. — Мы её и так на благо страны использовали, с этим даже твоя сестра согласилась.

— Я сейчас о том, что неплохо было бы закрыть вопрос с Сиятельной бомбой. Бернар говорит, что в наших силах подорвать её незаметно, но делать мы это всё-таки будем за пределами города.

— То есть она у вас с собой? — изумилась я.

— Да, в одной из повозок, — признался Рауль, — под иллюзией.

При мысли, что всё время в пути я была рядом с этой пакостью, мне стало нехорошо. И после этого Рауль упрекает нас в ненужном риске? А сам-то, сам чем занимается? Да мы подвергли их куда меньшему риску, чем он — нас.

— Боже мой, зачем вы таскаете с собой бомбу? Это опасно.

— Если вы не забыли, Катарина, я как раз и предлагаю её больше не таскать. Формула сферы для подрыва предполагает участие трёх сильных магов. Причём именно сильных, умение там не столь важно.

Альварес тронул его за руку и спросил:

— А ты уверен, что Катарина достаточно сильный маг?

Что характерно, в своих силах он ни на миг не усомнился.

— Хосе Игнасио, я был лучшего мнения о твоих умственных способностях, — подколот его Рауль. — Неужели ты до сих пор считаешь, что Катарина показала свой настоящий уровень магии? Поверь, в нашей тройке самый слабый маг — ты.

Альварес вытаращился на меня так, что у меня появилось желание проверить, не вырос ли у меня случайно посреди лба рог. Я даже уступила своему желанию и украдкой проверила. Но нет, лоб был абсолютно гладкий.

— Это сколько у неё тогда?

— Меньше, чем у Рауля, — сразу попыталась я перевести стрелки на принца.

— С чего вы взяли, Катарина? — усмехнулся Рауль.

— У меня свои источники информации, — уклонилась я от ответа.

— Альба? — насмешливо уточнил он.

— По-моему, мы собирались обсуждать взрыв, а не мои источники информации, — отрезала я. — И не надейтесь, я их не выдам.

— А чего его обсуждать? — Альварес отвлёкся от разглядывания меня и переместил внимание на принца. — Его делать надо. Ты предлагаешь сегодня, Рауль, я правильно понимаю?

— Правильно, — согласился Рауль.

Тут как раз принесли его заказ, и всё время, что официант выгружал блюда на стол, принц молчал, а потом с явным удовольствием принялся есть.

У меня же, напротив, аппетит пропал, зато разожглось любопытство.

— Ну и? — не выдержала я.

— Вы о чём, Катарина? — он притворился, что ничегошеньки не понимает.

— Я о том, как мы будем сегодня взрывать.

Он невозмутимо ответил:

— Обычно. От вас с Хосе Игнасио потребуется только подпитка сферы. Остальное сделаю я.

Он отсалютовал нам бокалом вина. Мы с Альваресом переглянулись. Похоже, он тоже не был в восторге от неопределённости, потому что сказал:

— Хотелось бы услышать что-то конкретное.

— Конкретное? Ждём темноты и выезжаем из города на подводе с бомбой. Отъезжаем подальше и взрываем. Достаточно конкретно?

Рауль опять переключился на еду. Я же последовала его примеру: если потребуются все магические силы, то сейчас их нужно по максимуму восстановить и ни на что не тратить. А то вдруг что-то пойдёт не так, а я израсходовала магию на местную разновидность демонов? Эти от нас никуда не денутся, мы их взорвём сразу после

бомбы, и будем уничтожать на своём пути всех демонов, кто попадётся. Пусть лучше заранее переселяются в соседние страны. А ещё лучше пусть возвращаются в свой мир и запирают двери.

Глава 21

Выехали мы в ночь: Рауль, Альварес и я, замаскированные под местных купцов. Альварес успел повозмущаться тем, что его, великого мага, выставляют презренным торгашом, на что Рауль ехидно заметил, что если уж принца и герцогиню устраивают выбранные образы, то причин бунтовать у великого мага и вовсе нет. Альварес проворчал, что от нашей репутации всё равно уже ничего не осталось, поэтому мы даже можем притвориться золотарями, ничего не изменится, но в конце концов смирился. Наверняка потому, что вспомнил, что купцом он будет с чужой физиономией, следовательно, свою не опозорит.

На коней тоже наложили морок, и они теперь выглядели как обычные неказистые лошадки, совсем не напоминающие тех гордых скакунов, которыми были все кони в королевском кортеже.

Поэтому выехали мы из города, никем особо не замеченные, разве что стражник на воротах удивился, что столь поздно покидаем город, на что Рауль сразу пожаловался на меня. Мол, пока женщина соберётся и неделя может пройти. Я даже возмущаться не стала, потому что охранник сразу согласился с уважительностью причины, но интерес не потерял, провожал взглядом так, словно пересчитал всё, что в повозке и уже мысленно положил в карман деньги от продажи.

Коней Рауль придерживал, и тащились мы, словно похоронная процессия. В некотором смысле так и было, поскольку мы запланировали похоронить все надежды Муриции на магическую бомбу, да и саму бомбу тоже, разумеется. Занимала она всю повозку и была спрятана под иллюзией множественных тюков с товаром, который показались столь привлекательными стражнику. Надеюсь, на них не позарятся личности с криминальными наклонностями и не попытаются нас ограбить. Не хотелось бы за собой оставлять трупы. А что трупы будут — тут к гадалке не ходи: нельзя к бомбе никого допускать, повредят линию на ограничивающем рисунке — и всё, прощай дивный новый мир. Голову мне отрубить не успеют, а значит, умру я неправильно. И не только я.

Рауль испытывать судьбу не стал и свернул к лесу, как только уверился, что из города нас не видно, а на тракте никого нет. Лошади

поклажу тянули столь же бодро, как и по дороге, даже не заметив, что местность стала очень сильно пересечённой. То и дело повозку встряхивало на ухабах, и я даже сочла за лучшее спрыгнуть и пойти пешком, придерживаясь за край повозки. После очередного встряхивания Альварес громко клацнул зубами и последовал моему примеру.

— Пока дойдём, всю магию на ухабах растеряем, — проворчал он.

Недовольство его было связано с тем, что путешествовать приходилось без минимальных удобств.

— Она в вас так плохо держится, сеньор Альварес? — с деланным сочувствием уточнила я. — Наверное, надо было кого-то другого попросить.

— Я не о себе беспокоюсь, — сразу вильнул он, — а о грузе. Мало ли что с него может облететь.

— Не волнуйся, Хосе Игнасио, там всё намертво закреплено, — бодро сказал Рауль. — Ничего не растрясётся и не растеряется.

— Попробуй тут не волноваться с таким содержимым, — проворчал Альварес, но нить прекратил, тем более что мы уже почти добрались до опушки леса.

В реденький лес заводит повозку Рауль не стал, но по нашим следам отправил заклинание, которое их уничтожило. Наверное, тоже заметил пристальное внимание на выезде из города и решил перестраховаться. Трава поднялась, закрыв колеи от колёс, а с дороги нас сделал невидимым артефакт отвода глаз, который Рауль активировал сразу после подчистки следов.

— Дальше не поедем? — удивился Альварес.

— А смысл? Отсюда в самом плохом случае заденет только лес и дорогу, где сейчас никого нет.

— И нас.

— Нас заденет в любом случае, если что пойдёт не так, — спокойно заметил Рауль. Он вытащил накопители и раздал: Альваресу — три, мне — два и два оставил себе. — Если почувствуете, что не хватает собственных сил, переключаетесь сразу, не ждите, когда всё выйдет из-под контроля. Приступаем?

— Прямо сейчас? — занервничала я.

Конечно, накопители были увесистые и хотя и не дотягивали до того, в Сиятельном корпусе, забиты они были под завязку и несли в себе весьма приличный запас магии. С этой стороны причин для тревог не было, а вот слова о том, что всё может выйти из-под контроля, меня обеспокоили. Они оказались слишком неожиданными, поскольку до них я была уверена, что Рауль знает, что делает.

— Вам нужно прочитать молитву Двуетьному? — насмешливо поинтересовался он. — Мы подождём.

— Или присоединимся, — предложил Альварес. — Так-то я ни одной молитвы до конца не знаю, но чужую могу поддержать.

— Проблема в том, что у меня с молитвами дело обстоит примерно так же, как у вас, сеньор Альварес, — я чуть не рассмеялась, хотя обстановка к этому не особо располагала: темно и лес, рядом с которым мы расположились, выглядел зловещим и недружелюбным. — Я предлагаю выставить хотя бы минимальную защиту. Не хотелось бы, чтобы пока мы будем поддерживать сферу, нас ограбили или чего хуже.

— Что может быть хуже? — удивился Альварес. — Да нас любая крыса на смех поднимет, если мы позволим себя ограбить.

— Отвод глаз не даст на нас никому наткнуться. Ставить защитные заклинания — исказить пространство для сферы, которая может сработать не так, — возразил Рауль. — В конце концов, нам нужно всего лишь минут пять. За пять минут нас никто не ограбит. Даже подойти не успеют.

— Уверен? — удивился Альварес.

— Взрыв произойдёт, частично погасится стенками сферы, а дальше стравим излишки через небольшое отверстие. Чему здесь идти дальше?

Почему-то при его словах я представила мультиварку, из клапана которой вырывается пар. Картина показалась нестрашной, оставалось надеяться, что стенки из магии не уступят по прочности стенкам из металла.

Бомбу с куском пола с повозки не спустили и даже лошадей не выпрягли. Они стояли совершенно неподвижно, ногами не перебирали, не всхрапывали, на нас не косились и даже не делали попытки куда-то сдвинуться, словно были не живыми существами, а механизмами. Ой, всё-таки что-то нечисто с этими лошадками...

Рауль вытащил бумажку с расчётами и расставил нас в соответствии со схемой. Расстояния были неодинаковые: от меня до Альвареса оказалось куда ближе, чем до Рауля. Зато от меня до Рауля было куда дальше, чем от Рауля до Альвареса. Похоже, Рауль на себя взял самый большой участок, как самый сильный маг. Или как самый опытный. Или как тот, на кого сфера будет завязана.

— Начали, — скомандовал Рауль и убрал защиту с бомбы.

Почувствовалось это сразу: у меня заболели зубы, и нахлынула тошнота. Альварес тоже побледнел. Принц же, сцепив зубы, выплетал заклинание сферы, которую нужно было замкнуть одновременно с подрывом. Как только я это поняла, меня затошнило ещё сильнее: теперь не только от влияния Сиятельного артефакта, но и от страха. Немного успокоило то, что почти готовая сфера ткнулась в мои пальцы сама, как упругий резиновый мячик-переросток. Была она плотной, многослойной, с одной небольшой прорезью рядом с руками Рауля. Но главное — она гасила неприятные ощущения от артефактной бомбы почти полностью, до меня достигали теперь только отголоски, и от них не хотелось срочно отбежать в кусты и очистить желудок.

Я сотворила своё заклинание и присоединилась к заклинанию Рауля, после чего магия внутри меня отозвалась, готовясь напитать сферу, когда встанет необходимость. То же самое сделал Альварес, и мы застыли в ожидании.

Рауль продолжал колдовать, аккуратно наращивая слой за слоем и никуда не торопясь, хотя что-то внутри меня азартно подпрыгивало от нетерпения и вопило: «Ну давай же, давай же наконец начнём!» Ему-то что, он работает, а вот мы с Альваресом ждём и нервничаем. Правда, Альварес никакого нетерпения не показывал, но я была уверена, что он просто лучше скрывает собственные чувства.

Наконец Рауль сделал быстрое короткое движение, после которого прорезь схлопнулась и одновременно я ощутила, как сфера под моими руками затвердела, а через связующее заклинание от меня потекла магия, и потекла столь широким потоком, что я свободной рукой сразу потянулась за накопителем, понимая, что он непременно понадобится.

Давление нарастало. Сфера то была каменно-твёрдой, то содрогалась так, что я каждый раз пугалась, что она сейчас развалится, а вместе с ней и я. Когда уже казалось, что всё успокоилось, Альварес внезапно закатил глаза и кулём свалился на землю.

И вот тогда всё, что было до этого, показалось детскими играми. Схема поддержки нарушилась, и стенки сферы залихорадило, а сама она перестала выглядеть как сфера, поскольку в сторону выбывшего мага вырастала большая уродливая шишка, грозящая в любой момент лопнуть.

— Кати, сместись к Альваресу! — крикнул Рауль.

Я сделала несколько шагов, перехватывая часть того, что осталось без управления. Но баланс был нарушен, и держать давление оказалось невыносимо тяжело. Я почувствовала, как внутри словно натянулись все жилки, а из носа закапала кровь, но позволить себе отвлечься я права не имела: Рауль один не вытянет и бомба рванёт так, что мало не покажется.

— Ещё немного продержись, — прохрипел Рауль.

Легко сказать. Меня трясло мелкой дрожью от перенапряжения. Пришлось переключиться на накопитель, потому что ещё чуть — и вычерпаю себя до доньшка, а что бывает после этого, я уже знала. Начинало подкрадываться беспокойство, что будет, если я использую второй накопитель, а держать сферу нужно будет дальше. Я прекрасно понимала, что держусь сейчас на пределе, что до той грани, когда прилягу рядом с Альваресом, осталось самая малость. Но я твердила себе, что обязана выстоять, иначе всё, сделанное раньше, окажется бессмысленным. Слишком многое зависело от того, останемся ли мы живы. И слишком многие.

Когда я поняла, что в первом накопителе магия закончилась и перешла на второй, меня обуял настоящий ужас. Такими темпами мы сферу не удержим.

Но тут я услышала слабый свист и поняла, что наконец пошло стравливание. Поверхность сферы успокоилась, но расслабляться было рано: слишком большое давление оставалось внутри. Радовало одно: магии теперь тратилось гораздо меньше и её поток больше не выжигал меня изнутри. Я стояла и молилась сразу всем богам, чтобы это не просто закончилось, а закончилось правильно, так, что никто не пострадал.

— Всё, — выдохнул Рауль.

И сфера под моими руками истончилась и исчезла. А вместе с ней истончился и исчез тот стержень, что помог мне выстоять. Я ещё увидела, что там, где был кусок пола с артефактом, остался лишь

серый пепел, который сейчас сыпался в дыру в днище повозки. А дальше... Боюсь, я осела на землю совсем неаристократично. Раз — и напрочь отключилось от всего.

Очнулась я от разговоров на повышенных тонах рядом со мной.

— Хосе Игнасио, ксуорс тебя побери, тебе всего-то нужно было переключиться на накопитель. Я зря, что ли, тебе подсунул три?

— Я был уверен, что успеваю.

Альварес говорил тихо и явно чувствовал себя очень виноватым. Я же чувствовала себя совершенно опустошённой. Оказалось, свою магию я тоже вычерпала, и сейчас она только начала восстанавливаться. Сил не хватало даже на то, чтобы открыть глаза.

— Уверен он был. Ты чуть не угробил нас всех.

В щёку мне упиралась травинка, но под головой лежало что-то мягкое, а на мне — что-то лёгкое и тёплое, поэтому желания встать и включиться в разговор у меня не появилось. Хотя я тоже считала Альвареса виноватым.

— Если с Катариной что-то случится, я тебе этого никогда не прощу, — неожиданно сказал Рауль.

— Не надо было её с собой брать, — буркнул Альварес, — если ты так за неё переживаешь.

— Это ещё вопрос, кого из вас лучше было бы заменить, — жёстко возразил Рауль. — Если бы ты вовремя переключился на накопитель, ничего бы не случилось. Я поправку сделал на твой уровень силы при расчётах, и что на выходе? Уверен, даже Марсела справилась бы лучше. Нужно было её брать, а не тебя. Она предлагала.

— Не лучше. Марсела бы наверняка сцепилась с Катариной, — возразил Альварес. — Она видит, что ты влюблён и боится, что вы сделаете глупость.

Я затаила дыхание. Рауль в меня влюблён? Ерунда какая-то. Может, я неправильно поняла слова Альвареса?

— Хосе Игнасио, некоторые вещи из разряда невозможных никогда не выйдут. Как бы я ни относился к Катарине, будущего у нас нет.

— Возможно, она думает по-другому?

— Она думает точно так же.

Мне показалось или в словах Рауля прозвучала горечь, словно если бы я думала по-другому, будущее бы у нас внезапно появилось?

Но нет, я тоже прекрасно понимала, что между нами не может быть ничего: я не подхожу теофренийскому принцу ни как герцогиня Эрилейская, ни как Катарина Кинтеро. Увы, будущие правители вынуждены очень тщательно подходить к выбору спутницы жизни, а на короткую интрижку я бы никогда не согласилась.

Глава 22

Сложно сказать, было ли моё состояние сном или потерей сознания. Но Теодоро это было без разницы: он в очередной раз в него нагло влез. Причём опять через окно, показывая завидную сноровку. Поди тренируется постоянно: окон много и дам, жаждущих монаршего внимания, тоже хватает. Тут даже если подходить выборочно — работы непочатый край, так что приходится бедному королю трудиться не покладая рук. И других частей тела тоже не покладая. Вот сейчас, к примеру, глаза оббегали помещение, в которое он уже забрался, а на монаршем лице отражалась усиленная мыслительная деятельность, которая сменилась маской невозмутимости, стоило Теодоро понять, что я его заметила.

— Эстефания, душа моя, заставила ты меня поволноваться, — укорил он. — Пишут, что в Теофрении был ужасный взрыв.

— Правда? — заинтересованно уточнила я. — Я в последнее время газет не читаю, а до нас даже отголоски взрыва не донеслись. Может, взрыв был не столь уж силён?

Кажется, в моём ответе Теодоро узрел нечто оскорбительное, потому что его лицо коротко исказилось в злой гримасе. Ещё бы: Муриция рассчитывала на более солидную катастрофу, а тут всего лишь аккуратно сложилось здание, никого не угробив и, возможно, даже не унеся с собой тайны корпуса.

— Может, и не столь силён, как пишут, — согласился он, быстро взяв себя в руки. — Но это не мешало мне волноваться за тебя. Видишь ли, Эстефания, я боялся, что ты под него попадешь.

— То есть вы про него знали заранее?

— Моему роду свойственно предвидение будущего, — гордо сказал Теодоро, уйдя от правдивого ответа.

— Предвидение или подстраивание? — уточнила я.

— Эстефания, уж ты-то должна знать, что эти понятия часто идут рука об руку. Мы, те, кто облечены властью, на будущее влияют куда чаще и серьёзнее, чем простые смертные.

— Возможно. — Я пожала плечами, не отрывая взгляда от Теодоро, который медленно приближался. Не пропустить бы тот

момент, когда его можно будет выставить. — Так что там взорвалось в Варенции? Особняк, снятый для любовницы графа Нагейта?

— Эстефания, при чём тут Варенция? Я говорю о Теофрении.

— Почему взрыв в Теофрении должен был меня как-то задеть? А кстати, что там взорвалось?

— Университет, — ответил Теодоро.

Глядел он на меня весьма скептически. Видимо, не слишком верит в моё нахождение в Варенции. Возможно, какая-то деталь относительно Нагейта была лишней? Спросить? Но ведь не ответит, гад.

— Какой ужас! — Я приложила руки к щекам и округлила рот, как положено всякой испуганной сеньорите. — Не думала, что находиться в университетах столь опасно...

— В нашем — совершенно безопасно, — заулыбался Теодоро. — Разве я мог бы предложить тебе поступать к нам, если бы в этом сомневался.

— Мне кажется, Ваше Сиятельное Величество, что забота о моей безопасности — последнее, что вас беспокоит, — не удержалась я. — Возможно, вам было бы даже выгоднее, если бы я угробилась самостоятельно.

— Что ты, Эстефания, меня бы это очень огорчило.

— Короли, даже если очень огорчаются, жертвуют подданными без зазрения совести.

— Пожертвовать собой ради своего монарха — священная обязанность любого подданного, — с истинно королевским высокомерием выдал Теодоро. — Как и монарха — принять эту жертву и не дать ей пропасть втуне.

— Мне казалось, что это монархи должны жертвовать собой ради народа...

— Разумеется. Мне постоянно приходится идти на жертвы ради процветания страны.

— Как удобно, когда Двуетный жертвы не принимает.

— Это ты сейчас о чём, Эстефания?

— О помолвке с теофренийской принцессой. Я видела ваш кортеж в тот день, когда вам было отказано в благословении.

— Значит, я всё-таки слышал тебя, — обрадовался Теодоро. — Впрочем, это и было знаком, что моё решение неправильно. Я понял,

что ради блага Муриции нужно жениться на тебе. Эстефания, какие клятвы я должен дать, чтобы ты мне доверилась и вернулась?

— Боюсь, я вам довериться никогда не смогу, — усмехнулась я, заметив, что он больше не двигается, завяз в не пускающем его пространстве. — А почему вы вообще хотели жениться на Теофренийской принцессе?

— Ради объединения двух стран, разумеется. Король Луис пообещал, что в случае брака с Марселой трон Теофрениии так же станет моим.

Захотелось заметить, что у Теодоро задница хоть и красивая, но одна, а значит, на двух тронах одновременно не уместится. Но это уже было близко к оскорблению, а уверенности в том, что мы не встретимся с Теодоро наяву, у меня не было.

— Как я слышала, речь шла о каком-то пророчестве...

Я сделала паузу, показывая, что знаю куда больше, чем говорю, в надежде разжиться дополнительными сведениями.

— Под которое, душа моя, нынче подходишь и ты, — неожиданно ответил Теодоро. — Потому что ты в Теофрениии. Донья Хаго в этом уверена. Говорит, в университете были явные следы твоего присутствия, пусть и немного смазанные. Найти тебя она не смогла, но была уверена, что ты там появлялась, и не один раз. Так что сказки про Варенцию и про то, что ты не читаешь газеты, оставь кому-нибудь другому.

Он обезоруживающе улыбнулся и смог продавить пространство ещё на чуть-чуть. Какой, однако, упорный сюзерен мне попался, этак рано или поздно доберётся и заставит выполнять вассальные обязанности.

— И поэтому вы приказали взорвать университет? Чтобы не осталось никаких следов?

Я немного нервно рассмеялась, хотя мне было не до смеха. Выходит, тётушка действительно была готова мной пожертвовать, а не сказала так Диего ради красного словца. Или она была уверена, что я уберусь вовремя? Не знала ли она о том, что за ней наблюдали?

— Скажем так, донья Хаго действовала на собственное усмотрение. На договорённости между нами твоя смерть не повлияла бы никак. Но приказания тебя устранять я не давал. На мой взгляд, это создало бы определённые сложности в части наследования герцогства,

что в целом не в интересах Муриции, если даже не рассматривать мою к тебе слабость. Эстефания, ты очень рискуешь, находясь в чужой стране. И не только тем, что тебя будут использовать в своих политических целях наши противники. — Теодоро перестал улыбаться и говорил довольно жёстко. Впрочем, это делало его куда привлекательнее, чем когда он притворился таким няшным котиком, безобидным и милым, если не знаешь о спрятанных бритвенно-острых когтях. — А тем, что, постоянно используя зелье, скрывающее Сиятельность, можешь её потерять навсегда. А вместе с ней потеряешь все Сиятельные привилегии, герцогство и меня.

Он говорил с таким видом, что меня потянуло заключить: «Последнее — особенно печально», но я промолчала, не желая показывать, что ничего из перечисленного меня не привлекает. В идеале я бы предпочла просто раствориться в этом мире, чтобы никто никогда меня не нашёл. Но судя по тому, что моей тётушке удаётся меня унюхивать каким-то мистическим образом (уж не с помощью ли фамильяра Эрилейских?), о покое мне пока приходится только мечтать.

Теодоро был уже на середине комнаты, то есть слишком близко ко мне, пришла пора его выставить. А то ведь дойдёт, схватит и утянет за собой. А у меня в планах нет встречи с ним и с тётей.

— Эстефания, я прекрасно понимаю, что будущее видится тебе не в слишком радостных тонах, — неожиданно сказал он. — Но донья Хаго рано или поздно до тебя доберётся, и тогда я тебе не позавидую. А вот если ты согласишься на моё предложение, два года спокойной жизни я тебе обещаю.

— А потом? — заинтересовалась я, подозревая, что он не просто так замолчал и что два года — это максимально выделенный мне срок жизни.

— Ты же сама прекрасно знаешь, что потом, иначе не бегала бы, — усмехнулся он. — Так что у тебя всего лишь два варианта: прожить два года Сиятельной королевой или умереть сразу, как донья Хаго до тебя доберётся. А доберётся она куда раньше, чем через два года. Потому что теперь знает, где ты. И потому что ты её очень разозлила. Фактически, ты сделала её своим врагом, и только я могу тебя защитить.

— И всё же я предпочту побегать, Ваше Сиятельное Величество, — отрезала я и сделала изгоняющий жест. — Наш разговор неприлично затянулся.

До окна Теодоро донесло в одно мгновение, но там он уцепился за раму и с трудом выдавливая звуки, прохрипел:

— И всё же подумай, Эстефания. У тебя ещё есть время.

После этих слов его окончательно вынесло наружу, а меня — из сна. Я приоткрыла глаза и с удивлением обнаружила себя в гостиничном номере, хотя последние воспоминания были связаны с разговором Рауля и Альвареса. Или это тоже приснилось? Потому что моё подсознание хочет, чтобы у Рауля были ко мне какие-то чувства? Ой, какое плохое подсознание, лучше бы оно настраивалось на кого-то другого. Но на кого? Не на Теодоро же, в самом деле?

Разговор с ним мне очень не понравился. Веяло от него какой-то обречённостью. Король точно знал, что мне грозило, и был уверен, что я не смогу этого избежать, даже если за него выйду. Отсрочить — да, но это всё, что он мог для меня сделать. Или хотел? Два года — достаточный срок, чтобы наиграться, а может, и обзавестись наследником, к которому уйдут и права на герцогство. То есть Теодоро собирается за мой счёт решить сразу несколько проблем, при этом мне лично щедро отсыпав аж два года королевской жизни.

— Кати, ты очнулась? — ко мне наклонилась обеспокоенная Рабель.

Оказывается, она даже спала рядом на кресле, чтобы за мной присматривать, поэтому выглядела сейчас не только встревоженной, но и помятой.

— Да, — непривычно тихо ответила я. Сил не было ни на что. Боюсь, даже захоти я сейчас поднять руку, не смогу. — Как я сюда попала?

— Тебя Рауль принёс, — затараторила Рабель. — Ох и злился он. Не на тебя, на Альвареса. Марселе Рауль сказал, что, если бы не ты, вы бы все втроём там полегли. А ещё он вызвал к тебе целителя, тот пояснил, что у тебя полное магическое истощение. Ой, он же оставил зелье, которым тебя надо напоить, когда проснёшься.

Она взяла бутылочку, которая нашлась на столе, отмерила десять капель в ложку, чуть приподняла мою голову и влила лекарство. Оно прокатилось мятым потоком по горлу, и стало намного легче. Я

продолжала чувствовать слабость, но уже могла поднять руку. А ещё зверски захотелось есть. Желудок совершенно не по-герцогски заурчал.

— Ещё тебе еду в стазисе оставили, — спохватилась Рабель. — Подозреваю, что не очень вкусную. Потому что целитель что-то там говорил о приготовлении по специальному рецепту и даже сам этим занимался. Представляешь, целитель, который приставлен к Теофренийскому королевскому дому, лично тебе готовил.

Болтать-то она болтала, но параллельно ещё и снимала стазис. Тарелку с кашей она сунула почти мне под нос, но даже вблизи я не смогла определить, из чего она сделана, потому что все составляющие были перетёрты в однородную кашу неопределённого цвета. Выглядело это не слишком аппетитно, но выбора не было, поэтому я приподнялась и взялась за заботливо подготовленную Рабель ложку, которой она собиралась меня кормить.

— Радует, что не Марсела, — заметила я, отобрала ложку и зачерпнула немного каши на пробу.

— Угу, она страшно злилась, — подтвердила подруга. — И потому, что тебя нёс лично Рауль, хоть и под отводом глаз, и потому, что ей придётся сказаться завтра больной.

— Зачем? — удивилась я.

Каша на вкус оказалась... никакая. Вот совершенно. Не чувствовалось в ней никакого выраженного вкуса. Одна радость, что горячая, поэтому я торопилась с ней разобраться, пока она не остыла.

— Затем, что тебе противопоказаны как поездки, так и занятия магией в ближайшие несколько дней, — пояснила Рабель.

— Оставили бы меня на тебя... — проворчала я. — Мне кажется, Марселу дразнить лишний раз не стоит.

— Мы же здесь устроили иллюминацию. Нужно и в другом городе теперь сделать то же самое, — ответила Рабель. — Рауль сказал, что после случившегося он Альваресу не доверяет. Да и не потянет один Альварес весь город.

Каша закончилась, но у Рабель нашлась ещё чашка с травяным отваром. Тоже наверняка лечебным. Я его пила и размышляла о том, какая на самом деле причина того, что Рауль не хочет меня тут оставлять. Вариантов была масса, и большинство — совсем не щадящие моего самолюбия. Как там говорил Теодоро? «Тебя будут

использовать в своих политических целях наши противники». Игры вокруг трона предполагают, что игроки, давно и успешно играющие в эту игру, приобретают опыт и мастерство и показывают не те чувства, что испытывают, а те, что от них ждут.

Пока мы не разобрались с демоническими червями, для Рауля я очень удобная фигура в той партии, что он разыгрывает на своей шахматной доске. Но что будет, когда Сиятельность пропадёт вместе с закрытием портала, а Теофрения закроет разом кучу собственных проблем?

Отвар закончился, а вместе с ним закончилось и желание размышлять на столь мрачную тему, которую навевал неприятный разговор с Теодоро, наложившийся на состояние магического истощения. Мысли текли всё более вяло, и я поняла, что не хочу думать ни про это, ни по что другое. А хочу спать.

Глава 23

Весь следующий день я проспала, просыпаясь только для того, чтобы поесть безвкусную кашеобразную гадость и выпить травяного отвара. Ко мне заходили и королевский целитель, и Рауль, и Марсела, но сознание было несколько спутанным, я отключалась прямо посередине разговора и не всегда после того, как в очередной раз приходила в себя, помнила, о чём шла речь. Единственное, что я точно не забыла: принять порцию антисиятельного зелья. А то бы очень облегчила тётушке жизнь, которая наверняка не отказывалась от моего поиска.

Утром следующего дня я проснулась совершенно отдохнувшей и бодрой, вылезла из кровати, отвратительно пропахшей болезнью и, чуть пошатываясь, двинулась в душ, но тихо, чтобы не разбудить замученную присмотром за мной Ракель, которая прикорнула на соседней кровати, даже не раздевшись. Под бодрой струёй воды я окончательно смыла с себя всю гадость, вернула чёткость движениям, затем высушила и уложила магией волосы. Сил это потребовало немного, но тем не менее я поняла: не съем сейчас чего-нибудь питательного — умру на месте.

В комнате оказалась очередная тарелка с кашей под стазисом, который я даже снимать не стала, решила спуститься в ресторан при нашей гостинице, потому что была уверена: если меня продолжать пичкать целительной гадостью, скоро пичкать будет некого — на таком питании долго не протянешь. Разве что только ноги...

На кухне ресторана готовка была в самом разгаре, но мне на скорую руку сделали и принесли огромную порцию омлета с сыром и помидорами и пообещали вскорости свежие булочки к чашке кофе.

Ела я не торопясь, потому что только сейчас сообразила, что понятия не имею, как отнесется мой ослабленный организм к изменению диеты. Пока он относился с энтузиазмом, но я подозревала, что мерзкая каша, которой меня кормили весь вчерашний день, могла залечь где-нибудь в желудке и только и ждала момента, чтобы сцепиться в последней битве с тем, что ей попадет. Каша была

слишком серьёзной противницей, чтобы о ней можно было просто так забыть, поэтому я не сразу поняла, что уже ем не в одиночестве.

— Прекрасно выглядите, Катарина, — заметил Рауль, неожиданно присевший напротив.

— Разве что по сравнению со вчерашним днем, — возразила я.

Время было раннее, но как он меня нашёл, я спрашивать не стала: короткое сканирование — и я удалила пару меток, одна из которых точно принадлежала Раулю. На моё укоризненное покачивание головой он ответил совершенно открытым ничего не понимающим взглядом. А может, и не считал себя виноватым. Всё же хотел не проследить, а убедиться, что со мной всё хорошо.

— Смотрю, вы самовольно перешли на другой тип питания?

— Этим целителям волю дай — одни кости останутся. Рауль, согласитесь, невозможно есть ту гадость, что мне оставили в комнате.

— Соглашусь, — усмехнулся он. — Но она хорошо балансирует потоки при магическом истощении.

— У меня уже нет магического истощения, но я близка к истощению другого рода. А ещё полна любопытством, — решила я сменить тему на более безопасную, поскольку начала переживать, что продолжение этой приведёт к тому, что у меня заберут если не недоеденный омлет, то булочки с кофе — точно. — Я так понимаю, что всё прошло нормально?

— Относительно, — нахмурился Рауль.

Он махнул рукой, подзывая официанта, продиктовал заказ и замер, пристально меня разглядывая. Делиться впечатлениями об уничтожении бомбы он явно не собирался.

— Мне показалось, часть повозки рассыпалась...

— Это так. Всё, что было внутри сферы, превратилось в пыль. Нам повезло, что мы смогли удержать защиту и ничего не вырвалось наружу.

— Основной удар пришёлся на вас, Рауль, — напомнила я. — Вы как?

— Теперь отлично.

— Теперь? — приподняла я бровь.

— Теперь, когда вижу, что с вами всё в порядке, Катарина, — пояснил он. — Признаться, вы изрядно нас напугали.

Ему принесли заказанную кашу, а мне кофе, молочник и целый поднос с горячими булочками, к которым шли в комплекте несколько вазочек с вареньем. Восхитительный вид для оголодавшего мага.

— И всё же, что случилось после того, как я потеряла сознание? — спросила я прямо. — Я ничего не помню. Очнулась уже в гостинице.

Скорее всего. Потому что я так и не поняла, был ли тот разговор наяву или оказался плодом моего воспалённого воображения. Рауль молчал, пришлось добавить:

— Я ведь всё равно узнаю, только не от вас.

Он нахмурился.

— Да ничего особенного. Хосе Игнасио пришёл в себя, когда я уже заканчивал ремонт повозки. Так-то её проще было выбросить, но пришлось залатать дно временной заплаткой из заклинаний. Поэтому мы разделили обязанности: я следил за вами и за тем, чтобы повозка не развалилась, Хосе Игнасио — за дорогой. Немного пришлось повоевать перед городом. Но мы были слишком уставшими, чтобы оставлять кого-то для допросов, так что не знаю, с чем было связано нападение.

— А трупы допросить? — несколько неуверенно уточнила я.

— А трупы мы решили не оставлять. Ни к чему нам сейчас разбирательства, — спокойно ответил Рауль.

— То есть нападавшие сбежали? — удивилась я.

— То есть от нападавших остались кучки пепла.

Рауль невозмутимо ел, а мне же булочка внезапно показалась совсем невкусной. Я понимала, что горячность Рауля была вызвана тем, что он хотел как можно скорее довезти меня до целителя. То есть тем самым он поставил личные чувства выше своих обязанностей, как должностное лицо. Не этого ли боится Марсела?

— Как ваш Бернар? — решила я опять сменить тему на более удобную. — Он выбрал такую милую форму.

— Необыкновенно деятельная персона, насиделся в заточении, сейчас навёрстывает. Обошёл весь город, уверен, что здесь чисто. Нахальный, самостоятельный, но иногда предпочитает притворяться маленьким и скромным, — Рауль улыбнулся с неожиданной нежностью. — Консультирует очень толково и знает рецепты, которые считаются утерянными в классической магии. Кстати, он обещал меня

научить методике хождения по снам, которую использует Теодоро Мурицийский.

Улыбалась я ровно до того момента, как зашла речь о мурицийском короле.

— Он приходил ко мне буквально недавно. Сказал, что если я возвращаюсь в Мурицию и выхожу за него, он мне обещает два года жизни, если нет — умираю сразу, как до меня добирается тётя.

— Он блефует, — уверенно сказал Рауль.

— Мне так не показалось, — покрутила я головой.

— Графиня Хаго — ваша ближайшая родственница. Зачем ей убивать свою племянницу?

— Возможно, она не считает меня племянницей? — предположила я. — Я не знаю, что у неё в голове, но в своё время она не пожалела близкую подругу. С чего бы ей жалеть меня?

— Вы сейчас о чём, Катарина?

— О том, что будущая графиня Хаго провела ритуал, который забрал Сиятельность у её подруги. Та считает, что это случайность, но я уверена, это было запланировано. Нет, графиня Хаго меня жалеть не будет. Думаю, даже выбора не даст, как мне умереть.

— Вы предпочитаете вернуться в Мурицию и выйти за Теодоро? — уточнил Рауль.

Спрашивал он вроде бы даже равнодушно, но взгляд его словно заледенел.

— Я предпочла бы туда не возвращаться, — ответила я. — Но меня могут лишить права выбора, если вы понимаете, о чём я. Теодоро подбирается всё ближе. Графиня Хаго меня тоже в покое не оставит. Кстати, она уверена, что я была в Теофренийском университете, о чём сказала Теодоро. Но вы знаете, Рауль. — Я отпила глоток уже остывшего кофе, потому что в горле было совершенно сухо, после чего продолжила: — Мне кажется, что, если лишить её связи с фамильяром Эрилейских, с ней будет куда проще справиться.

— Помнится, речь шла о том, что вам рано или поздно придётся разобраться с собственным фамильяром, а не с тётей, — прищурился Рауль.

— Возможно, будет достаточно оборвать его связь с графиней Хаго и он начнёт подчиняться мне? — предположила я. — Не знает ли Бернар подобной методики?

— Даже если знает, для этого вам придётся иметь дело с самим фамильяром, а вы к этому не готовы.

— Но вы же мне поможете, Рауль? — улыбнулась я. — Я вам помогаю разобраться с Сиятельностью. Вы мне с фамильяром. Равноценный обмен, не так ли?

— Возможно, — уклонился он от прямого ответа. — Но что потом?

— Возможно, вернусь в Мурицию, не опасаясь ни тёти, ни Теодоро, — предположила я. — Если я решу эту проблему, то смогу больше не бегать и не прятаться. И не подставлять вас под войну с Мурицией. Я — очень хороший предлог для этой войны, знаете ли?

— Смотрю, Марсела с вами уже переговорила? — недовольно спросил он.

Теперь я знаю, зачем она ко мне заходила: предупредить, к чему может привести моё неразумное поведение. Но это я понимала и без Теофренийской принцессы.

— Не успела. У меня тоже есть голова на плечах. Я неудобный соратник, Рауль, — признала я. — Вы, наверное, и сами неоднократно думали, что со мной делать после завершения всего этого.

— Мы могли бы вас прятать, сколько понадобится, — предложил Рауль. — Через какое-то время в Муриции появится новый герцог Эрилейский, и мне кажется, вас это не расстроит.

С этим я была согласна: не расстроит. Но меня расстроит нечто другое. И когда расстроит, я бы хотела быть как можно дальше от Теофрени. Мне всё сложнее было сохранять невозмутимость.

— Рауль, поверьте, я очень ценю, всё, что вы для меня делаете, но вы не сможете меня вечно прятать. Рано или поздно всё тайное становится явным. Я не хочу, чтобы вы пострадали.

— Катарина, возможно, мои слова покажутся вам высокопарными, но с некоторых пор я жизни не мыслю без вас, — неожиданно сказал он.

На искренность нужно отвечать искренностью, поэтому я выдохнула:

— Я тоже, Рауль, я тоже. Но давайте честно признаем: во-первых, у нас с вами нет будущего, а во-вторых, Рауль, согласитесь, что вы влюблены не совсем в меня, и вы это прекрасно знаете.

Внезапно стало больно, потому что я отчетливо поняла, что как я ни пыталась вжиться в это тело, оно все равно оставалось для меня чужим, пусть и привлекательным для моего нынешнего собеседника.

— Вы неправы, Катарина, — начал было он, но я положила свою руку на его и твёрдо сказала:

— В любом случае, права я или нет, я хочу быть подальше от вас, когда вы пойдёте в Храм со своей избранницей.

В ресторан влетела взбудораженная Ракель, увидев нас, она резко успокоилась и пошла к нам уже приличным размеренным шагом, как положено воспитанной сеньорите. Рауль проследил за моим взглядом, тоже увидел мою подругу и сказал:

— Сейчас не время и не место для этого разговора, но мы вернёмся к нему позже. Когда решим обе наши проблемы.

— Доброе утро, сеньор Медина, — поприветствовала его подошедшая Ракель. — Кати, разве так можно? Я так испугалась, когда проснулась, а тебя нет. Ты должна была меня разбудить, а то я уже напридумывала себе Двуетный знает что.

— Ты выглядела такой измученной, что я, наоборот, старалась двигаться так, чтобы тебя не разбудить, — смутилась я.

— И прежде чем есть тяжелую пищу, нужно было посоветоваться с целителем, — продолжала возмущаться Ракель.

— Не переживайте, сеньорита Наранхо. Вашей подруге уже можно питаться нормально. Поверьте человеку, который неоднократно был на грани магического истощения.

Ракель села на свободный стул рядом со мной и жалобно сказала:

— Вот как так-то? Я буквально на секунду глаза прикрыла — и уже всё пошло наперекосяк.

— Не переживай. Уверена, если бы мне стало плохо — ты бы непременно проснулась. — Я заметила, что до сих пор держу руку на руке Рауля, смутилась и взялась за Ракель. — Но ты чувствовала, что со мной всё в порядке. А значит, мы уже можем выезжать, не так ли, Рауль? И как можно скорее решить ваши проблемы, чтобы перейти к моим.

— Сегодня — нет, — ответил он резко. — Завтра с утра, не раньше. Катарина, вам надо восстановиться если не полностью, то до приемлемого уровня, чтобы после применения магии не свалиться в

горячке. Сегодня вам этим заниматься не рекомендуется категорически.

— И правильно, — поддержала его Ракель. — Совсем Кати себя не бережет.

К нам подошел официант и взял заказ теперь уже у неё. Как я заметила, после нашего разговора с Раулем аппетит пропал не только у меня, но и у него. Ракель это не коснулась, она хоть и выглядела уставшей, но уплетала за обе щёки. А я не могла не признать, что появилась она как нельзя кстати, потому что иначе мы с Раулем могли наговорить много лишнего друг другу.

Глава 24

Марсела всё-таки не удержалась и пришла ко мне лично проводить воспитательную беседу. Ракель она отправила в лавку за какой-то ерундой. Принцесса ласково улыбалась моей подруге, многословно сожалея, что приходится обращаться к ней по такой ерунде из-за необходимости придерживаться легенды о плохом самочувствии. Подруга уверила, что ей совершенно несложно и что она всё равно собиралась прогуляться, после чего сразу же убежала, а Марсела повернулась ко мне, и в её взгляде не осталось ни капли приязни.

— Катарина, нам нужно поговорить.

— Уверяю вас, Ваше Высочество, это лишнее, — ответила я.

— Увы, нет. Возможно, вы по молодости лет не понимаете, в какую яму пытаетесь сбросить мою страну, а возможно, вы делаете это намеренно, но знайте — я этого не допущу, — довольно зло процедила она.

Выражение «по молодости лет» из уст особы, которая была ненамного старше меня нынешней и уж точно младше меня прошлой, показалось забавным, но я подавила даже намёк на улыбку. Тем более что прозвучавшее дальше «мою страну» мне очень не понравилось. Словно Марсела уже насовсем сдвинула с места наследника Рауля и считала трон Теофрениии своим. Возможно, конечно, что она ничего такого не имела в виду, но мне почему-то показалось именно так. Очень уж собственнически прозвучала фраза.

Разговор пошёл уже на совсем щекотливую тему, поэтому я поставила полог от прослушивания, хотя никого поблизости не наблюдалось. Но мало ли: увлечёмся и не заметим, что нас начнут подслушивать.

— Ваше Высочество, вы совершенно напрасно переживаете по этому поводу.

— Неужели? — раздражённо фыркнула она. — Хотите сказать, что я не замечаю, какими взглядами обмениваетесь вы с моим братом?

— Я хочу сказать, Ваше Высочество, что не понимаю, почему вы пытаетесь внушить нам с вашим братом, что мы влюблены в друг

друга. Этак мы и поверить можем. Прослывёрте сводницей. Зачем вам это?

Она задохнулась от злости.

— Ах вы... Ах вы...

Слова не подбирались, пришлось прийти ей на помощь.

— Не волнуйтесь, я не задержусь надолго в Теофрении. Совсем скоро уеду. И вам больше не придётся беспокоиться по этому поводу, Ваше Высочество.

— Лучше бы вы уехали прямо сейчас, — выпалила она. — Это разрешило бы множество проблем.

— Увы, на данном этапе, Ваше Высочество, это неразумно. Признайте, вам нужна моя помощь. Как с уничтожением демонических червей, так и с закрытием портала.

Она прищурилась.

— Зачем вам это, Катарина? Вы при этом теряете очень многое. Сиятельность дана Двуетиным не просто так.

Признаться, я растерялась.

— Ваше Высочество, а не ваши ли предки боролись с Сиятельными, небезосновательно видя в них источник зла?

— Они ошибались. — Она высокомерно вскинула голову. — Правители должны отличаться от обычных людей, на то они и правители. Именно поэтому предкам нынешних королей и верхушки аристократии была дана Сиятельность. Увы, мои предки этого не поняли, пошли против воли Двуетинового, в результате случилась трагедия, за которую мы все теперь расплачиваемся.

Взгляд у неё был столь же фанатичный, как у Ракель, когда та твердила, что Сиятельность — зло, и это наводило на определённые подозрения.

— Но вы же не Сиятельная... Почему вы стоите на их стороне?

— На вашей, донья, на вашей, — усмехнулась она. — Вы не можете понять этого, а я не могу понять, почему вы стоите на стороне таких, как сеньорита Наранхо. Она глупая восторженная девочка, не замечающая очевидных вещей. Но вы-то не дура, вы должны отговорить моего брата от этой идиотской опасной идеи по закрытию прохода. Вы только представьте, что будет, если правители соседних стран об этом узнают. Да Теофрению раздавят!

Она почти кричала, от былой невозмутимости, которой она славилась, не осталось и следа. Поведение её чем-то напомнило поведение Эсперансы, принцесса словно была под флёром, но со времени её общения с Теодоро прошло слишком много времени, чтобы его флёр на ней не развеялся.

— Ваше Высочество, чем меньше мы будем говорить на эту тему, тем меньше вероятности, что кто-то чего-нибудь узнает.

— Единственная вероятность того, что никто ничего не узнает, это только если мы ничего не будем делать, — не унималась она. — Да нам просто никто не даст добраться до портала, как вы не понимаете? Вы должны убедить Рауля, что он неправ, вернуться в Мурицию и выйти замуж за Теодоро. Это ваша обязанность. И как подданной Муриции, и как Сиятельной.

Теперь я испугалась по-настоящему. Спорить и что-то доказывать было бессмысленно, поэтому я постаралась успокоить Марселу:

— Ваше Высочество, вы совершенно правы. Я непременно поговорю с вашим братом.

— Можете даже не говорить, а уезжать сразу. Я ему всё объясню.
— Она успокоилась, и на её губах опять запорхала милостивая улыбка.
— Так будет даже лучше.

— Это будет невежливо, — не согласилась я.

— Он поймёт вашу невежливость. В конце концов, вы можете ему написать, я берусь передать письмо. Но умоляю, уезжайте немедленно, не подвергайте больше опасности нашу многострадальную страну.

— Ваш брат слишком много для меня сделал, чтобы я так нехорошо с ним обошлась, — возразила я. — Прощальный разговор — это самая малость из того, что я ему должна.

Она поджала губы и неохотно кивнула.

— Хорошо. Но потом вы непременно уедете.

— Сегодня же, — подтвердила я. — Или завтра рано утром. Ехать в ночь — не самая хорошая идея.

Я чувствовала, что пружина сжата до упора, ещё чуть-чуть — и она выстрелит событиями так, что мало никому не покажется. Под ударом сейчас не только я, но и Рауль. Да и сама Марсела — всего лишь оружие, которое походя сломают, как только в ней исчезнет необходимость.

Вышли мы из комнаты вместе, и, хотя принцесса рвалась к Раулю вместе со мной, я её убедила, что будет куда лучше, если мы с ним попрощаемся без свидетелей и если я скажу, что моё желание никем не инициировано. Она нехотя согласилась и оставила меня перед дверью брата, в которую я осторожно постучала.

— Войдите! — донеслось до меня почти тут же.

Я вошла, прикрыла за собой дверь, поставила полог от прослушивания и спросила:

— Рауль, вы говорили сестре о том, что Теодоро хочет на мне жениться?

— Разумеется, нет, — удивился он. — Катарина, как вы могли об этом подумать? Это же ваш секрет.

— А она знает...

— Откуда? Об этом нигде не говорилось, даже слухи не ходят. Я курирую внешнюю разведку, поэтому знаю точно.

— Подозреваю, что Теодоро к ней приходит во сны точно так же, как и ко мне.

— Что вы, Катарина, — удивился Рауль. — Марсела бы мне об этом непременно рассказала. У нас никогда не было секретов друг от друга. — Он помолчал и добавил: — Во всяком случае связанных с безопасностью страны.

Поскольку с передачей трона была некоторая неопределённость. Рауль этого не сказал, но это подразумевалось, звучало рефреном между строк почти после каждой реплики принцессы. И я не была уверена, что причиной тому было только воздействие флёра, личная заинтересованность тоже присутствовала.

— Значит, теперь появились. Марселе о планах Теодоро относительно меня могли рассказать либо вы, либо сам Теодоро. Поскольку вы не рассказывали, остаётся он. Более того, Рауль, мне кажется, ваша сестра под воздействием флёра.

— Донья, — пропищал Бернар, которого я не заметила и который как раз залез на плечо Рауля, чтобы оказаться на одном уровне со мной, — через сон воздействовать флёром нельзя. Это я вам точно скажу. Если Теодоро и воздействовал на Её Высочество в Муриции, то к этому времени воздействие бы рассеялось.

— Возможно, его подновили. Либо дон Дарок, либо донья Хаго. Или же я не настолько хорошо знакома с Её Высочеством, чтобы

отличить личностные особенности от оглушения флёром. И да, она против закрытия портала.

О том, что она ещё против моих отношений с её братом, я говорить не стала. Во-первых, этих отношений нет, а во-вторых, уж это она наверняка высказала Раулю в лицо и не один раз, если рискнула прийти с претензиями ко мне

— Она говорила, — кивнул Рауль. — Но мне казалось, что она беспокоится о судьбе Теофрении в случае неудачи. Она вообще очень взвинченная в последнее время.

Он о чём-то лихорадочно размышлял и, похоже, никак не мог прийти к определённому решению. Сестру он знал точно дольше меня, но мог списать её нервозность на расторжение помолвки с Теодоро.

— В случае неудачи обречена вся планета, а не только Теофрения, — напомнила я. — Потому что надо признать: Сиятельные вымирают, а черви размножаются. Рауль, если ваша сестра общается с Теодоро, она могла ему всё рассказать.

— Нет, донья, — опять вмешался Бернар, — не так. Она всё-таки принцесса, а речь идёт о безопасности страны. Она могла ему рассказать, только если была под его флёром, под чужим не рассказала бы. А под его флёром она не могла быть. Под флёром ли она в принципе, я могу проверить, если Рауль разрешит.

— Разумеется, — сразу ответил тот. — Я не просто разрешу, я очень прошу сделать это как можно скорее.

Бернар вильнул хвостом и испарился. Ничего в нём больше не напоминало медлительного горгула, каким он был не так давно. Другое тело — другие привычки. Не то что у меня: тело другое — привычки те же самые.

— Мне кажется, Катарина, что вы уверены в ответе Бернара.

— Сомнения у меня есть, — признала я. — Может это обычная...

— Я чуть не сказала «сестринская ревность», но вовремя остановилась. — Обычное стремление быть первой, а не в тени, свойственное венценосным особам. Как-никак, именно её ваш отец планировал в королевы Теофрении.

А может, и планирует сейчас. Кто знает, о чём Марсела говорит во снах с Теодоро...

— Так. — Рауль потёр лоб, словно это помогало собраться с мыслями. — Будем исходить из самого плохого варианта. А именно:

что Теодоро всё знает. Даже если Марсела не под его флёром и вообще не под флёром, то, что она умалчивает о разговорах с ним — плохой признак.

Я кивнула. Да уж, если брат был готов пожертвовать собой ради страны, то сестра, похоже, тоже готова была пожертвовать, но только братом и ради власти. Или ради любви? С которой ничего не сложится, если у неё не будет права на трон. Кажется, мы выбрали не того союзника...

— А это значит, что если мы будем действовать по плану, нам ничего не дадут сделать, — продолжил Рауль.

— Значит, план надо менять, — заключила я. — Сегодня ночью я покину город и уеду. — Я положила руку на губы Рауля, который хотел возразить, и продолжила: — Вы утром это обнаружите и отправитесь меня догонять. Остальные застрянут в этом городе, пока мы не вернёмся. Ну, или вы один.

Рауль сдвинул мою руку со своих губ на щёку и сказал:

— А на самом деле мы поедem закрывать дыру?

— Именно.

Моя рука лежала на щеке Рауля, прижатая его рукой, и я не торопилась её убирать. Да что там не торопилась — не хотела. Уж такую малость мы можем себе позволить, как бы ни злилась Марсела.

— Но вдвоём?..

— Хотите взять Альвареса? — усмехнулась я. — Тогда Марсела догадается. Его придётся оставить. Будем только вы и я. Двух магов для закрытия достаточно, особенно если они сильные маги. А мы с вами сильные, Рауль.

— Но ваша репутация?..

— Катарине Кинтеро всё равно предстоит исчезнуть, так какая разница, с кем и куда она ездила?

— Вы ещё не оправились после истощения.

— Практически оправилась. За пару дней, что мы будем добираться, оправлюсь полностью. Вы же сами понимаете, Рауль, у нас нет времени.

Руку я всё-таки забрала, но только потому, что за спиной послышался голос Бернара:

— А ведь вы правы, донья, Её Высочество под флёром. Мне это даже в голову не пришло, поэтому не проверил раньше. Наверное,

слишком мало времени прошло с выхода из анабиоза, мозги пока не работают, как надо.

— А под чьим, вы определить можете?

Он молнией взлетел на плечо Рауля и ответил:

— Я мог бы только определить, флёр ли это того Сиятельного, что рядом. Но рядом, кроме вас, нет ни одного Сиятельного и даже следа их. Вот если бы именно вы придавили флёром Её Высочество, я бы сразу сказал, но увы...

Он подал мне идею.

— А если я придавлю флёром, не сможем ли мы выяснить, с кем она делилась своими знаниями? Я, правда, никогда этого не делала...

— Не сможем. Во-первых, под зельем у вас это не получится, а во-вторых, флёр слишком свежий, чтобы на него лёг другой, — отрезал Бернар. — Но следы ещё одного есть, и это был флёр другого Сиятельного, потому что они не слились.

Его хвост свешивался с плеча Рауля, как парадный аксельбант, и вообще они вдвоём выглядели так, что будь у меня возможность — непременно бы зафиксировала это мгновение для вечности. Но и без того оно навсегда останется в моей памяти.

Глава 25

Марселе я сообщила, что мы с Раулем всё обговорили и что я выеду завтра рано утром. Но, по понятным причинам, это её не устроило: мало ли что может случиться до утра. Это я сейчас говорю, что совершенно с ней согласна, а за ночь передумаю и останусь. В принципе, такой вариант с Раулем мы рассматривали, поэтому сейчас у меня на плече сидел Бернар, невидимый для окружающих. Как оказалось, фамильяра видят отнюдь не все, а только те, кому он мог и хотел показаться. Марсела не видела.

— Катарина, вы должны уехать немедленно, — высокомерно вскинув голову, цедила она. — Немедленно. Отсрочка опасна. Рауль непременно к утру придумает что-нибудь, чтобы вас задержать.

— Но сейчас отсюда ни на чём не уедешь.

— Берите одного из наших скакунов. Я разрешаю. Давайте схожу с вами на конюшню на случай, если вам не поверят, — с готовностью предложила она.

— Тогда мне нужно письменное разрешение от вас. Не хочу, чтобы меня задержали за кражу.

Она на мгновение зло сузила глаза, но тут же приняла обычный безмятежный вид. Не знаю и знать не хочу, в действительности ли она собиралась обвинить меня в воровстве или это был всего лишь плод моей фантазии, но обезопаситься я собиралась в любом случае. Поведение человека под флёром непредсказуемо и может сильно отличаться от того, которое свойственно в нормальном состоянии. Это же касалось и моральных принципов.

— Собирайте вещи, пока я буду писать, — предложила Марсела. — Не берите много. Всё равно они вам не пригодятся. Оставьте подруге.

Ракель всё ещё не вернулась, поэтому я набросала ей записку и принялась собираться, рассчитывая на совсем небольшую поклажу. В результате я взяла с собой всего ничего: смену белья, пару туфель, одно платье и тёплый плащ, не считая того, без чего вообще никогда никуда не выходила — денег и флаконов с зельем. Костюм для занятий физкультурой я надела на себя сразу — не в платье же садиться на

лошадь. В списке моих навыков управления таким транспортным средством не было, но я очень надеялась на память тела, которое само сделает всё за меня, иначе я буду выглядеть весьма забавно.

Марсела отконвоировала меня на конюшню, проследила, чтобы мне выдали коня, разрешение на которого даже не пришлось доставать из дорожного мешка, убедилась, что я выехала на улицу, и спокойно вернулась в гостиницу, потому что, когда я обернулась, она уже бралась за ручку входной двери.

Верхом я чувствовала себя неуверенно, но падать не собиралась, что было уже хорошо. Первый приз на скачках мы бы с конем не взяли, конечно, но для меня успехом было уже то, что я держалась в седле, а скакун подо мной слушался поводыев, не пугался шумных звуков и вообще вёл себя на редкость прилично, хотя подсунь мне Марсела что-нибудь проблемное, в надежде на то, что я сломаю шею, я бы не удивилась.

— Нужно пару одеял купить, — заявил Бернар, просидевший до этого времени совершенно тихо. — Даже не пару, а штуки четыре: для вас и принца. И продуктами запастись на обоих. Дальше поедете там, где лучше не показываться, так что нужно закупить всё здесь.

Часть лавок уже закрылась, но некоторые ещё работали, поэтому выполнить поручение Бернара удалось без труда. На коня навьючился солидный тюк с одеялами и чуть менее солидный мешок с провизией и посудой, и вскоре я выезжала из города, рассчитывая провести ночь рядом с тем местом, где обезвреживали бомбу. Если кто-то за мной наблюдает по поручению принцессы (а я была уверена, что это так), то ей доложат, что я действительно уехала.

Дорога была малолюдной, поэтому мой манёвр по сворачиванию к лесу не заметили бы и без отвода глаз. Но я им пренебрегать не стала: если я никого не вижу, это не значит, что и меня не видит никто.

Кучу серой пыли, оставшейся после подрыва, ветер не успел разнести. Но пыль была такой неопределённой, что можно было только понять, что случилось здесь что-то нехорошее, но что именно — уже нет. Место было не особо вдохновляющим для стоянки, поэтому останавливаться рядом я не стала, сдвинулась чуть дальше, где и решила устроить временный лагерь в ожидании Рауля.

Я спустила тюки на землю и в задумчивости устала на коня. Теоретически я знала, что их распрягают, чтобы они тоже отдохнули,

но практически делать я этого не умела. К тому же существовала опасность, что, если вдруг мне удастся распрячь, то я не смогу всё это утром разместить в правильном порядке.

— Бернар, не знаете ли вы, как нужно обихаживать лошадей? — повернулась я к фамильяру. — Понимаю, что вопрос звучит странно, но я никогда таким не занималась.

— Донья, это же не лошадь. Это фурус.

Я посмотрела на замершего коня. Он, что характерно, на меня не смотрел и вообще выглядел на редкость индифферентно. Но при этом выглядел всё же конём, а не чем-то другим.

— А чем фурус отличается от лошади?

— Это чисто магическая конструкция, копирующая вид лошади либо с седлом, либо с упряжью, в зависимости от того, как она будет использоваться. Устройство её таково, что она тянет магию из окружающей среды, тем самым постоянно подзаряжаясь.

— То есть конструкция фактически вечная?

Я провела рукой по спине своего скакуна и обнаружила, что седло действительно составляет с ней единое целое. Но поверхность под кожей была тёплой и бархатистой, я бы даже сказала словно живой. Но именно что «словно». Стала понятна и выносливость этих созданий, и высокая скорость.

— Не совсем. Механический износ есть. Вам, кстати, выдали не самую новую, уже близко к списыванию. Но на вашу дорогу должно хватить.

— То есть с ним ничего делать не надо? — уточнила я.

— С ним — ничего, но вам нужно как-нибудь расположиться на ночь. Уже темнеет.

Единственное, что я могла сделать, — устроить себе постель из одеял. Костёр, который придал бы уверенности, я разводила опасалась, но травяной сбор заварила, нагрел воду магией, и предложила Бернару и его, и кусок пирога, купленного уже при выезде из города. От чая фамильяр оказался, но за пирог принялся с явным удовольствием, отгрызая от громадного ломтя понемножку со всех сторон, словно стремясь доказать, что нет ничего невозможного, если есть упорство в достижении целей.

Наблюдать за ним долго не пришлось, потому что меня отвлекли самым вульгарным образом.

— Это ты где? — спросила внезапно проявившаяся Катя.

Выглядела она сущим привидением — белая полупрозрачная субстанция, возникшая в ночи и зависшая передо мной. На Бернара она внимания не обратила, скорее всего, даже его не видела. Впрочем, он её тоже не заметил, но не потому, что уделил всё внимание пирогу. Нет, фамилляр как раз замер, что-то чувствуя и настороженно оглядываясь. Заметил, что я смотрю в определённую точку, поводит носом в ту сторону, сделал какие-то свои выводы и замер.

— Пикник на природе, — мысленно ответила я. — Нужно пользоваться моментом, пока тепло.

— Какой ещё пикник? — заистерила она. — Я доверила тебе самое дорогое: своё тело. А ты его бездарно портишь.

— Пардон, дорогая, но это уже моё тело. Я же не спрашиваю, что ты делаешь с моим.

— Твоё тело получает всё самое лучшее, уж поверь. — Она протянула ко мне руки, чтобы я полюбовалась на маникюр. Наверное, он был хорош, только руки просвечивали так же, как и всё остальное, не давая насладиться в полной мере красотой зрелища. — Массаж, косметолог, маникюр, педикюр. Ещё хожу на занятия по йоге, очень познавательно, я для себя много полезного нашла.

— Рада за тебя, — заметила я.

— А я хотела бы радоваться за тебя, — заметила она. — Но не получается. Вместо того чтобы жить в приличном месте и получать все привилегии, положенные Сиятельным, ты торчишь где-то в лесу. Ты нормальная?

— Это моя жизнь. Имею право проводить её так, как хочу.

— Не имеешь! — зло бросила она. — У нас с тобой был договор.

— Помню. На мою смерть, — ответила я. — Ну так считай, что я умерла, и не переживай больше.

Она зло поджала губы и огляделась. Но определить, где я сейчас, не представлялось возможным: город отсюда не виден, а лес, рядом с которым я устроилась, был тёмным и не имел никаких отличительных особенностей.

— И всё же, где ты сейчас? — требовательно спросила она. — Можешь сказать точно?

— Зачем? — насторожилась я. — Собираешься в гости? Так тебе для этого даже адрес не нужен.

Закралось подозрение, не она ли сообщила графине Хаго, где я. Теперь я не исключала вероятности того, что они как-то общаются и обмениваются информацией. Слишком много вранья вокруг меня наблюдалось, чтобы я безоговорочно верила даже своей бывшей физиономии.

— Затем, что я хочу быть уверенной, что с тобой ничего не случится, — почти вежливо ответила она. — Потому что есть вероятность, что при твоей неправильной смерти, наша обоюдная клятва ударит по мне.

— А мы ведь можем так же обоюдно эту клятву разорвать, — с милой улыбкой предложила я. — Тогда освободимся и друг от друга, и от ограничений. И при моей смерти по тебе ничего не ударит.

— Нет, — резко ответила она. — Этого не будет. Клятва дана — и будет исполнена.

При попытке вспомнить точный текст клятвы я поняла, что в голове от неё не осталось ровным счётом ничего. И это было странным, поскольку в моей памяти должно было сохраниться не только то, что она была дана, но и хотя бы обрывки самой клятвы. На полный текст, разумеется, я не рассчитывала, но и на полную пустоту — тоже.

— Клятва уже исполнена, — заметил я, с интересом наблюдая, как искажается такое знакомое и такое чужое лицо. — От неё больше ничего не зависит.

— Двухединый, за что мне это? — выдохнула Катя. — Как же тяжело общаться с идиотами, которые не разбираются вообще ни в чём, но уверены, что знают всё куда лучше тех, чья жизнь с раннего детства была посвящена магии.

— Так объясни.

— Ничего более того, что требуется, чтобы не нарушить клятву, ты от меня не получишь. Тебе и без того сказочно повезло, но ты никак не хочешь принять свою судьбу и позоришь меня и всех Эрилейских. Вернись в Мурицию. Это моё требование, и ты не имеешь права мне отказать.

Изгоняющее движение получилось на редкость хорошо: Катю понесло от меня, как бабочку ветром, и вскоре ничего больше не напоминало о её визите. А то бы с неё стало до сих пор со мной спорить, имею или не имею права ей отказывать. И топтать

бестелесными ножками. Моими ножками, между прочим, не привыкшими к истерикам со стороны владелицы.

— Донья, оно ушло? — спросил всё ещё насторожённый Бернар.

— Ушло, — согласилась я.

— Что это было?

— Не могу ответить.

— Это что-то очень нехорошее, — уверенно сказал он. — Вам бы держаться от него подальше, целее будете. И в разговоры вступать не надо. Вы же с ним говорили?

— Говорила, — подтвердила я. — С ней.

— Какая разница? — фыркнул он совсем по-звериному. — С ним, с ней... Главное, не сообщать ничего важного. Видеть я ничего не видел, но чувствовал что-то тёмное.

— Это не зависит от меня. Иногда меня притягивает к ней иногда — её ко мне, — пояснила я. — Скорее всего, дело в том, что между нами есть связь, и довольно сильная.

— И всё же держитесь от неё подальше, — сказал Бернал и опять принялся за пирог.

Я же налила себе ещё чая и задумалась. Предположим, Катя действительно докладывает донье Хаго о моих передвижениях, но это значит, что между ними тоже должна быть связь. Казалось маловероятным, что тётя и племянница обменялись для этого клятвами или прошли через общий ритуал, но отбрасывать эту гипотезу не стоило. Неудобство моего положения было в том, что я ни с кем не могла посоветоваться: клятва запечатывала рот не хуже кляпа, не давая сказать ничего, что могло бы навести собеседника на истинное положение дел. Я даже у Рауля не могла спросить ничего уточняющего, хотя он уже был фактически в курсе моей замены.

Так и не придя ни к каким выводам, я закуталась в одеяло и легла спать. Не сказать, чтобы спокойно — обстановка тому не способствовала, хотя Бернар уверял, что он будет охранять всю ночь и поднимет при малейших признаках опасности.

Но опасность пришла совсем не с той стороны, с которой мы ожидали. Пришла она из сна, куда опять ввалился Теодоро. На обстановку моя нынешняя ночёвка не повлияла никак: мне снилась та же комната, с тем же окном, и с тем же видом на оранжереи. И даже

кавалер перелезал через подоконник тот же. Хотя я предпочла бы другого и не во сне. Но кто бы меня спросил?

— Ваше Сиятельное Величество, — окликнула я его, — вы же король. Негоже вам лазить через окно, как какому-то паршивому дворовому коту.

— Эстефания, душа моя, ради тебя я готов пренебречь условностями, — широко улыбнулся он. — Да и не только на это я готов ради тебя.

— Помню, помню, вы у графини Хаго выторговали мне аж два года жизни.

Ему явно не понравился глагол «торговать», употреблённый по отношению к нему. Теодоро поморщился, состроил вид оскорблённой добродетели, который ему не особо шёл, и сказал:

— Мне с таким трудом удалось убедить донью Хаго пойти мне навстречу, а ты говоришь об этом, словно я нанёс тебе жестокое оскорбление.

— Договором с моим врагом? — удивлённо приподняла я брови. — Разумеется, Ваше Величество, нанесли, даже сомнения нет.

— Не зря Уго считает тебя неблагодарной, — проворчал Теодоро.

Отвлекая меня болтовнёй, сам он не отвлекался и придвигался всё ближе. Движения давались ему всё легче, а сила, позволяющая мне его выставить, накапливалась всё медленней. Вставал вопрос: доберётся ли он до меня сегодня, или в следующий раз. В том, что доберётся, я больше не сомневалась. На всякий случай я попыталась отклониться назад и сразу почувствовала под спиной жёсткость стены.

— А за что мне благодарить Бласкеса? — удивилась я делая вид, что полностью поглощена беседой с Сиятельнейшим из Сиятельных кавалером. — На мой взгляд, он как раз сделал всё, чтобы меня подвести под монастырь.

— Не говори ерунды, Эстефания, под монастырь он подвёл донью Хаго, и то только для того, чтобы облегчить тебе жизнь. Правда, он надеялся, что ты окажешься умнее и воспользуешься моментом, но ты сделала неправильный выбор.

— Каким моментом и какой выбор? — заинтересовалась я, с трудом припоминая намёки королевского мага, которыми он щедро разбрасывался в тюрьме. Столь же щедро, как и оскорблениями. Последние запомнились куда лучше первых.

Похоже, Бласкес хотел чего-то от прежней Эстефании, но она либо оказалась недогадливой, либо предпочла удрать, обменявшись со мной телами и оставив свои проблемы мне.

— Эстефания, душа моя, я понимаю твою обиду, — проникновенно сказал Теодоро, явно не собираясь мне отвечать, — но над некоторыми вещами невластен даже я. Поэтому моё беспокойство о твоей судьбе растёт с каждым днём. Единственная возможность вывести тебя из-под удара графини Хаго — это моя защита, от которой ты упорно отказываешься. Дай мне руку — и все твои несчастья закончатся.

— И начнётся счастливая дорога к смерти, насколько я понимаю...

Боюсь, моя улыбка вышла несколько кривоватой, но всё равно необычайно вдохновила Теодоро.

— Главное же, счастливая, — уверенно сказал он. — А сколько кому отмерено, знает только Двуетдиный. Возможно, он меня призовет куда раньше тебя, душа моя.

— Какие у вас пессимистичные мысли, Ваше Сиятельное Величество. Я, например, надеюсь, что Двуетдиный будет на моей стороне и отведёт мне куда больше времени, чем вы с доньей Хаго, поэтому — уходите!

Теодоро, который уже протягивал руку, чтобы меня цапнуть и потянуть к себе, потерял равновесие, опрокинулся на спину, и его потащило по полу, пару раз сильно приложив головой. Перед окном его перевернуло, и вылетел он сапогами вперёд, успев бросить на меня возмущённый взгляд, но не успев сказать ни слова.

Вылетел из моего сна не только он, но и я. Я подскочила на одеяле, чувствуя, как колотится сердце, и не веря, что удалось избежать ловушки в этот раз.

— Донья, что-то случилось? — обеспокоенно пропищал Бернар.

— Ничего. Пока ничего, — выдохнула я.

— Тогда вам стоит ещё поспать. Ночь ещё не скоро закончится. Сидеть и тарашиться в темноту — последнее дело.

Я посмотрела на него, на одеяло, которое было свидетелем столь страшного для меня сна, потом опять на него.

— Бернар, а можно я вас обниму? — жалобно попросила я. — Иначе мне не уснуть.

Он смутился, но нырнул ко мне в одеяло, проворчав:

— Мне всё равно, где дежурить, донья.

Я прижала его к себе и почувствовала, как начинаю успокаиваться. Почему-то появилась уверенность, что сегодня до меня Теодоро больше не достанет. А завтра... Мало ли что случится завтра? Возможно, мурицийскому королю будет совсем не до меня. Во всяком случае, я очень на это надеюсь.

Глава 26

Утро выдалось прохладным, и у меня долго не появлялось желание не то что вылезти из-под тёплого одеяла, но даже нос из-под него высунуть. Одеяла были тёплыми, лёгкими и непромокаемыми. Продавец утверждал, что при изготовлении использовалась магия. Возможно, это было и так — моих знаний не хватало, чтобы подтвердить или опровергнуть это высказывание. Но мне было достаточно того, что они с блеском справлялись со своей задачей: утренняя роса так и осталась снаружи на одеяле, внутри было совершенно сухо. Подозреваю, что, если бы пошёл дождь, ко мне не просочилось бы ни капли.

Бернар так и лежал, прижавшись ко мне и прижмурив глаза. Я было решила, что он спит, но стоило мне шелохнуться, как он сразу встрепенулся и пропищал:

— Донья, не волнуйтесь, сеньор Рауль ещё далеко и даже не начинал к нам двигаться. У меня всё под контролем.

— Я даже не сомневаюсь, Бернар, — ответила я и погладила его по мягкой, шелковистой шёрстке. — Я вам очень признательна.

Конечно, он существо магическое, но всё равно живое. А живому существу приятны и похвала, и ласка. Глаза он прикрыл и распластался под моей рукой, лишь изредка приподнимая голову, чтобы его почесали между аккуратными круглыми ушками. Это было нужно и мне: ночные страхи окончательно отступили и перестали казаться страхами. Мне ли пугаться привидений и шастающих по чужим снам королей? Я гладила Бернара и всё больше уверялась, что я с такой ерундой непременно справлюсь. В конце концов, даже если Теодоро удасться меня вытащить, так я один раз от него уже сбежала, сбегу и второй.

В блаженном ничегонеделании мы с фамильяром провели ещё порядка часа, после сего я всё-таки встала, чтобы быть готовой к отъезду сразу, как подъедет Рауль.

Воду для умывания я выжала из воздуха. Зачем тратить драгоценную влагу из фляги, если при мне есть магия? Пить сконденсированную воду невкусно, но умыться ею — почему бы нет?

Перекусили мы остатками пирога, поскольку дружно решили, что нельзя дать ему испортиться. Пока он подозрительно не выглядел, но чем раньше мы его съедим, тем меньше вероятности, что с ним что-то случится.

Я свернула все одеяла в большой тюк, но на коня, точнее фуруса, водружать не стала, уселась на мягкую скрутку и заварила себе чай прямо в кружке. Бернар от чая отказался, грустно обнюхал оставшуюся от пирога бумагу и упрыгал в кусты, наверняка рассчитывая найти там себе десерт. И что-то мне подсказывало: десерт будет мясной.

Вернулся он, когда я уже допивала вторую кружку и отчаянно скучала. Из зрелищ была только дорога, по которой катили в город и из него разнообразные повозки. Фурусов было не так уж и много, основная масса лошадей двигалась относительно неторопливо, позволяя разглядеть во всех деталях и их, и повозки, и возчиков. Зрелище было не особо интересное: детали почти не отличались.

— Сеньор Рауль приближается к нам, — важно сообщил встрепенувшийся Бернар.

— Выдвигаемся к нему?

Я подскочила на ноги и ухватилась за тюк.

— Нет, мы договаривались: он сам до нас доберётся, по связи со мной.

Бернар запрыгнул на край тюка, намекая: сидеть надо с возможными удобствами. Я уселась рядом. Теперь на дороге скучно смотреть не было: где-то там, пока далеко, едет Рауль и совсем скоро я его увижу.

Всадников на дороге было не так много, поэтому я появление принца не пропустила. Ехал он быстро, но к нам не свернул, проследовал дальше, только камушки из-под копыт полетели.

— Бернар, вы же говорили, что он прямо к нам по связи... — растерялась я. — А он проехал, словно мимо пустого места.

— Так и есть, я прямо к вам по связи с Бернаром, — рассмеялся Рауль. — Катарина, разве я могу проехать мимо вас.

Я повернула голову: Рауль удалялся. Но ещё один, точно такой же, стоял рядом и улыбался.

— Фантом.

— Он самый. До следующего города доберётся, его тоже проедет, а дальше ёмкости заклинание может не хватить.

— А не подозрительно будет, если развеется?

— Будет похоже на применение отвода глаз. Наблюдатели так и посчитают. А они будут. И за мной, и за Хосе Игнасио отправили. Он вас ищет по другой дороге.

— Наблюдатели от Марселы или?..

— Скорее или.

— Как всё прошло? Никто ничего не заподозрил?

— По дороге расскажу.

— Лучше бы сейчас, а то я умру от любопытства.

— Не будем задерживаться. — Он подмигнул. — Дорога будет долгой и неинтересной. Вот и скрасим приятной беседой.

Рауль спешил, но не для того, чтобы отдохнуть. Он выслушал отчёт от Бернара, затем загрузил поклажу на своего фуруса, привязывая её со всей тщательностью. Его фурус выглядел крупнее и ухоженней моего. Поскупилась Марсела на транспорт для герцогини. Значит, не так уж хотела от меня отделаться.

— До границы с Пфафом доберёмся к ночи. В ночи и перейдём, отдыхать будем там.

— Сеньор Рауль, а перерыв на обед и ужин? — намекнул Бернар, который сидел уже на плече хозяина и доносил ему свою мудрую мысль прямо в ухо.

— У нас не так много времени, чтобы делать перерывы. В Пфафф мы должны пройти в начале ночи, иначе не удастся обмануть их сторожевую сеть. Не успеем вовремя — придётся задержаться на сутки. Это очень много.

— Обед можно пропустить, — согласилась я.

— О вас забочусь, — проворчал Бернар. — Мне-то что. Мне еда не особо нужна.

Выехали мы сразу, отвод глаз не снимали, даже когда пересекали дорогу. По дорогам решено было не передвигаться, разве что по очень мало оживлённым просёлочным, если таковые будут вести в нужном направлении.

Похоже, фурусам особой разницы не было: утоптаный тракт ли под копытами или пересечённая местность, хотя мне думалось, что

сейчас они тратят куда больше энергии, чем если бы мы ехали по ровной дороге.

— Рауль, вы обещали рассказать, — напомнила я.

И Рауль принялся в лицах рассказывать всё, что случилось утром, после того как он «обнаружил» пропажу ученицы. Про скандал с Марселей, которая настаивала, что в поездке по городам я им не нужна и что у принца на первом месте должна быть страна, а не приبلудная герцогиня. Приبلудная — это я от себя добавила. Наверняка Марсела употребила куда более изящное, но не менее оскорбительное выражение, которое Рауль оставил при себе. Но то, что принцесса разозлилась, он скрывать не стал.

— Но это и к лучшему, — заключил Рауль. — У наблюдателя должно было сложиться нужное нам мнение. Или у Марселей, если она действительно общается с мурицийским королём и что-то ему рассказывает.

— А Альварес? — полюбопытствовала я.

— Он поехал вас искать по другой дороге, Катарина, — совершенно серьёзно ответил Рауль. — Но на его несчастье, повезло мне. Мы с ним договорились, искать вас сутки, максимум — двое, потом возвращаться.

— Кстати, может быть, что слив информации идёт через другой канал, — осторожно прощупывая клятву на нарушение, намекнула я. — Непосредственно донье Хаго. Но в этом случае ваша сестра не знала бы о планах Теодоро.

— Слив информации может вестись от разных людей и разными путями. Даже в моей свите может найтись персона, которая за небольшое вознаграждение будет строчить ежедневные отчёты, в том числе Теодоро.

— Он сегодня ночью тоже приходил, — сказала я, с радостью отмечая, что лишнее слово клятва посчитала незначительным. Или всё дело в том, что Рауль, в некотором роде, был уже частично в курсе?

— Тоже? — он повернулся ко мне и прищурился. — Я так понимаю, виделись вы не с доньей Хаго, а с её племянницей?

Вот тут клятва сжала мне горло, не позволяя не только ответить, но даже кивнуть, поэтому я перевела разговор на более безопасную тему:

— Теодоро почти до меня добрался.

— Пока у него ваша кровь, мы бессильны. Разве что вы можете попробовать спать днём, тогда ему будет сложнее.

— Ненамного, — пропищал Бернар. — Если проводить ритуал раз в час рано или поздно он попадёт на момент, когда донья будет спать.

— А кровь при попытках будет тратиться? — заинтересовалась я.

— Увы, нет, только при соединении.

— Тогда не вижу смысла менять режим дня.

Похоже, Теодоро не мог проводить ритуал еженощно, потому что в противном случае он бы навещал меня куда чаще, а это значит, что он не появится раньше, чем через несколько дней. А за это время может много чего случиться: разобьётся флакон с моей кровью, Теодоро хватит удар или я вообще паду смертью храбрых при закрытии портала. Последнего не хотелось бы, но исключить несчастный случай я не могла: не слишком мне везло в последнее время.

Пока я просто наслаждалась тёплым осенним днём, ярким, солнечным. Ехали мы довольно быстро, но неудобств я не испытывала — то ли тело вспомнило прошлые навыки, то ли фурус создавал максимально комфортные условия для седока. Думаю, в поездке можно было бы читать. Или заниматься магией. Или вязать толстые шерстяные чулки. Или тонкие ажурные салфетки. В любом из этих дел я бы непременно преуспела. Но недолго, потому что Рауль начал обсуждать закрытие портала. В основном с Бернаром, разумеется, но и мне было интересно послушать, поскольку Бернал владел, пусть и обрывочными, но сведениями о том злополучном проколе. Местоположение его было точно известно, а вот как выглядит — уже нет. Ещё мне казалось странным, что столь важное место осталось без присмотра.

— А его точно не охраняют? — спросила я.

— Точно мы узнаем, когда подъедем, — ответил Рауль. — Но охрана маловероятна. Объект находится внутри пятна «проклятого места», лишний раз туда никто соваться не будет. Я защиту поставлю, но она держится недолго: только зайти, закрыть и выйти.

— Кроме того, там развалины, — пискнул Бернар. — Совершеннейшие развалины. К portalу ещё как-то попасть надо. Это вам, донья, не в подвал спуститься.

— Надеюсь, камни таскать не придётся...

— Вы их и не поднимете. Древняя постройка, — с благоговением в голосе сказал Рауль. — Сейчас так не умеют.

— Строить или разваливать? — не удержалась я.

— Да что бы вы понимали донья, — надулся Бернар. — Там такие силы бушевали, а дворец всего лишь развалился на блоки, а не рассыпался в пыль. Да ещё и делал это столь медленно, что жертв почти не было.

— По месту посмотрим, — предложил Рауль. — Портальный артефакт у меня с собой.

Место с каждой минутой приближалось, и на границе мы оказались даже раньше запланированного времени. Темнеть только начинало, но вспышки на разделяющей линии уже были хорошо заметны. Они возникали хаотично, и проскочить между ними могло только что-то очень мелкое. Но мелкое тоже рисковать не хотело: рядом с границей даже птицы не летали.

Когда Рауль решил, что пора, он начал выплетать заклинание, конечным результатом которого оказался проём в защите. Проём начал сокращаться сразу же, поэтому мы в Теофрении задерживаться не стали, да и попав на территорию Пфаффа, пустились галопом. Ужасно не хотелось узнавать, что фурусы ломают ноги в точности как обычные лошади, но всё обошлось, и примерно через час мы остановились рядом с небольшим ручьём. Вода была кстати — за день фляга опустела, а теперь можно было напиться и поставить что-нибудь на ужин.

Мыться в ледяной воде ни сил, ни желания не было, поэтому я просто прошлась по себе освежающим заклинанием. Это оказалось нелишним, потому что Рауль запретил разжигать костёр, чтобы не демаскироваться, и кашу мы готовили, нагревая воду в котелке с помощью магии. Причём Рауль это преподносил как урок. Нет, на самом деле оказалось необычайно сложным занятием долго подавать магию ровным слабым потоком. И необычайно нудным. Меня примиряло с этим только то, что приготовление каши Рауль взял на себя и, пока я выдавливала из себя по каплям магию, он сыпал крупу и сушёное мясо, добавлял соль и приправы, мешал и пробовал, и всё это с таким серьёзным видом, словно готовил сложное алхимическое зелье. Но результат того стоил: казалось, что более вкусной каши я не ела никогда в жизни.

После еды и кружки с чаем, который каждый готовил себе сам, я извлекла из тюка два своих одеяла и устроилась на ночь. Бернар пришёл сам, смущённо пискнув, что ночи холодные, а он караулить может и из одеяла. Я возражать не стала, обняла тёплого горностайчика и уснула.

В этот раз меня никто навещать не стал, поэтому я выспалась, хотя всю ночь мне снилось продолжение дороги: я ехала неизвестно куда и никак не могла доехать. Проснувшись я от запаха готовящейся еды. Оказалось, Рауль не только уже встал, но и самостоятельно справился с приготовлением завтрака. Хотя очень может быть, что ему помогал Бернар, который к этому времени меня уже покинул и крутился вокруг хозяина. Или вокруг котла с кашей: обычную еду фамильяр тоже уважал, и она шла ему на пользу.

Выехали мы сразу после завтрака. Часа через два местность начала разительно меняться: вместо высоких ровных деревьев пошли скрюченные, покрытые лишайниками и со множеством сухих острых ветвей, которые так и норовили в меня воткнуться. Почва же, напротив, неприятно хлюпала при каждом шаге фурусов.

— Это уже проклятое место пошло? — Я придержала своего фуруса и обвела рукой это безобразие. — Не пора ли ставить защиту?

— Пока отголоски, — ответил Рауль. — Защиту чуть позже поставлю, иначе она может свалиться, когда мы будем ещё внутри. Пока не критично.

Защиту он поставил, когда вокруг не осталось ничего живого, зато впереди обнаружилась гора каменных блоков. Мы почти приехали на место: каких-то полчаса — и мы стояли у останков замка древнего императора, по приказу которого в этот мир проникла зараза. Блоки были огромными: даже если ворочать их магией, мы за год не справимся. Мы спешили, и я повернулась к Раулю, но он уже прикрыл глаза и всюю сканировал, поэтому оставалось только ждать.

— Есть полость, — наконец устало сказал он скорее Бернару, чем мне, — но очень глубоко, с трудом достал. Размер примерно с небольшую комнату.

— Оно, — уверенно подтвердил фамильяр, опять свесивший хвост с плеча Рауля на манер аксельбанта. — Портал нужно рассчитывать сразу с обратным, потому что как дырка схлопнется, обвалится и эта пустотка. Вес-то давит ого-го какой.

— Можно здесь маяк оставить, тогда обратный рассчитывать не надо, только туда. Фонит сильно.

— Поэтому не задерживаемся, работаем.

Командирские ноты Бернару не давались — слишком тонким был его голос. Но Рауль достал порталный артефакт и принялся настраивать, перепроверили они несколько раз, после чего Рауль спросил:

— Катарина, вы готовы?

— А что будет, если вы рассчитали неправильно и на той стороне окажется не пустота, а камень? — опасливо уточнила я.

— Портал не сработает, здесь защита стоит.

— Тогда готова.

Рауль кивнул и активировал артефакт, после чего перед нами появилась мутная плёнка портала. Лезть одной было страшно, поэтому я взяла Рауля за руку и шагнула внутрь вместе с ним.

— Просто прекрасно, Эстефания, я была уверена, что ты появишься именно тут, — раздался насмешливый голос графини Хаго, прямо перед которой мы вышли. — Удачная возможность решить разом свои проблемы и помочь милой теофренийской принцессе.

Глава 27

Графиня Хаго выглядела прекрасно. Создавалось впечатление, что сюда она перенеслась прямо с королевского приёма. Дорогое платье лежало аккуратными складками. Волосы были уложены в сложную причёску. Украшения подобраны так, чтобы и друг с другом сочетались, и толк, как от артефактов, от них был. Она была идеальна, даже несмотря на то, что обстановка этому не способствовала: залежи пыли над обломками камней здесь были вековые, да и кроме пыли мусора хватало. Один портал чего стоил: выглядел он как грязная яма в земле, вода из которого, затхлая и вонючая, даже процеженная и вскипячённая, на пользу бы никому не пошла. При этом портал вписывался в обстановку всеобщей локальной катастрофы идеально. Донья же выглядела так, словно умелый фотошопер вырезал её из одной картинки и вставил в другую. Она не подходила к этому месту, казалась совершенно лишней. Этакая хрупкая дама, место которой — в будуаре на изящной софе с чашечкой костяного фарфора в руке.

— Донья, вы меня удивляете, — сказал Рауль. — Никогда не думал, что для вас так важна помощь какой-то незначительной, пусть она даже и теофренийская принцесса.

Он явно к чему-то готовился, потому что задвинул меня за спину, а на его пальцах зажглось заклинание, готовое слететь в любое мгновение. Я оглянулась. Портал за нами схлопнулся, а нового рассчитать и уйти нам никто не даст. Бернар приник к ноге Рауля, почти с ней слившись. Наше тайное оружие. Мелкое, но полезное.

— Тех, кто мне служит, я всегда вознаграждаю, — усмехнулась она. — Даже если они теофренийские принцессы.

— Опутали Марселу флёротом, — высунулась я. Но ненадолго высунулась. Так чтобы видеть родственницу, но не попасть под её любящий удар. — Иначе она ни за что бы не стала вашим информатором.

Она рассмеялась.

— Ошибаешься, Фани, — с превосходством сказала она. — Марсела клятву верности дала Теодоро ещё в Муриции. Она

собиралась править вместе с ним объединённым королевством. Теофрения должна была влиться в Мурицию.

— Но этого не случилось.

— Это просто отложилось. На то время, что Теодоро был бы женат на тебе, чтобы не допустить откола герцогства. Так что флёр флёром, но она борется за своё: за власть и за мужчину.

Я обратила внимание на то, что она нас не боялась. Хотя казалось бы: она одна против двух магов. Даже если меня считать за половинку такового, всё равно получается, что она против Рауля, который вовсе не слаб. Его точного уровня я не знала, но знала ли Марсела? Мне показалось, что между братом и сестрой, к несчастью, были доверительные отношения. Теперь уже точно — «были».

— Предательство разрушает жизнь, — заметила я. — Не думаю, что Марсела будет счастлива с Теодоро.

— Зато предательство хорошо оплачивается, — нежно улыбнулась мне тётя. — Фани, если ты немедленно присоединишься ко мне, я обещаю тебя сейчас не убивать.

— Ага, отложите на два года.

— Два года лучше, чем ничего, — насмешливо сказала она. — Для твоего спутника нет разницы, на чьей стороне ты будешь. При любом раскладе он труп.

— Вы так уверены в себе, донья? — спросил Рауль.

— Мальчик, я настолько больше знаю и умею, чем ты, что исход предрешён, — эти слова выглядели не похвальбой, а всего лишь констатацией факта. — И если мы сейчас с тобой разговариваем, то лишь потому, что я не хочу повредить Эстефанию. Она мне нужна целой. В отличие от тебя. С тобой я церемониться не стану.

То, как она говорила обо мне, звучало зловеще. Словно я, как личность, не волновала её вовсе, только моя оболочка, которую планируется принести в жертву. Как там говорил Бернар? «При ритуале забирается жизнь одного разумного и способность Сиятельности у Сиятельного». Жизнь у Рауля и Сиятельность у меня? Ну так и чёрт с ней, с Сиятельностью. Всё равно она мне не нужна.

— А если я соглашусь пойти с вами, тётя, отпустите ли вы моего спутника?

— Катарина... — предупреждающе бросил Рауль, не оборачиваясь. — Она никого не отпустит.

— Разумеется, нет, — насмешливо протянула тётя. — Он узнал то, чего знать не должен. Поэтому он умрёт в любом случае. Но если ты будешь хорошей девочкой, я сделаю это быстро и безболезненно.

— Врёт, — пискнул Бернар.

Еле слышно пискнул, но этого хватило, чтобы донья Хаго его услышала и заметила, нехорошо прищурившись:

— Как нехорошо. Кто-то здесь забыл о своём предназначении.

Эх, наше тайное оружие невовремя стало явным.

— И этот кто-то — не я, — заметил Бернар.

— Ты умрёшь тоже, — пренебрежительно бросила донья. — Фани, о том, что ты будешь здесь, Теодоро я в известность не ставила, чтобы развязать руки в отношении тебя, поэтому не думай, что меня остановит данное ему слово. В последний раз спрашиваю, ты со мной?

— Нет.

— Твой выбор.

Она снисходительно кивнула и ударила резко, без предупреждения и подготовки. Рауль успел бросить защиту в последний момент, и по прогнувшейся полупрозрачной сфере расплылась грязная чёрная клякса.

— Парализующее, — пискнул Бернар.

От него шла еле заметная мерцающая ниточка к Раулю. Что это означало, я понятия не имела. Возможно, в критической ситуации фамильяр может подпитывать хозяина? А сейчас ситуация критичней некуда: нас всех собираются убивать — двоих сразу, а меня на сладкое, со всеми удобствами. Возможно даже не здесь.

Неудача донью Хаго ничуть не расстроила, она хищно улыbnулась и прищурилась, прикидывая, откуда лучше ломать нашу защиту. В том, что она её пробьёт, я почему-то не сомневалась. Донья была очень сильна и не обременена моральными терзаниями. Но только ли опыт давал её эту силу? У меня появилось подозрение, что фамильяр Эрилейских, с которым я так и не познакомилась, играет за её команду. Возможно, я не замечаю его точно так же, как моя тётя не замечала фамильяра Рауля, пока тот не заговорил?

Я создала руну, которая должна была проявить связь между мной и семейным фамильяром, и наплатила её силой. Того, что случилось после, я никак не ожидала. Из руны вышел толстенный зелёный столб и ударил точнёшенько в донью Хаго. Я застыла в удивлении, тётя же

зло прошипела что-то через зубы и принялась бомбардировать нас заклинаниями со скоростью, невыносимой для человека.

Это привело меня в чувство, и я ударила заклинанием, которое должно было разрушить нашу связь с фамильяром. По толстому зелёному шлангу в сторону моей родственницы словно потекла ядовитая жидкость. Тётя потеряла невозмутимость и сосредоточилась на отпоре, больше не делая попыток напасть. Рауль этим воспользовался и приложил её чем-то нехорошим, точнее попытался, потому что заклинание отразилось защитным артефактом, а потенциальная жертва смерила его таким взглядом, что сразу становилось понятным: церемониться донья с теофренейским принцем не будет, выберет ему самую длинную и мучительную смерть. Но и тот церемониться с ней не стал. Видно, придерживался правила: если дама вместо веера начинает лупить тебя заклинаниями, она автоматически перестаёт быть дамой и становится бесполом врагом. И правильно: если у Рауля не было желания погибнуть галантным дамским угодником, я могла его в этом только поддержать.

Донья Хаго отвлекалась на Рауля, и мне удалось усилить нажим, хотя я не могла отделаться от некоей внутренней неправильности: неужели фамильяр слился с тётей? Или... Она и есть фамильяр? Но разве это возможно? Размышления отвлекали, поэтому я сосредоточилась на том, чтобы продавить защиту и разорвать нашу связь, которая сейчас усиливала фамильяра и ослабляла меня. И защита продавливалась, потому что донья Хаго простонала и выдавила:

— Ты не можешь меня убить, потому что существует договор между мной и Эрилейскими.

— Я не имею к нему отношения, — отрезала я. — Если вы можете убить меня, то и я могу убить вас. Всё справедливо.

Нажим я усиливала и усиливала, Рауль бомбардировал мою родственницу заклинаниями, а она внезапно перестала отбиваться, сконцентрировавшись на защите, и начала торопливо перебирать артефакты, то ли собираясь сбежать, то ли бахнуть по нам чем-то убийным. Последнее казалось особенно опасным рядом с порталом, который теперь напоминал не стоялую затхлую воду, а волнующуюся затхлую воду, из которой вполне может вынырнуть что-нибудь типа местного крокодила, жрущего не только магию, но и её носителей.

Надежды на то, что оно сожрёт только тётю, стоящую между нами и порталом, не было никакой, поэтому я лишь усилила давление, надеясь разобраться с этим здесь и сейчас.

Нужный артефакт она нашла, что стало понятно по торжествующей физиономии, но я её продавила лишь на пару мгновений позже. Донья Хаго завизжала, её тело начало сотрясаться, словно в эпилептическом припадке, донья полностью потеряла над ним контроль и свалилась как куль на камни под ногами, глухо приложившись о них головой. Из тела её вылетела мутная полупрозрачная взвесь, которая тут же втянулась в портал.

Я замерла. Замер и Рауль.

— Это что было? — хрипло спросила я, обнаружив, что никто ничего объяснить не собирается. — Оно улетело в тот мир?

— Не оно, а останки, — ответил Бернар. — Сам фамильяр погиб, когда разорвалась связь. Слишком сильно он от вас зависел.

— То есть он объединился с доньей Хаго в результате ритуала?

Я подошла к тёте, она казалась живой, но была без сознания. Я встала на колени и попыталась привести родственницу в чувство единственным доступным мне способом — оплеухой. Голова доньи дёрнулась, но и только.

— То есть он сожрал донью Хаго в результате ритуала, — проворчал Бернар, что выглядело бы смешным при его писклявом голосе, не будь столь серьёзна тема. — Донья, я же рассказывал вам про ритуал. О том, что одна из жертв умирает, поскольку её душа сжирается фамильяром. Насовсем сжирается, без возможности перерождения. Сейчас это не человек, только бездушная оболочка.

— Он собирался переселиться в Катарину? — спросил Рауль.

— Разумеется, такие договоры заключаются на использование тела не больше какого-то количества лет.

— А если тело погибает раньше?

— Сеньор, — укоризненно сказал Бернар, — такой ритуал делает тело Сиятельного, занятое фамильяром, практически неубиваемым. По сути, оно сейчас не живёт, понимаете?

Я не понимала. Я смотрела на женщину перед собой, и мне казалось, что она просто спит, пусть и в такой совершенно неудобной позе. Мне не верилось, что ничего нельзя было сделать, чтобы пробудить её к жизни.

— Но ведь невозможно было бы скрыть, если в определённом семействе время от времени кто-то превращается вот в такое...

— Не превращается, Катарина. В это тело должна была вернуться душа настоящей доньи Хаго, а фамильяр сожрал подмену. Такую же, какой являетесь вы, — неожиданно сказал Рауль. — Наверняка есть ритуал возврата души. Я так думаю. И ещё я думаю, что раньше переходы совершались куда чаще, но в семьях Сиятельных рождается всё меньше детей.

— А я думаю, что всё это стоит обсуждать позже, — сказал Бернар. — Мы и без того тут задержались больше, чем планировали. Нам нужно отсюда убираться. И чем скорее, тем лучше.

Он был прав. Портал не наелся тем, что осталось от фамильяра Эрилейских, из него вытягивались длинные щупальца, шарившие пока лишь поблизости от портала, но продвигающиеся всё ближе к нам. Время поджимало.

— Катарина, вы как? — спросил Рауль.

— Надо — значит, надо, — ответила я, вставая и отодвигаясь от доньи Хаго. Помогать ей больше желания не было. Да и некому тут больше было помогать.

Прежде чем начинать, Рауль подготовил обратный портал и потребовал, чтобы мы все от него не отдалялись. Само закрытие межмировой дыры мы обговаривали столько раз, что в повторении порядка никто не нуждался. И Бернар, и я всего лишь усиливали заклинания Рауля, зато сам он выкладывался на все сто, запечатывая проход. Дело шло небыстро, поскольку нужна была не только точность и аккуратность, но и уверенность, что не останется ни малейшей дыры, через которую в этот мир по капле будет просачиваться гадость.

Портальные щупальца заметались, пытаясь нас ухватить, но потом начали втягиваться, словно портал был живым и понимал: всё, что останется снаружи, будет отсечено. Место разрыва заглаживалось и усиливалось. Пройдёт немного времени — и в усилении больше не будет необходимости, мир сам укрепит это место, но сейчас ему следовало помочь. Перед тем как закрыть окончательно, Рауль заключил нас в защитную сферу.

Портал в другой мир схлопнулся, и камни над нами зашевелились, норовя свалиться на голову. Рауль активировал артефакт, и мы дружно шагнули через плёнку перехода. Покидая подземелье, я не

оборачивалась, но слышала грохот, который издавали падающие камни.

Было ли правильно оставлять там донью Хаго? Не знаю. Наверное, я не столь гуманна, чтобы пытаться спасти её тело, рискуя жизнями остальных. В конце концов, вряд ли кто ещё из Сиятельных может похвастаться столь величественной гробницей.

Глава 28

Подземные толчки не прекращались. Над местом последнего упокоения фамильяра Эрилейских серая взвесь неравномерно мешалась с яркими блёстками, которые вспыхивали и переливались в солнечных лучах. Задерживаться и любоваться зрелищем мы не стали: вскочили на фурусов и дали дёру. Ибо мало ли кого привлечёт небольшое рукотворное землетрясение. Он, конечно, далековато от ближайших поселений, но лучше, чтобы нас никто тут не увидел. Уверена, правитель Пфаффа без понимания отнесётся к тому, что на его территории его же лишают Сиятельности.

Проклятое место мы пролетели как вихрь, дальше чуть сбавили ход, но ехали довольно быстро, нигде не задерживаясь. Остановились у границы, и то потому, что сейчас переходить её было бы неразумно: нельзя оставлять след. Если в дороге, бросая изредка взгляд на Рауля, я сомневалась в том, что вижу, и относила изменения в его внешности на погрешности собственного зрения после стресса, то, когда мы остановились, я была полностью уверена в том, что говорю:

— Рауль, а вы знаете, что засияли?

— Что? — удивился он.

Я невольно расхохоталась, настолько забавно вытянулась его физиономия. Хотя, наверное, смех был скорее истерической реакцией на всё, что с нами случилось.

— Вы стали тем, против кого мы боремся, представляете?

И ведь правильно мне казалось: добавь Раулю Сиятельности — и он за пояс заткнёт Теодоро. Хорош Теофренийский принц был невыразимо, и это даже без использования флёра. Страшно представить, что будет, когда он обучится этому нехитрому приёму. Мысль об этом подействовала на меня отрезвляюще, поскольку я поняла, что не хотела бы за этим наблюдать. Всему есть свой предел, даже моему терпению.

— С вас тоже зелье слетело, — заметил Рауль. — Видимо, мы слишком много хватанули у дырки. Но это пройдёт. Улетит, как и с остальных.

К своей Сиятельности он отнёсся на редкость равнодушно. Но не Бернар.

— Опасно это, — коротко бросил он.

— Чем? — удивилась я.

— Его не было несколько дней, за которые произошли непонятные события с порталом. Сеньор засиял, а Сиятельность вскоре пропадёт. Сразу догадаются, что вы к закрытию руку приложили.

— Не переживайте, Бернар, моя Сиятельность тоже пропадёт, — усмехнулся Рауль, — а до этого времени похожу под иллюзией себя несиятельного. Вряд ли в ближайшее время в Теофрении появится кто-то, способный заглянуть под мою личину. Можно ещё выпросить зелье у Катарины, но мне кажется, что сейчас оно не погасит ничего — слишком много мы получили у прокола.

Я с ним была согласна: если уж выжгло напрочь моё зелье, то нужно либо увеличивать дозу с непредсказуемыми последствиями, либо отказываться от него вовсе. Последнее надёжнее по всем статьям.

— Вопрос, как долго будет пропадать Сиятельность, — проворчал Бернар. — По моим расчётам, от месяца до года, причём в вашем случае — верхняя граница. Я сейчас не только про сеньора, но и про вас, донья.

— Я всё равно собираюсь возвращаться в Мурицию, а значит, необходимости скрывать Сиятельность не будет.

— Вы уверены, Катарина?

— Я обещала вашей сестре, Рауль. Разве вы забыли? — улыбнулась я. — А если серьёзно, Теодоро всё равно скоро меня выдернет, так пусть это произойдёт в моём родном герцогском замке, чтобы я могла возмущаться королевским произволом на полном основании.

— Сеньор, не отговаривайте донью. Это правильное решение, — сказал Бернар. — Чем дольше будете тянуть, тем сложнее расставаться.

— Я провожу вас до Фанда.

Видеть его таким, как сейчас, было непривычно: он казался слишком высокомерно-отстранённым, совершенно непохожим на себя. Я бы предпочла прежнего, без Сиятельных признаков. Хотя мне ничего и не предлагают...

— Это лишнее. У вас обязательства перед страной, Рауль. Вам нужно закончить поездку с молебнами.

— А ещё нужно что-то решать с сеньоритой Марселой, — добавил Бернар. — Не думаю, что она перестанет докладывать королю Муриции. И нельзя ей показывать, что вы что-то знаете.

Упоминание о Марселе омрачило атмосферу ещё сильнее.

— Я решу эту проблему. Она всё-таки моя сестра.

— Она свои желания поставила выше родственных связей, — напомнила я.

— Это всё флёр, — уверенно ответил он.

— Флёр схлынул, а желание общаться с Теодоро у неё не пропало... И ещё. Судя по намёкам дона Дарока перед отъездом, в планах этой пары было ваше физическое устранение.

— Я думаю, донья, что как только сеньорита Марсела поймёт, что вы не стали новым фамильяром, теперь уже королевским, а значит, её мечтам не суждено будет исполниться, она резко потеряет интерес к Теодоро.

— Вы думаете, она об этом знает?

— Разумеется. Иначе на чём бы зиждилась её уверенность, что она выйдет за мурицийского короля? Наверняка донья Хаго обратилась к нему с предложением, от которого он не смог отказаться. Фамильяр такой силы на защите королевского рода — это очень серьёзное приобретение.

На фоне которого герцогство — несущественная мелочь, тоже отошедшая бы короне. Конечно, я его своим не считала, но дарить тому, кто собирался тебя хладнокровно принести в жертву, утверждая, что действует исключительно в твоих интересах?

— Бернар, простите, — нахмурился Рауль, — но разве там не должна быть родственная связь, чтобы прошла привязка фамильяра?

— Неужели вы не понимаете, сеньор? За два года донья родила бы ребёнка, который был бы близок по крови детям дона Теодоро и сеньориты Марселы. Он бы стал следующим носителем фамильяра. Скорее всего, переселение в него планировалось даже раньше, чем обычно. И он был бы уже королевским фамильяром.

После объяснения Бернара наступила тишина. Рауль, скорее всего, думал о том, что сестру свою он не знал вовсе. Я — о том, что в, казалось бы, родной Муриции на моей стороне нет вообще никого.

Подарить, что ли, герцогство Теодоро и вернуться в Теофрению на учёбу? Забавно, но эта страна стала для меня куда родней Муриции. Или всё дело в Рауле? На него я старалась не смотреть, но любое движение улавливалось даже краем глаза. Я чувствовала полнейшую опустошённость, но пока дело не закончено, нельзя расслабляться.

— Нам пора, — внезапно сказал Рауль и подошёл к защите границы.

Заклинание в этот раз он выплелал дольше, наверное, сказывалась усталость, но на результативности это не отразилось: проём появился ничуть не меньшего размера, чем в прошлый раз. Оказавшись на другой стороне, мы опять пустили лошадей вскачь, стремясь как можно дальше убраться от границы. До сих пор нас никто не засёк, нужно, чтобы так было и дальше.

Когда мы наконец остановились, я даже не вспомнила, что в последний раз ела утром. Накопившаяся усталость вырубилла меня не хуже снотворного заклинания. К моей радости, мне не снилось вообще ничего, хотя с моим счастьем можно было ожидать появление Теодоро и увлекательную беседу с ним, которая в этот раз закончилась бы в его дворце.

Тем не менее я выспалась и утром чувствовала себя уже не столь вымотанной. Особенно когда обнаружила, что завтрак уже готов. Прекрасный компаньон Рауль хотя и непривычно молчаливый сегодня.

Первое, что сказал Рауль после завтрака, было:

— Я провожу вас до Фанда, Катарина.

— Рауль, будет лучше, если мы расстанемся в ближайшем городе. Там я воспользуюсь телепортом, а вы вернётесь с фурусами к Марселе и сделаете вид, что меня догнали и не смогли уговорить вернуться. Это будет правильно и соответствовать потраченному времени. В Фанде я сяду на дилижанс до Труадона. Это не так сложно, чтобы мне помогать.

Я даже смогла выдавить улыбку.

— И всё же, Катарина, я не хочу с вами так быстро расставаться.

— Рауль, я помогла вам, вы — мне, на этом наши пути должны разойтись навсегда.

— Если бы вы не были герцогиней...

— Если бы вы не были принцем... — в тон ему ответила я. — Но есть вещи, которые мы не можем изменить, поэтому их нужно

принять. И не тянуть с расставанием.

— Уверен, мы что-нибудь придумаем.

— Да вы оптимист, Рауль, — рассмеялась я. — Возможно, придумаем. Но сейчас мне срочно нужно возвращаться в Мурицию, чтобы у Теодоро не было ни одной претензии к Теофрени. А потом... Бернар же обещал научить вас ходить по снам? Я буду вас ждать.

— Я приду, — усмехнулся он.

До ближайшего города мы доехали быстро, слишком быстро, и если бы не Бернар, напрочь бы забыли о личинах. Планы мы не строили. Да и какие планы в нашем положении? Так, говорили обо всём и ни о чём, избегая темы Марселы и проблем с Сиятельными.

Перед тем как отправиться в Фанд, я ещё попросила Рауля поговорить с Ракель, извиниться перед ней за меня. У меня самой теперь это сделать не получится. А ведь единственная подруга в этом мире, другая вряд ли теперь появится. С этими мыслями я и шагнула в портал.

В Фанде я сразу пошла на станцию дилижансов. Нужный мне отправлялся вечером, так что я успею всё, что хотела, даже с запасом. В университет я проходила под отводом глаз и всё равно чуть не столкнулась с Эрнандес. Мне даже показалось, что она меня почувствовала и стала принюхиваться. Хотя к чему принюхиваться? Очищающее заклинание я использовала, а фурусы, как выяснилось не потеют. Но тем не менее Эрнандес выглядела как служебная собака, почуявшая что-то подозрительное. Пришлось её огибать по широкой дуге.

Шла я в Сиятельный корпус, за Альбой. Я надеялась, что она согласится стать моим фамильяром, раз уж с прошлым у меня получилось полное взаимонепонимание.

— Донья, — обрадовалась она, — вы же должны были быть в поездке? — Всё изменилось, Альба. Я сюда ненадолго, но если уж я здесь, то и кристалл подзаряжу.

Я направилась в общую гостиную.

— Донья, вы уезжаете? Совсем уезжаете? — Альба всё поняла и расстроилась.

— Я уезжаю, но хочу взять вас с собой.

— Меня?

— Так получилось, что у рода Эрилейских теперь нет фамильяра, и я хочу предложить это место вам.

— Мне?

— Вы не хотите?

Я расстроилась. Мне казалось, что мы с Альбой прекрасно друг друга понимали, но получается, что только казалось, если её не прельщает возможность находиться рядом со мной и дальше.

— Что вы, донья, это такая честь для меня, — ответила горгулья. — Мне как раз есть кому передать управление корпусом. Я сейчас, я мигом.

Она поскрежетала когтями по полу, помогая себе крыльями, чтобы быстрее двигаться, а я добралась до кристалла и слила туда примерно половину имеющегося запаса магии. Больше опасалась, потому что опять наступил момент, когда я могла положиться только на себя.

Альба вернулась, после чего мы с ней провели ритуал, привязывающий её ко мне, а меня — к ней. В отличие от Бернара, моя фамильяра выбрала форму попроще, и из Сиятельного корпуса я выходила с котенком.

От посещения общежития пришлось отказаться, потому что в дверном проёме застыла Эрнандес. На редкость толстокожая особа во всех случаях, кроме тех, когда чувствует: есть возможность сделать ближнему пакость. Пришлось оставить свои вещи там навсегда и заняться незапланированными покупками: не в теофренийской же спортивной форме мне ехать? Тем более что я её оставила в Сиятельном корпусе, когда поняла, что проход в общежитие для меня закрыт. Там же я тщательно проверила, не осталось ли при мне какой мелочи, указывающей, что я была тут. Хотелось взять хоть что-то на память, но этого я позволить себе не могла. Придётся хранить только воспоминания.

В дилижанс я садилась в новом платье, которое и герцогине было не стыдно надеть, и новой шляпке, затенявшей лицо, и с корзинкой, в которой на бархатной подушке спал маленький белый котёнок. За провоз его с меня взяли дополнительную плату и предупредили, что если испортит что, то оплачивать тоже придётся мне. Альба неодобрительно приоткрыла один глаз и сказала так, что слышала только я:

— Я же говорила, донья, что нужно было меня тайно провозить. А вы всё: удобство, удобство. Жулики они, самые настоящие жулики, так и норовят содрать лишнее. Не удивлюсь, если припишут мне какое повреждение.

В этот раз попутчики нам достались на редкость молчаливые или просто опасаящиеся говорить о политике: напряжённость между странами никуда не делась и в Муриции всё так же недолгоблвали теофренийцев. И тем не менее уснуть я не смогла, так и просидела с закрытыми глазами до самой границы, снова и снова переживая всё, что со мной случилось за последние несколько дней. Альба, чувствуя моё настроение, а может, желая доказать свою правоту, из корзинки выбралась и устроилась у меня на коленях, всю мурлыкая.

Мои документы не вызвали подозрения ни у теофренийского пограничника, ни у мурицийского, и я выехала из страны так же легко, как и въехала. Но если въезжала я с чувством освобождения, то выезжала — с тяжестью на сердце.

Поспать мне удалось немного только под утро, и дилижанс я покидала пусть с высоко поднятой, но тяжёлой головой. Даже появилось желание отправиться сразу в герцогский особняк, но я решила не отступать от первоначального плана и переместиться в Осеаль.

Телепортом как герцогиня пользоваться я не стала, оплатила переход: конечно, Теодоро рано или поздно донесут, но лучше пусть это случится поздно, чем рано. Экономить смысла не было: теперь в моём распоряжении все деньги Эрилейских. Из телепорта я вышла и опять набросила на себя отвод глаз. Конечно, так медленней, зато надёжней и никто не поймёт, как я появилась в замке. Будет им сюрприз.

До заветной стены я добиралась несколько часов под неторопливый разговор с Альбой. «Алейра» открывала проход и с этой стороны, поэтому я тихо вошла, тихо поднялась и никем не замеченная прошла в свою комнату, где поставила корзинку и сбросила опостылевший отвод глаз. Сиять так сиять. На весь замок.

А вот обрамление подкачало: в комнате не убрали уже очень давно. На пальце, которым я провела по туалетному столику, осталось серое пятно пыли. Постельное бельё тоже требовало замены. Нет, я

понимала, что меня не ждали, но уборку-то нужно проводить постоянно. Уверена: в тётиных комнатах такого безобразия нет.

Выходила от себя я, пылая праведным гневом, который собиралась вылить на первого же встреченного. И мне повезло: им оказалась экономка.

— Сеньора Риос, по какой причине в моей комнате не убирают?
— процедила я как можно высокомернее.

— Двуетиный, вы вернулись? — неверяще вытаращи́лась она на меня.

— Что вас так удивляет? Это мой дом, если вы забыли. И в этом доме устроили настоящий свинарник. Потрудитесь распорядиться убрать в моей комнате и приготовить ванну для меня.

Она сделала книксен и пробормотала, что сию же минуту отправится выполнять моё поручение. Врала, конечно: в первую очередь она отправит письмо тётё, потому что пока не знает, что адресата оно никогда не достигнет.

— Ах да, сеньора Риос. Мне нужна горничная. И ужин. И всё это как можно быстрее.

Она опять сделала книксен и убежала, а я вернулась к себе. Свой ход я сделала, оставалось ждать ход от Теодоро.

Глава 29

Вечер удался. Горничные, отправленные экономкой, шустро забегали, чистя комнату и готовя ванну, в которую я погрузилась даже до того, когда закончили уборку в спальне. Незнакомая сеньорита захлопотала надо мной, мягко пеняя, что я довела себя почти до потери Сиятельной красоты. А уж руки превратились вообще непонятно во что. На волосы она нанесла приятно пахнущую маску, на лицо — тоже и занялась почти безнадежно испорченными ногтями, к которым с момента побега я относилась с полным пренебрежением. Магам, чтобы колдовать, маникюр не нужен, а значит, без него можно запросто обойтись. Честно говоря, сейчас ногти выглядели даже приличнее, чем месяцем раньше, поскольку лак уже облупился окончательно. Но с точки зрения приставленной ко мне особы, вид их был ужасен, поэтому она что-то там наносила, подрезала, подпиливала, а я откинулась головой на бортик и расслабилась.

Сколько это продолжалось, не знаю, но закончилось с приходом Альбы, которая запрыгнула на бортик ванны. Горничная её не заметила, но почувствовала, потому что начала озираться, а фамилляр насмешливо прищурилась, махнула хвостом в её сторону и заявила:

— Донья, походила я по вашему замку. Что я могу сказать? Не уважают вас тут.

Я было испугалась, что Альба себя выдала, но, кажется, её сейчас слышала только я, потому что горничная не завопила: «Двуединый, голоса!», а вернулась к моим ногтям. К сожалению, у меня не было такой потрясающей способности доносить свои слова только до одной персоны, а защиту от прослушивания я не могла поставить так, чтобы она не включила горничную, поэтому пришлось просто вопросительно посмотреть. Но Альбе этого хватило.

— Эта сеньора, которая тут главная над слугами, первым делом отправилась не выполнять ваше распоряжение, а знаете что?

— Что? — не удержалась я.

— Донья, я сделала что-то не так? — всполошилась горничная.

— Нет, это я своим мыслям, — отмахнулась я. — Всё хорошо.

— Чего хорошего, — пробурчала Альба, — если та сеньора отправилась напрямик к себе, настроила записку и отправила её одноразовым артефактом? И только потом распорядилась прислать к вам горничных для уборки и приготовить что-то на ужин.

— Ужин — это уже хорошо, — заметила я.

— Донья? — осторожно уточнила горничная.

Этак пойдут слухи, что вернувшаяся герцогиня не в себе. Причём пойдут с полным на то основанием: никто в себе не стал бы возвращаться туда, где тебя планируют извести, а о том, что изводить некому, никто не знает. Не знаю, в курсе ли развлечений Сиятельных и фамильяров местная прислуга, но догадки наверняка были...

— Я так хочу есть, что все мысли только о еде, — улыбнулась я. — Предлагаю закончить на сегодня со всем этим. — Я помотала рукой вокруг себя.

— И правильно, — заметила Альба. — А то выглядите как умертвие. Разве можно на себя такую пакость намазывать? Вот представьте, уснёте сейчас ненароком, а Его Величеству Теодоро как раз приспичит вас вытащить. Это же за покушение на короля засчитают. И это только в случае, если выживет. Иначе — за убийство.

Рот открывать я не рискнула, но посмотрела на Альбу столь выразительно, что она тут же пояснила свою мысль:

— Вы же не станете утверждать, что не знали о том, что Его Величество хотел вас выдернуть из сна. А если знали, то значит, и готовились. А такая подготовка — это однозначно покушение.

Она развела лапами в разные стороны, чуть не свалилась ко мне в ванну, чудом удержалась, раздражённо фыркнула и перепрыгнула на столик, на котором были разложены маникюрные инструменты и стояли баночки со всякой косметологической ерундой. Альба понюхала одну из них, громко чихнула и принялась умываться, как самый обычный котёнок. Дальше я её не видела, потому что с меня начали смывать всё, что намазали раньше, и я закрыла глаза, чтобы в них ничего не попало.

Но это не мешало мне представлять физиономию Теодоро, который бы выдернул такую красивую меня напрямик из ароматной пены, которая бы составила всю мою одежду. Вот только я сомневалась, что его хватит удар. Удар, скорее, хватил бы меня, поскольку Его Сиятельное Величество принял бы меня за какое-

нибудь потустороннее существо, которое нужно срочно упокоить. Да, перед похоронами меня бы отмыли и Теодоро осознал бы свою ошибку, но к жизни его недолгое сожаление меня бы не вернуло.

Наконец я смогла выбраться из ванны и закутаться в мягчайший розовый халат, который не только прекрасно впитывал влагу, но и давал ощущение уюта.

— Я могу идти, донья? — неуверенно спросила горничная.

— Разумеется. — Я посмотрела на себя в огромное ростовое зеркало в ванной и осталась вполне довольна увиденным. — Спасибо. У тебя волшебные руки. Пусть сеньора Риос ко мне зайдёт немедленно.

— Про ужин не забудь, — встревоженно пискнула Альба.

— И ужин тоже пусть принесут сюда. — Тут я вспомнила графское меню и решила сразу внести корректировку: — И не такой, как обычно, а что-нибудь попитательней. Мне нужно восстановиться с дороги.

Моя спальня выглядела теперь под стать мне после ванны: всё было начищено, разглажено, постельное бельё поменяно, а на туалетном столике стоял небольшой букет розовых роз. Недочётов не было, или я не успела их найти, потому что встревоженная экономка появилась почти сразу. Наверное, караулила под дверью, чтобы я не сбежала после ванны. А то вдруг у меня закончились деньги, и я появилась в фамильном замке только для того, чтобы взять отсюда что-то, что можно превратить в звонкую монету? Наверное, в глазах данной особы я была злостной попирачительницей морали.

— Сеньора, кому вы отправили сообщение?

— Какое сообщение? — вытаращилась она на меня.

— Прямо святая невинность, — хихикнула Альба. — Да только я сама видела, что отправляла.

Я сделала ей знак молчать, потому что её реплики меня ужасно отвлекали, рассеивая внимание, и я боялась не заметить чего-то важного.

— То самое, которое вы пошли отправлять вместо того, чтобы послать сюда горничных убираться, — жёстко ответила я. — На которое вы истратили одноразовый артефакт. Кстати, сколько их у вас ещё осталось?

— Донье Хаго, — предсказуемо ответила экономка. — Ваша тётя так о вас волновалась, что наказала сразу же её известить, если что-то будет известно. Артефактов у меня осталось ещё два. — Она посмотрела на мою неодобрительную физиономию и решила оправдаться: — Донья, в данном случае я действую в ваших интересах, потому что только старшая родственница может служить гарантом вашей безопасности. Стоило вам выйти из-под её защиты — и дело сразу же закончилось похищением. Дона Монтейо задержали, но вас так и не нашли при нём. Кстати, где вы были? — проявила она неуместное любопытство.

— Это уж точно не ваше дело, сеньора Риос, — отрезала я. — Если я перед кем и буду отчитываться, то только перед тётей.

То есть в моём случае я практически никому не подотчётна. Правда, встаёт вопрос с новым опекуном, а для этого должна быть установлена смерть старого. Но тело доньи Хаго найдут разве что археологи в отдалённом будущем, когда проклятое место станет безопасным для раскопок. До этого времени я успею не только состариться, но и умереть.

— Простите, донья, я вовсе не хотела вас оскорбить... — залепетала экономка. — Я беспокоюсь, не нанёс ли дон Монтейо невосполнимый урон вашей...

Она замолчала, поскольку, скорее всего, посчитала неприличным произносить слово «невинность».

— Не нанёс, если это так вас тревожит.

— Слава Двуетдиному! — Она подняла глаза к потолку. Я тоже, где и обнаружила изящно свисающую с люстры паутину. — Мы так за вас переживали. Молились днём и ночью...

— А должны были не молиться, а готовиться. Одной рукой, так сказать, вычищая паутину с потолка, а другой взбивая сливки.

— Сливки? — удивилась она. — Какие сливки?

— Для торта. Моё появление — праздник?

— Праздник, — согласилась она.

— Значит, требуется праздничный торт.

— Как только донья Хаго появится. — Она что-то углядела в выражении моего лица, потому что попыталась смягчить свои слова: — Вы же сами не захотите праздновать без своей единственной родственницы, спаси её Двуетдиный.

В дверь постучали, и горничная внесла поднос с весьма скромной закуской: какой-то салат из одной зелени и стакан с напитком подозрительного ярко-зелёного цвета.

— Это что? — холодно спросила я.

— Это ваш ужин, донья, — испуганно пролепетала она, вжав голову в плечи.

— Это не ужин, это еда для коз, — не удержалась Альба. — Донья, это вообще неуважение к вам. Так оставлять нельзя. Порку на конюшне отменили, но можно придумать что-то другое, соразмерное.

— Я сказала, что ужин должен быть плотным, — повернулась я к экономке. — Или пока тёти нет, вы тратите деньги на своё усмотрение? Если у вас даже куска мяса для хозяйки не нашлось, зато паутины на потолке хоть отбавляй!

Я ткнула рукой на люстру, сеньора Риос ойкнула, но не пошевелилась, чтобы что-то исправить, пришлось её подтолкнуть:

— Мне кажется, кто-то здесь не проявляет должного рвения на работе и не хочет оставаться экономкой в этом замке.

— Донья, вы всё равно ничего не решаете, — неожиданно нагло ответила она. — Всё будет так, как скажет донья Хаго. Она приедет завтра утром и устроит здесь всё по своему усмотрению.

— Ой, донья, как всё запущено, — простонала Альба. — Флёр их, донья, флёр, а то так и будет наглеть и ничего не сделает. Похоже, она либо знает, либо догадывается о тайне Эрилейских.

Флёр я использовать всё же не стала, но голосом даванула так, что сеньору Риос вынесло из комнаты, а занесло сеньориту с раскладной лестницей, забравшись на которую она закончила уборку комнаты, удалив наконец паутину с люстры.

А вскоре после этого мне доставили и нормальную еду, с основным мясным блюдом и кучей разнообразных закусок, в паре которых были добавки не по рецепту. Точнее, по рецепту, но не кулинарному, а алхимическому, потому что сонное зелье делают алхимики, а не повара. Пенять на эти мелкие недостатки ужина мы с Альбой не стали, просто проигнорировали неправильную еду. Там и без неё было что поест. Увлечлись мы так, что прислуга наверняка полночи гадала, с чего герцогиня Эрилейская стала столь прожорливой.

После плотного ужина меня неудержимо потянуло в сон, поэтому я заперла комнату сразу после того, как из неё унесли остатки ужина, сменила халат на подготовленную ночную сорочку и с удовольствием нырнула под одеяло, прижав к себе Альбу.

— Я уже успела забыть, какой прекрасной может быть жизнь, — сонно сказала она, утыкаясь головой в мой бок.

— Всё самое прекрасное у нас ещё впереди, — не менее сонно ответила я, после чего благополучно отключилась.

Не знаю, входило ли умение предсказывать будущее в базовый комплект фамильяров, но слова Альбы оказались пророческими и Теодоро в мой сон наведался. На удивление антураж был всё тот же, в котором мы впервые с ним встретились. Хотя, казалось бы, замок Эрилейских мог повлиять и украсить сон своей владелицы.

— Доброй ночи, Ваше Сиятельное Величество. Смотрю, вам не спится...

— Эстефания, душа моя, — воодушевлённо ответил он, — да разве я могу спать, зная, что ты в опасности?

Шёл он ко мне довольно бодро, почти не преодолевая сопротивления этой реальности, которая раньше не хотела пускать его дальше окна.

— И какая опасность может мне грозить в собственном замке? — делая невиннейшую физиономию, поинтересовалась я.

— В каком ещё замке? — напрягся он. — Откуда у тебя замок?

— А что, королевским указом замок Эрилейских поменял владельца? — делано удивилась я. — Мне почему-то об этом никто не сообщил.

— Не хочешь же ты сказать, что ты в нём? — подозрительно прищурился Теодоро.

— Не только хочу, но и говорю. А почему бы мне и не быть в фамильном замке? Слуги без присмотра начинают наглеть, знаете ли...

Он сделал ко мне ещё один шаг и остановился совсем близко: можно было руку протянуть и дотронуться до короля. Дотрагиваться не хотелось, но и отступать было некуда.

— А донья Хаго? Что она говорит?

— Мы с ней пока не виделись, Ваше Величество. Экономка отправила ей сообщение и ждёт завтра утром.

— И всё же мне кажется, Эстефания, что ты мне врёшь, — неожиданно отрывисто бросил Теодоро.

Он протянул руку и ухватил меня за плечо. Теперь, если я попытаюсь выставить его из моего сна, вылечу вместе с ним. Насколько я понимаю, напрямик в его спальню. Знала бы, надела на себя что-то поприличней, чем полупрозрачная ночная сорочка.

— Вы можете легко это проверить, Ваше Величество, приехав завтра с утра в замок Эрилейских.

— А если тебя там не будет? — усмехнулся он.

— То вы в следующий раз выскажете мне своё фи, — предложила я.

— И почему же ты решила вернуться, Эстефания? — Он подозрительно щурился, не отпуская моё плечо. Руку его я чувствовала, как будто это происходило не во сне, а наяву. — Когда мы виделись в последний раз, ты была полна решимости бегать от нас с доньей Хаго.

— От своего счастья не убежишь, — намекнула я. — Иногда надо иметь мужество принять судьбу.

— Темнишь ты что-то, дорогая. — Он провёл второй рукой по моей щеке. — Но от этого ты не менее прекрасна. Твоё сияние слепит. Смотрю, ты воспользовалась моим советом и перестала пить зелье.

— Потерять Сиятельность — что может быть страшнее?

Тёмные глаза гипнотизировали, словно король хотел проникнуть в мою голову и вытащить оттуда всё, что его интересовало. Гляделки прервались весьма неожиданно: Теодоро коснулся лёгким поцелуем моих губ. Возможно, в его планах было сделать этот поцелуй поглубже, но я опомнилась и отшатнулась, бросив:

— Ваше Величество, вы ведёте себя неподобающе.

— Со своей почти невестой, — довольно улыбнулся он, но меня отпустил. — На этот раз поверю тебе, Эстефания, но если завтра утром тебя не окажется в замке...

Договаривать он не стал, предоставив мне право придумывать самые страшные кары, которые на меня обрушатся. И прощаться тоже не стал. В этот раз его не вынесло через окно, а он просто растаял.

Глава 30

Теодоро посчитал, что на проверку можно отправить и доверенное лицо, которое прибыло ни свет ни заря. Я даже проснуться толком не успела, валялась в кровати, наслаждаясь уютом и давая отдых телу, измученному гонкой последних дней, когда ко мне ворвалась встревоженная экономка:

— Ваша Светлость, прибыл посланник Его Величества с письмом для вас.

Судя по внешнему виду сеньоры, она тоже была в срочном порядке сдёрнута с кровати, потому что вместо обычно аккуратной причёски на голове было наспех скрученное косое убожество. Я зевнула и поинтересовалась:

— А вы ничего не перепутали, сеньора Риос? Именно ко мне, а не к тётё? Кстати, от неё нет известий? Или, может, она уже приехала?

— Донья Хаго пока ещё не давала о себе знать, но сообщение до неё добралось. — Экономке не удалось приглушить торжество в голосе. Наверное, надеялась, что тётя, приехав, сразу поставит меня на место. — Визитёр же к вам, донья. Настаивает на срочном разговоре.

— Срочного не получится. — Я опять зевнула. — Мне нужно умыться и одеться. А вам сделать что-то приличное на голове, поскольку вы будете присутствовать при нашем разговоре, а я не хочу, чтобы пошли слухи о том, что в прислуге Эрилейских затесалось пугало.

Она вспыхнула, сжала губы и с ненавистью процедила:

— Будет исполнено, Ваша Светлость. Горничную я немедленно пришлю, чтобы помогла вам одеться.

Она вышла, белая от злости, но дверь прикрыла подчёркнуто аккуратно.

— Менять прислугу надо, — заметила Альба, как только мы остались вдвоём, и хищно потянулась. — Очень уж они неуважительно себя ведут. Особенно эта.

— Раньше этого не было. Возможно, донья Хаго возложила на них вину за мой побег, а они перенесли обиду на меня. Или меня обвиняют в смерти Эсперансы.

— Эсперансы?

— Она была моей личной горничной, но служила дону де Монтейо. Он и убил. То ли в запале, то ли потому, что больше не была нужна.

— Да, Сиятельные с обычными людьми не церемонятся, — согласилась Альба. — Но я не слышала никаких разговоров о вашей погибшей горничной. Пробегусь сейчас.

Она словно растворилась в воздухе, но я долго в одиночестве не пробыла, потому что появилась присланная сеньорой Риос горничная, причём не та, что помогала мне вчера с ванной. Похоже, постоянной горничной у меня не будет до появления тёти. Или волеизъявления другого опекуна. Кстати, а здесь возможны интересные варианты...

Всё то время, что сеньорита старательно готовила меня к встрече с королевским посланцем, я размышляла над тем, кто может стать моим опекуном в связи с исчезновением старого. Надеяться на то, что я протяну без назначения нового до полного совершеннолетия, не стоило. Корона, как только обнаружит, что донья Хаго не торопится исполнять свои опекунские обязанности, либо назначит кого-то из ближайших родственников, либо опекуном станет сам Теодоро. И вот тут-то были нюансы: близких родственников у Эрилейских не осталось ни по одной линии, а дальние были настолько дальние, что родства может не хватить для опекунства, Теодоро же, если станет опекуном, не сможет жениться на мне. Это был бы прекрасный вариант, если бы он в отместку не подсунул бы мне кого-нибудь из своих приближённых. Чего не сделаешь, лишь бы герцогство осталось в стране. Нельзя пожертвовать собой — жертвуй подданными...

В гостиной, куда мы направились с сеньорой Риос, причёску которой больше никто не принял бы за воронье гнездо, меня поджидал дон Дарок, который не сидел в ожидании хозяйки дома, а вальяжно расхаживал по гостиной, напоминая плавными движениями кого-то из крупных кошачьих.

— Донья, глазам своим не верю, неужели на самом деле это вы? — он галантно склонился передо мной в поклоне и облобызал руку. — Никогда бы не подумал, что вы станете ещё прекрасней, чем были. Вы и при последней встрече казались мне совершенством, сегодня же вы превзошли себя прежнюю.

— Да вы льстец, дон Дарок, — бросила я, прерывая поток комплиментов. — Мне сказали, вы прибыли с поручением Его Величества...

— Разумеется, донья. — Он словно из воздуха вытащил конверт с королевской печатью и протянул мне с поклоном. — Признаться, я до конца не верил, что вы вернулись, Эстефания. Вы мне показались бойцом.

— В самом деле?

Его слова меня удивили. Неужели он тоже знал или подозревал о запланированной для меня участи?

— Донья, способная по шторам убежать от неугодного жениха, вряд ли по доброй воле вернётся, чтобы принять то, что ей уготовлено.

Вот теперь он точно намекал на то, что знает. Хотел ли предупредить? Дон Дарок казался достаточно неоднозначной личностью, чтобы на этот вопрос можно было ответить с уверенностью.

— Мне было видение, — с улыбкой, которая должна казаться ангельской, или, с поправкой на местные верования, нандовской, ответила я. — Я должна была вернуться в Мурицию. Это мой долг.

Диего скривился, словно я подсунула ему тухлый лимон и заставила прожевать и проглотить, и бросил:

— Не могу сказать, донья, что целиком одобряю ваш поступок, я бы даже назвал его глупым, если бы хотел вас оскорбить, разумеется. Но что значит моё мнение? Главное, что ваше возвращение, несомненно, одобрит Его Величество Теодоро, который собирается к вам с визитом ближе к обеду.

Экономка за моей спиной охнула и прошептала:

— Донья, узнайте, что Его Величество предпочитает на обед.

— Вряд ли Его Величество будет здесь что-то есть, — ехидно заметил услышавший её вопрос Диего, — у него плохие ассоциации с едой в присутствии доньи Эстефании.

За ним проявилась Альба, которая сказала:

— Ничего интересного никто не говорит, все ждут результата этого визита.

И тут Диего меня удивил. Он насторожился, повернулся к моей фамильярше и принялся осматривать гостиную. Видеть он Альбу не видел, но точно что-то почувствовал если не носом, то той частью организма,

которая отвечает за магию. Альба, сообразившая, что происходит что-то неправильное, сначала замерла, а потом осторожно, мелкими шажочками, отступила к стене, через которую тут же просочилась и перестала отсвечивать в гостиной. Диего же, поведив головой ещё какое-то время, повернулся ко мне, неожиданно низко поклонился и выдал:

— Приношу свои глубочайшие извинения за то, что в вас усомнился, донья. Признаться, это было неожиданно.

Я скосила взгляд на стоявшую чуть позади экономку. Она смотрела на визитёра, приоткрыв рот. Надеюсь, она не поняла ни пантомимы Диего, ни того, на что он намекал.

— Признаться, не могу взять в толк, о чём вы, дон Дарок, — со всем возможным недоумением в голосе сказала я.

— А и не надо, донья, — улыбнулся Диего. — Не каждый может это понять. Сомневаюсь, что даже Его Величеству это по силам. Впрочем, вы скоро сможете узнать это лично. А я, с вашего позволения, откланяюсь.

Дела у него не расходились со словами, он замысловато поклонился и буквально испарился из нашей гостиной, торопясь сообщить Теодоро о том, что я действительно тут. Жаль, что при этом он не захватил экономку, потому что она сразу поинтересовалась:

— Донья, а что такое случилось с доном Дароком? Он словно вынюхивал что-то тут у нас, а потом так загадочно заговорил. На что он намекал?

— Дон Дарок довольно странная персона, сеньора. Подозреваю, на что он намекал, знает только сам дон Дарок. Или... — Я потрясла нераспечатанным письмом. — Или Его Величество Теодоро.

Письмо я вскрыла при экономке. Но там не было ровным счётом ничего интересного. Теодоро сообщал там то же самое, что и Диего на словах: о своём визите. Даже точного времени не указал. Отсыпается, наверное, после тяжёлой пробежки по чужим снам.

Наказав сеньоре подать поскорее завтрак и немедленно сообщить, когда появится донья Хаго, я удалилась к себе, где и обнаружила вжавшуюся в подушку Альбу.

— Он ушёл? — тихо спросила она.

— Ушёл.

— Уф, а я уж было испугалась, что он меня захватит. Дон из Чувствующих.

— Чувствующих?

— Редкое качество у магов, которые чувствуют всё, что связано с магией: самих магов, артефакты, магические потоки и нас, фамильяров, он тоже чувствует.

— Значит, нужно при нём прикрывать тебя защитным заклинанием.

Она покрутила головой.

— Не поможет, донья. Почувствует или нет, зависит только от разделяющего нас расстояния, никакими заклинаниями не прикроешь. Хорошо, что такая Сиятельная особенность очень редка.

Я припомнила выступление Диего перед дверью в Сиятельный корпус теофренийского университета и окончательно убедилась, что представление это было для нас, тех, кто стоял за дверью. Получается, маг тогда хотел предупредить?

— А что именно он чувствует? — уточнила я всё же. — Его чувства помогают ему определить, кто перед ним?

— Этого я не ведаю, донья. Это только сам дон может сказать. Зависит от силы, но не от магической, а именно этой. Есть те, кто просто чувствуют, и то, если очень близко. А есть те, кто с закрытыми глазами скажет, кто перед ним.

В дверь постучала горничная и сообщила, что завтрак подан. Я подхватила Альбу на плечо и направилась в Малую столовую. То есть это она называлась малой, а размер там был хорошего футбольного поля, посреди которого поставили длиннющий обеденный стол, на одном краю которого сиротливо стояли графин с каком-то мутным напитком и тарелка с кашей, при взгляде на которую я задумалась, а настолько ли я голодна, чтобы это есть.

Альба так даже задумываться не стала.

— Донья, я, пожалуй, ещё прогуляюсь-послушаю, если уж опасный дон удалился.

Она легко спрыгнула с моего плеча и, важно задрвав хвост, пошла к выходу из столовой, а я всё-таки уселась за стол, поболтала ложкой в каше и сказала:

— А принесите-ка мне кофе и к нему что-нибудь вкусное. Это я есть не буду. Надеюсь, перед Его Величеством не придётся краснеть,

если он вдруг решит у нас задержаться на обед.

Кофе пришлось подождать, зато он приготовлен был по всем правилам: горячий, крепкий и ароматный. Но радости он мне не принёс, я прямо физически чувствовала напряжённость в замке, и она мне очень не нравилась. Во что она выльется, когда поймут, что тётя так и не появится?

Время до приезда Теодоро я провела в библиотеке, продолжая впитывать родовые знания Эрилейских. Пока всё, что я пролистывала, когда-то училось прежней Эстефанией, поэтому запоминалось влёт. Если бы кто-то фиксировал время, уходящее у меня на изучение знаний, я могла бы претендовать на рекорд.

Через какое-то время компанию мне составила Альба, она уселась прямо на изучаемую мной книгу и промурлыкала:

— Люди в замке очень боятся появления доньи Хаго. К её приезду готовятся так, чтобы у той не было ни единой возможности придраться. Эта сеньора, которая вам нахамила, считает, что донья приедет очень злая. Про вас ничего плохого не говорят.

— Но это только потому, что все разговоры про тётю, — не удержалась я.

Прежде чем сказать, я всё же поставила полог от прослушивания, потому что даже шёпот в библиотеке был хорошо слышен. Местный библиотекарь, конечно, не производил впечатления болтливой типа, но это со мной. Кто знает, насколько он разговорчив в другой компании, да ещё под бутылку хорошего вина?

— Возможно, — согласилась Альба. — Но мне кажется, здесь руку доньи Хаго держит только экономка. И ещё мне кажется, что она в курсе родовой особенности фамильяров Эрилейских.

С этим я была согласна: у наглости сеньоры должна была быть веская причина. Такие, как она, всегда держатся за своё место и не станут оскорблять того, от кого вскоре будет зависеть, кому это место достанется.

Развить эту интересную тему мы не успели, потому что наконец соизволил прибыть Теодоро, о чём мне сообщила запыхавшаяся горничная.

— Дон, который был утром, с ним? — поинтересовалась я, и Альба сразу насторожилась.

— Нет, донья. Его Величество один.

— Один? — удивилась я. — Даже без Бласкеса?

— Совсем один, донья. Сеньора Риос очень просила, чтобы я вам передала как можно скорее. Она очень нервничает и уже ждёт у дверей в гостиную.

Горничная весьма жалобно на меня посмотрела, поскольку ей непременно влетит, если я не потороплюсь. Но я сама не собиралась заставлять ждать Теодоро, только лишь хотела узнать, может ли в гостиную пройти Альба, на которую я бросила выразительный взгляд.

— Я всё же воздержусь от наблюдения за королём, — решила та. — Конечно, Чувствующие встречаются редко и сегодня одного мы уже видели, но... Я проверю, с кем он приехал, и потом доложу, донья.

Она бодро потопала к ближайшей стене, чтобы через неё просочиться, я же пошла к двери, поскольку не обладаю ни замечательным умением просачиваться сквозь стены, ни не менее замечательным умением телепортироваться. Тем не менее до гостиной я дошла очень быстро и вместе с экономкой зашла внутрь.

Теодоро сидел на диване, откинувшись на спинку и внимательно изучая собственные ногти. При моём появлении он оживился и сказал:

— Эстефания, душа моя, Диего был совершенно прав: поездка пошла тебе на пользу, ты удивительно похорошела.

Глава 31

Беседа шла... вяло. Теодоро хотел непременно выяснить, где я пряталась всё это время, потому что сомнения у него были и моя обманка со сплетнями из Варенции его смутила, но лишь немного, и он всё так же подозревал, что я была в Теофрении. Поскольку он постоянно пытался подловить меня на несоответствиях в делах Варенции, я отвечала осторожно и как можно короче, хотя иной раз позволяла себе пройтись по некоторым событиям, о которых мне стало известно от Рауля. Воспоминания о нём делали мне больно, а не вспоминать не получалось, хотя я очень старалась. Я не должна была допустить ни малейшего намёка на него, если не хотела, чтобы Теофрения пострадала. А я не хотела.

Теодоро рассчитывал приехать, поговорить с доньей Хаго и уехать. Но моя опекунша почему-то не торопилась общаться с мурицийским правителем, что последнего злило настолько, что он наконец не преминул высказаться:

— Твоя тётушка задерживается, душа моя. Ты не сообщила о моём визите или меня принципиально игнорируют?

— Как бы я могла сообщить, Ваше Величество? — удивилась я.

— Что значит как? — удивился в свою очередь он. — Эрилейские же всегда были на связи со своим... гм... Впрочем, что это я? Я совершенно забыл о твоих проблемах с памятью.

И вовремя вспомнил, что я не совсем Эрилейская. Зато я вспомнила, у кого была возможность беспрепятственной отправки сообщений донье Хаго, и, поскольку тёплых чувств к этой особе не питала, сразу же поинтересовалась:

— Сеньора Риос, вы сообщили донье Хаго о визите Его Величества?

Вот и появилась польза от экономки, которая старательно притворялась частью обстановки гостиной, при этом впитывала она наш разговор, как губка воду, надеясь всё передать своей настоящей хозяйке в лице моей тётушки. Лишние уши мне не были нужны, более того, они меня сильно нервировали, заставляя иной раз удерживать рвущиеся с губ колкости. Но встречаться с Теодоро наедине не

хотелось. И причиной тому была не то, что пострадает репутация, на которую непременно упадёт тень, а то, что наяву король не вылетит так красиво из окна, как это было во сне. А вот повод для отпора непременно постарается дать, если мы с ним окажемся вдвоём. Взгляды у него были однозначно собственнические.

— Сразу после отъезда дона Дарока, — если слышно пролепетала экономка, стремясь стать ещё незаметнее. — Донья сообщение получила.

— Но у неё нашлись куда более важные дела, чем встречать своего сюзерена, — завершила я с нежной улыбкой. — Прошу извинить нас, Ваше Величество, за проявленное неуважение.

— Извинить?! — рявкнул он. — У нас с доньей Хаго договор. Неужели она собирается им пренебречь?

— Увы, я не в курсе планов тётушки.

— А ведь они напрямую касаются вас.

— В таком случае, может, вы сами мне о них расскажете? — я нежно улыбнулась Теодоро.

В ответ он не менее нежно улыбнулся мне, явно не собираясь откровенничать. А вот интересно, могу я ему отказать? То есть отказать-то, конечно, могу, но насколько моё нет приметя в расчёт? Сдаётся мне что его попросту не заметят.

— Ваше Величество, время обеденное, — намекнула я. — Не составите ли вы мне компанию за столом? Слугам даны были указания подготовить обед на случай, если вы у нас задержитесь.

На его лице ненадолго проявилось сомнение, но потом он наверняка вспомнил, что в начале нашего знакомства я пыталась его отравить, потому что сказал:

— Увы, душа моя, я и без того задержался здесь сверх меры. Когда явится донья Хаго, сообщи ей, что я отдам распоряжение опубликовать в газетах объявление о нашей помолвке.

— Рада за тётушку, — храбро сказала я. — Надеюсь, новый брак пойдёт ей на пользу. Тётя достойна стать королевой.

Сеньора Риос восторженно ахнула, приняв мои слова за чистую монету. Слишком громко ахнула, потому что Теодоро обратил своё монаршее внимание на неё, насмешливо хмыкнул, потом погрозил мне пальцем, прямо как любящий дядюшка.

— О нашей с тобой помолвке, душа моя, о нашей с тобой. Просить благословения в Храме будем на следующей неделе.

Он упруго потянулся, встал, вынудив нас последовать его примеру, и грозно свёл брови.

— Передайте донье Хаго, чтобы она немедленно предстала передо мной, как появится. Если, разумеется, она не хочет провести всю подготовку к свадьбе племянницы в монастыре. Есть ли у тебя ко мне просьбы, душа моя? Приложу все силы, чтобы их выполнить.

Эти постоянно повторяющиеся «душа моя» раздражали, потому что ими Теодоро намекал не только на то, что всё знает, но и на то, что моя душа принадлежит в каком-то смысле ему, потому что он выкупил для меня два года существования.

— Помнится, дон Дарок привозил письмо от вас с приглашением на учёбу в университет. Я бы с радостью воспользовалась вашим предложением.

— Полноте, Эстефания, зачем тебе это? — неожиданно ответил Теодоро. — Обучение мага отнимает много времени у него и много денег у университета. Ты всё равно не сможешь ничем воспользоваться, так зачем лишние траты?

— То есть вам уже сейчас жаль тратить на меня деньги, Ваше Величество?

— Мне жаль тратить деньги на ерунду, — вывернулся он. — Возможно, что-то из новинок наших ювелиров тебя утешит? Я подумаю, чем тебя порадовать.

Ответа он ждать не стал, возможно, потому что для себя уже всё решил. Он развернулся и телепортировался то ли в ожидающий его экипаж, то ли сразу до телепортационной станции. Уровень его возможности перемещаться я не знала, но была уверена, что до Труадона он так не доберётся. Разве что мелкими перебежками, то есть телепортами, с частыми отдыхами? Но в этом случае он прибудет, совершенно лишившись королевской величественности, а это недопустимо.

— Донья, получается вы теперь королевская невеста? — восхищённо выдохнула экономка.

— Если на то будет воля Двуетиного, — уклонилась я от ответа.

— Будет, — уверенно заявила сеньора. — Вы же не из проклятой богом Теофрении. Вас Двуетиный непременно посчитает достойной

партией для Его Величества Теодоро Второго Блистательного.

— Вы так уверены в том, кого Двуетдиный посчитает достойной кандидатурой? — не удержалась я. — Это грех гордыни.

— Если бы Двуетдиный считал теофренийцев достойными своего внимания, он не поставил бы их страну на грань выживания. Они совершили преступление, за что расплачиваются.

— Кого бог больше любит, того и больше испытывает, — нравоучительно заметила я. — Возможно, страна пройдет испытания с честью и окажется награждена куда большим вниманием Двуетдиноного, чем Муриция.

— Посмотрим, донья, — скептически ответила экономка, к которой вернулась уверенность, покинувшая её при появлении короля. — Прикажете подавать обед?

— Прикажу. Но сначала ответьте мне, сеньора Риос, как скоро после вашего письма должна появиться донья Хаго.

— Это зависит от её планов. Точно сказать нельзя.

— То есть свои планы она может поставить выше планов Его Величества? Мне показалось, он остался очень недоволен ожиданием. До доньи точно дошли оба ваши сообщения?

— Артефакт переписочный при ней всегда, — уверенно заявила экономка. — Ответить она ничего не ответила, но так и раньше бывало. Вот увидите, донья, донья Хаго появится с часу на час. Не позже сегодняшнего вечера мы её увидим. Она очень хотела с вами встретиться.

Но ни этим вечером, ни следующим утром донья Хаго не появилась. Честно говоря, я бы, напротив, удивилась и очень расстроилась, если бы предсказания экономки сбылись. Не горела я желанием увидеть то, что осталось от доньи Хаго. Меня полностью устраивала моя нынешняя жизнь с чтением в библиотеке, занятиями в алхимической лаборатории, где Альба подсказывала мне тот или иной рецепт, и редкими прогулками с ней же в прекрасном замковом саду, небольшом, но ухоженном. Но, к сожалению, устраивала она только нас с фамильярой.

Наслаждалась я относительной свободой ровно неделю, после чего Теодоро опять нагрянул, поскольку понял, что моя опенкунша не собирается не только представлять пред его светлыми очами, но и вообще приезжать в Мурицию. Появился он без предупреждения,

поэтому вытащили меня из алхимической лаборатории. Платье, испорченное реактивами, менять я не стала, так и явилась в гостиную принимать дорогого гостя, который не оценил моё рвение увидеться с ним побыстрее.

— Эстефания, душа моя, тебе не идёт на пользу одинокое проживание, — неодобрительно сказал Теодоро. — Донья твоего возраста должна выглядеть обворожительно, а не как сеньорита, одевающаяся с помойки.

— А кого мне обвораживать? В отсутствие тёти я никого не принимаю.

Это было так, хотя хватало желающих нанести визит после того, как в газетах появились статьи о новом выборе короля. Газеты я приказала приносить и утренние, и вечерние, вот только для себя я там пока ничего интересного не находила. Разве что упоминание о том, что теофренийский принц с принцессой продолжают ездить по городам своей страны и устраивать молебны? Местные газетчики вволю над этим поиздевались.

— Эстефания, ты должна быть готова в любое время к моему неожиданному визиту.

— В следующий раз непременно подготовлюсь, если вы сообщите о нём заранее, Ваше Величество. А если выдёргиваете меня из лаборатории и требуете немедленно подойти, то не обижайтесь, что я принимаю вас в том же виде, в котором делаю зелья.

— Эстефания, я ясно выразил своё отношение к твоим занятиям магией, — нахмурился Теодоро. — Что с доньей Хаго?

— Боюсь, она попала в беду, — доверительно склонившись к нему, прошептала я. — Я не получала никаких известий от тёти, в чём могу поклясться. Вы не знаете, где она может быть?

— Последний раз она попадала в зону нашей разведки, когда пересекла границу с Пфаффом, — неохотно ответил Теодоро. — Где и пропала из ближайшего к границе постоянного двора.

— Какой ужас! — я прижала руки к губам. — Не могла ли она стать жертвой какой-нибудь банды? Как вообще обстоят дела с криминальной обстановкой в Пфаффе?

— Издеваешься, душа моя? — буркнул Теодоро. — Донья Хаго в одиночку половину Пфаффа вынесет и не очень устанет.

— Возможно, она надорвалась на второй половине? — предположила я.

— Невозможно, — отрезал он. — У тебя, душа моя, прослеживается связь с фамильяром, поэтому не надо мне рассказывать сказки о таинственных пропажах тёти. Так и передай ей, что, хочет она того или нет, наш с тобой брак состоится. И мне плевать на её недовольство. Собирайся, Эстефания, переезжаешь во дворец.

— Ваше Величество, это неприлично, — напомнила я, пытаюсь прийти в себя от известия, что наличие у меня фамильяра — не секрет для короля. — Если так необходимо моё присутствие в столице, я могу вернуться в особняк Эрилейских, но во дворце мне делать нечего.

— Теофренийская принцесса не жаловалась. Поселишься в её апартаментах.

— Плохая примета, Ваше Величество, селиться в апартаментах отвергнутой невесты. А ну как Двуетиный и меня отвергнет?

Не то чтобы меня это расстроило, но ехать в Труадон и находиться рядом с Теодоро не хотелось. Если кто-то наконец поймёт, что фамильяр у меня не тот, встанет вопрос, куда девался прежний. И то, что тётя пропала в Пфаффе, рано или поздно соотнесут с пропажей Сиятельности. Правда, пока Сиятельность ни у кого не пропадала, но так и времени прошло всего ничего.

— Эстефания, не говори ерунды. Отвергнет или примет нашу пару Двуетиный в храме, зависит от Бласкеса, и больше ни от чего. — Присутствующая при разговоре экономка ахнула и торопливо стала воспроизводить знак Двуетиного, чтобы ей не прилетело за богохульство за компанию с нами. Теодоро заметил её только сейчас, даванул флёром и явно подчистил память, потому что сеньора застыла, выпучив глаза и уставившись в пространство. Король же повернулся ко мне и невозмутимо закончил: — А Бласкес не подведёт.

— И всё же я хотела бы остановиться на своей территории.

— Чтобы было проще общаться с доньей Хаго за моей спиной? Не выйдет, душа моя. Придётся твоей родственнице вылезать из той норы, в которую она сейчас забилась, собираясь нарушить договорённость со мной.

— Предлагаю компромисс, Ваше Величество.

— Какой же душа моя?

— Университет. С одной стороны, это ваша территория, с другой — я могу не переживать о приличиях, когда там нахожусь.

Теодоро так хмыкнул, что я сразу вспомнила о намёках Альбы про игрушки Сиятельных. Тогда она хотела выставить Рауля, но не было ли в её словах доли правды? Но ответил король не так, как я ожидала:

— Нет, душа моя, мы не будем облегчать жизнь твоей тёте. Мы едем получать благословение Двуетного через неделю, и до этого времени ты живёшь во дворце. Донья Хаго пусть решает сама, что ей нужнее.

Теодоро зло прищурился, и мне показалось, что с него на мгновение пропала Сиятельность. Но было это столь мимолётно, что я засомневалась, что это действительно случилось, а не было плодом моей фантазии.

Глава 32

Теодоро не терял надежды на появление доньи Хаго. Когда мы ехали за благословением в храм Двуетного, он ворочал головой в надежде рассмотреть мою родственницу в толпе. В самом деле, не могла же она пропустить столь знаменательное событие, на котором высокие договаривающиеся стороны получили бы возможность дополнительно поторговаться? Теодоро явно нашёл аргументы в свою пользу, только предъявлять их оказалось некому.

Даже когда мы заходили в храм, король продолжал надеяться на то, что что-то произойдёт. Я — тоже. Но желания у нас были разными. Он рассчитывал, что донья Хаго выскочит как чёртик из коробки, а я — что случится что-то если не отменяющее эту свадьбу, то откладывающее её на неопределённое время.

На мой намёк, что негоже мне выходить замуж без благословения единственной близкой родственницы, Бласкес, мило улыбнувшись, сказал, что если к моему желанию прислушается Теодоро, то время, освободившееся от подготовки к свадьбе, придворный маг займёт исследованием того, где я шлялась всё это время. И даже менталиста пригласит на такой случай. Чтобы всё было точно и по правилам. От менталиста у меня имелась защита, но одноразовая, и последующие вламывания в мою голову могли привести к тому, что специалисты углядят там всё-таки что-то ненужное и опасное для Теофрени. После этого пара правильных вопросов Марселе от Теодоро во сне — и на выходе король и его придворный маг получают полную картину.

Только поэтому сейчас я показывала сдержанную радость от того, что меня представили народу, как возможную будущую королеву. Я не могла не отметить, что приветствовали меня куда воодушевлённее, чем Марселу. И цветов на меня сыпалось столько, что, стой мы на одном месте, давно бы над нами возвышался огромный курган. Но Теодоро на тот свет не торопился, поэтому мы нигде не задерживались и к храму приехали в запланированное время.

Первое, что сказал Теодоро, стоило нам переступить порог храма:
— Где донья Хаго?

— Понятия не имею, Ваше Величество. Я предлагала отложить до её появления, но вы настояли.

— Я был уверен, что она появится, — с накопившимся раздражением бросил он.

— Ничего не могу поделать. Честно говоря, мне кажется, что вам стоит тоже беспокоиться и хотя бы направить запрос в Пфафф. Возможно, там, где спасовала ваша разведка, разведка Пфаффа что-нибудь да нароет.

— Наша разведка лучшая, — без особой уверенности ответил Теодоро.

— Но она действует не на своей территории. Меня беспокоит судьба тётушки. Пора бы ей уже появиться.

— Вам так не терпится с ней встретиться?

— Незнание пугает, Ваше Величество.

— Я обещал, что позабочусь, душа моя. Два года вы под моей защитой.

Всё-таки у него совершенно нет фантазии, мог бы чередовать: зайка моя, рыбка моя, птичка моя или ещё что-нибудь подобное — если не в состоянии запомнить имя будущей супруги.

— Возможно, у тётки окажется другие планы, которые она не считает нужным с вами согласовать. Донья Хаго — весьма независимая особа, знаете ли.

К нам важно подошёл главный священник, в одеянии расшитом золотом и драгоценными камнями, и Теодоро поневоле пришлось от меня отвлечься на новое действующее лицо, которое даже удостоилось милостивого монаршего кивка.

Сам ритуал благословения был не слишком интересен. Да и я прекрасно помнила, что результат зависит не от Двуетного, а от Бласкеса. Возможно, в каком-то смысле он тоже был двуетным, если состоит в симбиозе с демонами, но проверить у меня возможности не было. За мной тщательно следили, и не то что помагичить, даже поговорить было не с кем. Альба появлялась очень редко, обходя все ловушки королевского дворца, но задерживаться опасалась, чтобы не выдать ни себя, ни меня. У нас были обоснованные опасения, что, если Бласкес поймёт, что связь у меня с совсем другим фамильяром, он захочет выяснить, как же это так получилось.

Теодоро держал меня за руку перед алтарём, а священник обращался к Двуетидному длинной заковыристой молитвой, призывая благословить намечающийся союз. Надежды, что Бласкес где-нибудь задержится, не оправдались: в помещении возник прозрачный золотистый столб, который наверняка уходил за пределы храма, показывая всем желающим, что с благословением в этот раз проблем не возникло. Свет был чистый и так походил на божественный, что никто бы не подумал, что его источник отнюдь не небеса и вонюч, как десять преисподних.

После ритуала мы с Теодоро возвращались под дружное народное ликование, из чего я сделала вывод, что усилия Бласкеса даром не пропали: мурицийцы уверились в том, что я — невеста, угодная Двуетидному, поэтому все цветы, не доброшенные прошлый раз, сейчас сыпались на наш экипаж с ещё большим усердием и под ещё более громкие вопли. Хорошо, что, ехали обратно намного быстрее и большая часть растительности опускалась за каретой, а не в неё. Но и так мне приходилось постоянно убирать лишние цветы с причёски, а Теодоро вообще вытащил один стебель из-за уха.

Во дворце к нам присоединился Бласкес. В этот раз он по ароматности превзошёл сам себя. Наверное, слишком много магических сил потратил на имитацию божественности, а магия, как когда-то пояснила мне тётя, была у него несколько специфической. И сейчас эта специфичность была мне прямо в нос безо всяких увёрток.

— Хаго не появлялась? — проскрипел придворный маг.

— Нет, — буркнул Теодоро. — И я уже склонен прислушаться к мнению Эстефании и объявить графиню в розыск.

Он меня не отпустил, даже когда свернул к собственному кабинету. Впрочем, обратное было бы странным: как-никак обсуждалась моя родственница. Я с тоской посмотрела в сторону отведённой мне комнаты. Но не вырваться же на глазах у прислуги, для которой мы были идеальной парой. Судя по тому как нас приветствовали, известие о благословении Двуетидного добрались сюда раньше нас. Не иначе как с Бласкесом.

— И? Что будут делать те, кто её найдут? — не скрывая насмешки в голосе, спросил он.

— Передадут моё приказание вернуться в Мурицию.

Дверь за нами захлопнулась со столь громким стуком, что я вздрогнула.

— А то она не догадывается, что вы хотите её видеть? — хмыкнул Бласкес. — Племянница наверняка в курсе тётушкиных планов, расспроси хорошенько, авось нужная донья и найдётся.

Под изучающими взорами двух мужчин враз стало холодно и страшно. И ведь я даже не могла поклясться, что не видела донью Хаго, поскольку не только видела, но и собственноручно укукошила. Но её ли? Ведь душа доньи Хаго была разделена с телом, которое занимал фамильяр. А про саму донью я не знаю вообще ничего. Даже — в этом ли мире её душа.

— Если у доньи Хаго есть какие-то планы, то мне о них не известно, — наконец выдавила я. — Могу в этом поклясться. А также в том, что не состою с ней ни в каких договорённостях.

— А и поклянись, — не сдавался Бласкес. — Да не просто так, а призывая силу. Знаю я породу Эрилейских: ни слова в простоте, соврут — недорого возьмут.

— Душа моя, тебя не затруднит выполнить просьбу придворного мага? — поддержал его Теодоро. — Чтобы у нас не осталось сомнений по этому поводу.

Смотрели они на меня с подозрением, словно это я пыталась женить на себе Теодоро, невзирая на его нежелание, и использовала для этого все доступные мне методы, как приличные, так и нет. А ведь с любой точки зрения я — завидная партия: молодая, красивая, Сиятельная и с огромным герцогством в придачу. Поневоле подумаешь, не стоило ли рвануть в Варенцию. Вдруг бы они меня приняли там с распростёртыми объятьями? Договаривалась же там с кем-то о чём-то донья Хаго...

Клятву я дала, стараясь формулировать как можно обтекаемее и думать при этом о настоящей донье Хаго, а не о фамильяре Эрилейских.

— Не соврала, — разочарованно резюмировал Баскес. — Кажись, у нас действительно проблема с Хаго. Что делать будем?

От одного его присутствия я задыхалась, пусть он и потерял ко мне интерес, но его запах от этого слабее не стал. Казалось, он пронизывал насквозь не только кабинет, но и меня. Постою рядом с

ним ещё немного — и мне не поможет никакая ванная с ароматическими маслами.

— Что, что... — проворчал Теодоро. — Для начала отправлю ноту в Пфафф. По поводу незаконного удержания моей подданной. Пусть они пошевелиятся и поищут.

— А если не найдут? — не удержалась я. — Мы отменим свадьбу?

— Душа моя, как можно? — насмешливо сказал Теодоро. — Нас же благословил сам Двуетиный...

— В следующий раз он может не благословить, — намекнула я, пристально глядя на Бласкеса.

— Благословит, донья, не сомневайтесь, — издевательски заухмылялся тот. — Такими возможностями не разбрасываются. Донья Хаго может поломаться, но непременно появится. Этот брак выгоден и ей, и Муриции.

— Если она не появится, то брак окажется не столь выгодным, — заметила я. — Я уверена, с ней что-то случилось, иначе она давно была бы здесь.

— С ней? Да она выживет, даже если свалится в жерло вулкана, — заявил Бласкес. — Или если на неё упадёт гора. Эта хитрая дрянь сидит где-то неподалёку и насмехается над нами, надеясь выторговать что-то ещё к уже выторгованному.

Его уверенность поражала. Донья Хаго выглядела обычной, не слишком молодой, хрупкой женщиной. А Бласкес говорил так, словно не сомневался: в противостоянии с ней он проиграет.

— И что она выторговала?

— Эстефания, не нужно тебе лезть во все эти сложности, — лениво протянул Теодоро. — Лишние мысли девушку не украшают. Они награждают её морщинами.

— А донья Хаго посчитала, что ей морщины уже не страшны? — не сдавалась я. — У неё наверняка есть свои дополнения к вашим договорённостям. Что-то же её задержало в Пфаффе?

Они переглянулись, и Бласкес неожиданно сказал:

— А не захотела ли донья хапнуть больше могущества, чем у неё есть?

На физиономии Теодоро отразилось понимание, я же знать ничего не должна была, поэтому поинтересовалась:

— Вы о чём, сеньор?

— Неважно, — отмахнулся Бласкес. — Не суйте свой хорошенький носик куда не следует, донья. Дольше проживёте. — Он скептически хмыкнул. — Хотя в вашем случае долгая жизнь вам не светит. Зато останетесь в памяти яркой прекрасной звездой.

Я проглотила оскорбление и отошла к окну. Вид из него был хорош, я могла любоваться им вечно. И слушать разговоры тоже могла бы вечно. Если бы у меня был хоть минимальный фильтр от запахов. Не уверена, правда что он мне помог бы: как сказала Альба, это реакция моей магии на магию придворного мага.

— Вся столица гудит, — довольно говорил Бласкес. — Я вам такую иллюминацию устроил, что никто не усомнится: Двуетдиный рад, что вы решили соединить свои судьбы.

Теодоро подошёл, взял меня за руку и провёл пальцем по ладони.

— Эстефания, видишь, всё ради тебя.

Отвечать я не стала. Мне уже давно казалось, что если раньше я его привлекала как женщина, то сейчас — исключительно как источник возможностей, которых королевский род был лишён со времён отца Теодоро, угробившегося аккурат вместе с фамильяром. В точности я не могла сказать, что там случилось, но по обрывкам фраз догадывалась, что королевская семья решила усилить своего фамильяра. Как результат, осталась без него, без короля и без королевской племянницы, которая была выбрана для вселения.

— Некоторым благодарность не свойственна, потому что мозгов нет, — пробурчал Бласкес.

— Зачем девушке мозги, если у неё есть Сиятельная красота?

— Этого у доньи Эстефании не отнять, — неожиданно согласился Бласкес. — Хотя насчёт Сиятельности я бы не был так уверен. Странные вещи происходят в последнее время.

— Неужели правда по тем двоим?

Я полностью обратилась в слух.

— Абсолютная. Сам проверил.

— Причины? — коротко спросил Теодоро.

Его рука закаменела, продолжая удерживать мою.

— Всё так же неустановленные. В ритуалах они никаких не участвовали. Ни один. Мелкие рода, слабые Сиятельные, но... Мне кажется, это только начало.

Завоняло ещё сильнее: наверное, это издержки излишней мыслительной деятельности Бласкеса, от которой меня тошнило. Я сглотнула, удерживая в себе остатки завтрака. Но внимания жениха не удостоилось: сейчас всё оно принадлежало придворному магу.

— Если я вам больше не нужна, я бы пошла к себе, — с трудом выдавила я. — Мне нехорошо, слишком тяжёлый был день.

— Пусть идёт, — процедил Бласкес. — Разговоры не для посторонних.

— Эстефания — почти королева.

— Даже будь она совсем королева, ей незачем знать некоторые вещи.

— Иди, душа моя, — разрешил Теодоро. — В самом деле, выглядишь ты бледновато. Я пришлю к тебе целителя, пусть посмотрит. Прямо сейчас.

Он вызвал лакея и распорядился, чтобы тот проводил меня до личных покоев. Не знаю, что в том было больше: заботы обо мне или беспокойства, что я могу не уйти и подслушать что-нибудь, для меня не предназначенное.

Глава 33

На ужине Теодоро важно сообщил, что решено отправить запрос в Пфафф о судьбе доньи Хаго. Я поблагодарила Его Величество за беспокойство о моей единственной родственнице, а про себя очень понадеялась, что донья никому не сообщала, куда и зачем она отправляется. Конечно, ответ на этот вопрос могла дать Марсела, но только в случае, если Теодоро догадается поинтересоваться у неё. Самой ей не даст рассказать клятва, но увы, клятва мурицийскому королю, данная ею ранее, не позволит ни солгать, ни не ответить на прямой вопрос, даже если он будет сделан во сне и даже если от ответа на него зависит судьба Теофрени.

— Уго продолжает считать, что донья Хаго действует в соответствии с собственным планом, — чуть лениво сказал Теодоро, — поэтому настаивает, чтобы я взял с тебя клятву, душа моя.

Слуг он отпустил и даже поставил защиту от прослушивания, чтобы уж наверняка никто не мог узнать, о чём мы с ним говорим. Правда, если бы кто посмотрела на королевское вдохновенное лицо, непременно решил бы, что о любви. Всё-таки он был хорош, пусть уже не казался столь оглушающе-прекрасным, как при нашей первой встрече, когда мне щедро отсыпало королевского флёра. Хотя, скорее всего, он отсыпался подданным, а меня лишь краем захватило. Но и сейчас смотреть на Теодоро было сплошное эстетическое удовольствие. Точнее, было бы, если бы мне не приходилось не только слушать прекрасного короля, но и отвечать на его не совсем прекрасные вопросы, стараясь ненароком не брякнуть ничего лишнего.

— Клятву?

— Что ты не станешь выполнять просьбы доньи Хаго, предварительно не поставив меня о них в известность.

— Просьбы бывают разными... — показала я сомнения, хотя такую клятву была готова дать хоть сейчас.

— Вот именно. — Теодоро прищурился. — За внешней безобидностью может скрываться что угодно. Я не хочу, чтобы мою дорогую во всех смыслах этого слова невесту похитили перед свадьбой.

— Вы думаете Ваше Величество, что тётя на такое решится? — я невольно рассмеялась.

— Я понятия не имею, что у доньи Хаго в голове, — с явным раздражением сказал Теодоро. — На мои условия она согласилась только под сильным давлением, и я уверен, что она может пренебречь договорённостями, если усмотрит для себя более выгодные условия.

— Странно. Я была уверена, Ваше Величество, что это фамильяр — помощник мага, а из того, что вы говорите, следует, что маг — расходный материал для фамильяра.

— Тебе, душа моя, это без разницы, — нехорошо усмехнулся Теодоро. — Но ответчу. Фамильяр после такого ритуала подчиняется только главе семьи. Об остальной части семьи он заботится, но постольку-поскольку. И считает себя много выше остальных, которые для него не совсем прислуга, но близко.

— А вы не боитесь, Ваше Величество?

— Чего, душа моя?

— Того, что с вами случится то же самое, что и с моими родителями — пояснила я. — Тот, кто вкусил свободы, вряд ли захочет опять надевать на себя рабский ошейник.

— Если у этого кого-то будет выбор: умереть или стать рабом, то, сама понимаешь...

Он вальяжно помахал рукой, а я уставилась на него во все глаза, потому что опять показалось, что его Сиятельность на миг пропала. Или нет, не показалось: когда мигнуло второй раз, я окончательно убедилась в том, что это не обман зрения.

— Что с тобой, душа моя? — с некоторой обеспокоенностью спросил Теодоро.

— Мне показалось, что что-то случилось со светом. Словно он мигнул и опять загорелся.

— В чём это выразилось? — чуть приподнял правую бровь Теодоро.

— Словно ваша Сиятельность пропадала, Ваше Величество. — Я притворилась, что не заметила, как его рука неконтролируемо собралась в кулак, и продолжила как ни в чем не бывало: — А вот интересно, если у короля пропадёт Сиятельность, захотят ли подданные, чтобы ими управлял тот, кто навлёт на себя гнев Двуетиного?

Вид у Теодоро стал такой, что показалось — сиди мы рядом, он бы меня ударил. Но в руки себя мурицийский король взял быстро, лицо его разгладилось, и он довольно спокойно ответил:

— Теофренией управляет семья из несиятельных.

— Там и Сиятельных нет, — возразила я. — А что будет, если пропадёт Сиятельность у короля в стране, в которой Сиятельных предостаточно?

Он зло оскалился.

— Я так понимаю, душа моя, что ты услышала кусок нашего разговора с Бласкесом, не предназначенного для твоих нежных ушек, и решила меня напугать? Эстефания, я играю в эту игру куда дольше и пугать могу куда сильнее и качественнее.

Несмотря на показанную уверенность, он подскочил, с грохотом отодвинув стул, и я даже не успела подняться, когда он покинул помещение. Причём не ножками, а телепортацией, настолько торопился получить консультацию у Бласкеса. Всё-таки мне удалось нащупать его тайный страх, хотя, видит бог, я этого не планировала. Я планировала спокойно поужинать, с этим, увы, не получилось, потому что оставаться за королевским столом, когда оттуда ушёл король, нельзя даже будущей королеве.

Я встала, вспомнила про такой замечательный вариант приёма пищи, как фуршет, и наполнила тарелку всем, что попало на глаза. Так даже лучше: поем у себя и Альбу угощу, если она вдруг появится. В то, что появится и Теодоро, я не верила. Кажется, ему общения со мной на сегодня оказалось предостаточно.

На тарелку в моих руках прислуга таращилась с недоумением, но я шла, высоко подняв голову и делая вид, что всё так и должно быть. В конце концов, я не обязана голодать только потому, что Теодоро решил закончить ужин пораньше. Уж ему точно не откажут принести в апартаменты небольшой перекус.

Когда я прошла к себе и поставила тарелку на туалетный столик, неожиданно поняла, что аппетит пропал. Во дворце я чувствовала себя пленницей, очень уж ограниченным оказался набор помещений, в которые у меня был допуск. Даже королевская библиотека была для меня под запретом. Теодоро, недолго поразмыслив, решил, что я могу там прочитать чего-нибудь ненужного. И тут же позаботился о том, чтобы я читала нужное: рядом с тарелкой стояла стопка романов —

читай не хочу. Я не хотела. Состояние было такое, что никакая художественная литература в меня не ползет, а вот знания по магии — очень даже может быть.

— Донья, что-то ещё случилось? — встревоженный голос Альбы прозвучал как нельзя вовремя.

Я обрадовалась и сразу подсунула ей тарелку со вкусностями.

— Угощайся. Нет, пока всё без изменений. Но это всё такое мутное и вязкое... Не знаешь, чего ожидать.

— В вашем доме ходят слухи, что мурицийский король извёл сначала вашу тётю, а теперь собирается разделаться с вами.

Альба говорила уже с набитым ртом, но речь её была довольно внятной. Удивительно, что при её нынешних размерах ела она столько же, как когда выглядела горгульей. Странностью это было только для меня, потому что сама Альба мне как-то сказала, что суть не имеет ничего общего с внешним проявлением, которое является в лучшем случае компромиссом между желаниями владельца фамильяра и самого фамильяра.

— Я бы сказала, что они не столь далеки от истины, — усмехнулась я.

— Вас жалеют, — продолжала Альба. — Говорят, что бедной девочке и без того досталось. А той горничной, что вспомнила про дону де Монтейю, чуть волосы не повыдирали за то, что она порочит ваш светлый облик.

А ведь про мой «побег» с Эмилио наверняка ходили слухи, и Теодоро стоило больших усилий эти слухи пресечь. Но только потому, что из брака со мной он собирался получить определённую выгоду, в противном случае мог бы благословить «скомпрометированную» девушку на брак с укравшим кавалером, если кавалер держал бы его руку.

— Я думаю, больше переживают оттого, что в случае нашей с тётёй гибели они могут остаться без работы, — скептически заметила я. — Честно говоря, я не замечала за слугами в доме особенной любви к хозяевам. Да и в замке Эрилейских тоже.

— Я передаю то, что слышала своими ушами. — Альба выразительно дёрнула спиной. — На расстоянии все кажутся лучше.

— Да, — я вздохнула и обняла фамильяра. — На расстоянии и со временем всё и все кажутся лучше.

— Скучаете?

— А что изменится, если я скажу да?

— Как что? За своё надо бороться. Вот сейчас всё как посыплется... И очень может быть, что границы стран начнут меняться, как это обычно бывает при катаклизмах. И тогда...

Альба явно намекала на моё герцогство, которое может поменять страну, но в том-то и проблема, что я не считала его своим. Оно было мне столь же чуждо, как и моё нынешнее место. Словно я только играю роль важной Сиятельной дамы и делаю это из рук вон плохо.

— Я могу оказаться замужем раньше, чем всё посыплется.

— Ещё должно быть два благословения от Двуетоного, — напомнила Альба. — А вдруг?..

— Ты сможешь задержать Бласкеса? — я спрашивала одновременно и со скепсисом, и с надеждой.

— Я — нет, — признала фамилляр. — Но неужели вы думаете, донья, что Двуетоному угодно, когда его знамения подделываются? Он наверняка устроит случайность не в пользу Бласкеса.

Я кивнула, не особо в это веря. С чего бы недовольству Двуетоного проявляться именно на Бласкесе и именно в нужное мне время? У бога и раньше было предостаточно возможностей показать своё недовольство. И вообще, лучшая случайность — та, что тщательно спланирована и подготовлена. Украсть Бласкеса или заблокировать его магию не в моих силах. А вот усыпить... Идея была замечательной, всё упиралось в то, что даже будь у меня снотворное зелье, вряд ли я бы смогла подлить его придворному магу. А вот если бы нашлась сонная пыльца по типу такой, которая была у Эмилио, её смогла бы насыпать на Бласкеса даже Альба. Но вот беда: рецепта сонного порошка я не знаю и узнать его неоткуда.

— Донья, что-то вы загрузили.

— Вспомнила, как меня усыпляли порошком, и пожалела, что рецепта не знаю, — вздохнула я.

— Донья, так я знаю, — восторженно выдохнула Альба. — Там и надо-то всего ничего. В любой лаборатории сделаем.

В голове у меня словно закрутились шестерёнки с бешеной скоростью. Во дворце если и есть лаборатория, меня туда никто не пустит, а если и пустит, то приглядывать будут так, что нужное ни за

что не сделать. Значит, придётся как-то извернуться, чтобы попасть хотя бы в родовой особняк.

— Порошок долго делается?

— Полчаса, примерно.

Альба сияла, наконец получив возможность поделиться со мной знаниями. Рецепт я у неё выпросила на случай, если предоставится возможность поработать в лаборатории, а фамильяра рядом не будет. Заучила я его накрепко и только после этого отпустила Альбу, которая и без того уже задержалась дольше, чем обычно.

Настроение поднялось настолько, что даже спать я легла, счастливо улыбаясь. И как оказалось, радость была отнюдь не преждевременной, потому в этот раз во сне ко мне пришёл...

— Рауль? — удивлённо выдохнула я.

Самое забавное, что принц точно так же пролезал в окно, как делал это Теодоро, только окно это было окном королевского дворца в Муриции. И это мне казалось совершенно иррациональным.

— Вы не рады меня видеть, Катарина? — огорчился Рауль. — Тогда приношу свои извинения.

Он полез назад, да только я вовремя спохватилась, подскочила и ухватила за руку чтобы он не исчез.

— Не вздумайте уйти, Рауль. Я рада, я очень рада вас видеть. Вы даже не представляете, насколько я рада. Просто вы появились слишком неожиданно. До сих пор только Теодоро навещал меня во сне. И я только сейчас вспомнила, что Бернар обещал вас научить.

— Он мне многое объяснил, но это не такое умение, которое приходит сразу, пришлось что-то придумывать по ходу, — пояснил Рауль, который теперь уже сам взял меня за руки и заулыбался. Во сне на него не действовало ничего из изменяющих внешность чар, и я его видела сейчас таким же Сиятельным, как и тогда, когда мы только выбрались из руин дворца в Пфаффе. — Это не первая попытка, но первая удачная.

— Как там Бернар? Альбе приходится прятаться, потому что дон Дарок оказался Чувствующим.

— Вот как? — Взгляд Рауля словно ушёл в себя. — Это многое объясняет.

— Да, я уверена, что он хотел предупредить фамильяров об участии, которую им заготовили в Муриции. Да и не только их...

— Возможно. — Рауль отмер и смотрел теперь опять на меня и немного на обстановку вокруг. — Это мурицийский дворец?

— Да. Теодоро не хочет меня от себя отпускать, надеется приманить тётушку.

— Очень похоже, что не только на это надеется, — намекнул Рауль.

— Невозможно сбежать, когда ты на коротком поводке, — честно ответила я. — Насколько бы далеко я ни убежала, стоит уснуть — и меня сразу выдернут в Мурицию.

— У меня есть идеи как недопустить свадьбу, но они несколько сырые, — сказал Рауль. — И я не уверен, что вы сами не хотели бы стать королевой...

— Если к короне прилагается Теодоро, то однозначно не хочу, — усмехнулась я. — Знаете, Рауль, он меня воспринимает, как нечто неодушевлённое, как выгодное приобретение, которое принесёт ему значительные дивиденды в будущем, но само по себе уже неинтересное. Но у нас с Альбой появилась идея, как отменить второе благословение в храме.

И я рассказала и о роли Бласкеса в благословении, и о том, как я собираюсь устранять придворного мага. У меня даже идея появилась, как добраться до своего дома: предложить Теодоро ловить донью Хаго на живца. Уверена, что без труда смогу убедить короля, что фамильяр Эрилейских на меня куда скорее клюнет, будь я в собственном доме, а не во дворце, куда сложнее забраться.

Рауль меня внимательно выслушал и лишь потом сказал:

— Не уверен, что этот порошок сработает против Бласкеса.

— Из-за его магии?

— Из-за того, что он, скорее всего, заражён. У нас проскальзывала информация, что у него был скачкообразный рост магии. На первый взгляд беспричинный. Но лишь на первый взгляд.

— То есть он добровольно впустил в себя демонов? И на них сонный порошок не повлияет?

— Именно так.

Это было неприятным известием. Возможно, и вонял он для меня невыносимо именно из-за присутствия в себе посторонних существ? Но то, что сделало его сильнее, одновременно сделало и уязвимее.

— Зато на них повлияет изгоняющее заклинание...

— Пока не экспериментируйте, — попросил Рауль. — Потому что, очень может быть, Теодоро вскоре будет не до женитьбы.

— Вы про пропадающую Сиятельность? Я слышала краем уха разговор Теодоро с Бласкесом.

— В Пфаффе эта проблема куда острее, чем в Муриции. Там Сиятельность пропадает не только у слабых.

— Теодоро сегодня тоже мерцал, — вспомнила я.

— Поэтому не надо предпринимать никаких действий, которые показали бы, что вы знаете больше, чем должны, Катарина. Если Теодоро узнает, что вы замешаны, это плохо закончится.

— Он может узнать от вашей сестры, — напомнил я. — Боюсь, Марсела тоже у него на коротком поводке.

— Он сейчас до неё не достанет, потому что моя сестра после поездки по святым местам Теофрениии решила задержаться в одном из монастырей. Через его защиту Теодоро не пробиться.

— Сама решила задержаться? — удивилась я. — Мне казалось, у неё были другие планы.

— Планы иногда корректируют посторонние, — чуть жёстче обычного сказал Рауль. — Я не мог позволить, чтобы то, что ей известно, стало известно Теодоро.

— Вы не сможете её там держать вечно.

— В этом не будет необходимости. С утратой Сиятельности Теодоро потеряет часть силы. А с потерей личной силы потеряет возможность ходить по снам полностью или частично.

— Частично? Это как?

— Это значит, что эта возможность окажется ограничена определённым расстоянием.

— Тогда я смогу сбежать, — оживилась я.

Я подняла к Раулю лицо и внезапно подумала, что стоим мы сейчас, как двое влюблённых на свидании, и говорим о чём угодно, но только не о нас двоих. А ведь для нас двоих ничего не изменится от потери Теодоро Сиятельности. Но сейчас... Сейчас мы же можем позволить себе поцелуй? Это же почти понарошку, во сне.

Не знаю, что подумал Рауль, но потянулись мы друг к другу одновременно.

Глава 34

Уговорить Теодоро отпустить меня в особняк Эрилейских удалось с трудом, пусть даже в настоящий момент его куда сильнее волновало собственное мерцание, чем нежелание моей тёти идти к нему на поклон. Но я так уговаривала, что он, в конечном итоге, сдался, решив, что постоянно выслушивать моё нытьё себе дороже. Но это не значило, что меня собирались оставить без присмотра: Бласкес настоял на артефактном браслете, который указывал моё местонахождение и не мог быть снят никем, кроме придворного мага. Меня собирались контролировать, словно преступницу под домашним арестом, хотя я и могла выходить за пределы дома. Но покидать центр города — уже нет.

— Не рекомендую, Ваша Светлость, проверять, что будет, если вы попытаетесь выйти дальше, чем разрешено, — с явной угрозой сказал Бласкес, вертя в руках артефакт — тонкую полоску металла, которая должна была защёлкнуться на моём запястье. — Самое безобидное — останетесь без руки.

— Уго, это не перебор? — нахмурился Теодоро. — Руку, конечно, если что, восстановим, но это время, которого может не хватить до свадьбы. Однорукая королевская невеста — это плохое предзнаменование. Для народа, разумеется.

Он снисходительно улыбнулся, словно собирался сказать, что я ему нужна буду и без руки. Но даже если бы он отказался от меня с изъязном, сразу устраивать себе дефект я не собиралась.

— Она же не будет делать глупости, правда? — Бласкес повернулся ко мне и улыбнулся.

Улыбка не придавала его лицу ни грана привлекательности. Глаза были тёмные, но мутные, словно колодец в бездну. А запах... Казалось, он пропитывал всё, что было рядом. Мне всё сложнее было выносить присутствие королевского мага: я начинала переживать что развоняюсь в точности, как он.

— А если её похитят? — предположил Теодоро. — Нет, Уго, я против.

— Донья Хаго знает, как работают такие артефакты, и не станет рисковать жизнью единственной кровной родственницы, — заметил

Бласкес. — Более того, в браслете заложен функционал срочного моего вызова, так что эта глупая куколка не пострадает.

— А если умрёте вы? — не удержалась я. — Я так и останусь прикована к этому месту?

— Именно. — Опять ощерился он. — Так что молитесь Двуетьдиному, донья, чтобы со мной ничего не случилось.

— Мне это не нравится, — нахмурился Теодоро. — Уго, от случайностей никто не застрахован. Я не хочу, чтобы Эстефания пострадала. Возможно, достаточно метки и вызова?

— Добрый вы слишком, Ваше Величество, — неодобрительно пробурчал Бласкес. — Она почти полгода бегала, и никто с точностью не мог определить где. Метку можно заблокировать, и тогда мы опять её не сможем найти.

— Уго, я всегда смогу её вытащить, ты же помнишь.

Теодоро красиво махнул рукой, и кружева на манжете затрепетали, словно пойманная птица.

— В свете недавних обстоятельств я бы не был в этом столь уверен, — намекнул Бласкес на проблему с потерей Сиятельности. — И поэтому же вы не можете позволить куколке сбежать. Она стала слишком важна для вас. Женитесь — и донья Хаго рано или поздно появится.

— И всё же я не за столь радикальные методы. Возьмём с неё клятву, что при похищении она сразу активирует вызов. Метка, вызов и клятва — никуда Эстефания не денется. Уго, не забывай, она сама вернулась.

— Вот это-то меня и беспокоит, ваше Величество, — буркнул Бласкес. — Потому что сама она никак не могла прийти.

— Побоялась моего гнева? — предположил Теодоро, повернувшись ко мне и насмешливо изогнув бровь. — Я ведь её уже фактически вытащил, а так она создавала видимость добровольности и могла рассчитывать на некоторые преференции.

— Например, проживание в родном доме, — намекнула я. — Ваше Величество, да куда я денусь?

На самом деле, я собиралась приложить все силы, чтобы избежать надвигающегося брака. И была уверена, что у меня это получится поскольку Рауль в ходе разговора во сне сам не желая того, меня обнадёжил. Я его достаточно изучила, чтобы понять: он никогда бы не

сказал о возможности сорвать свадьбу, если бы не считал, что близок к решению задачи.

— Я бы не стал ей доверять, — проворчал Бласкес. — И отпускать от себя до свадьбы — тоже.

Обращение к королю он опускал, а тот не обращал на это ни малейшего внимания. Закралось подозрение, что, когда они вдвоём, общаются ещё неформальной.

— Считаете меня преступницей, сеньор Бласкес? — не удержалась я.

— Разумеется, — процедил он, не приняв мой насмешливый тон. — Все, кто идут против воли нашего короля, — преступники.

— Уго. — Теодоро закатил глаза. — Не стоит ожидать от столь юного создания, что она будет выполнять в точности мои указания. Нужно быть к ней снисходительнее. Душа моя, позволишь себе лишнего, позволим и мы. А пока, Уго, убери всё лишнее из артефакта. Оставь только метку и сигнал. Это уже не просьба, а приказ.

Бласкеса скособочило, словно он внезапно осознал, сколь дурно пахнет и весь этот массив запахов обрушился одновременно на его нежный нос.

— Слишком вы добры, Ваше Величество, — заявил он, но тем не менее убрал лишнее из артефакта перед тем, как надеть его мне на руку.

Металлическая полоска с шипением сомкнулась, и по ней зазмеился синий огонёк.

— Это чтобы желания не появилось самостоятельно снять, — буркнул Бласкес в ответ на укоризненное хмыканье Теодоро. — О вас же забочусь, Ваше Величество. Я бы вообще эту куколку для сохранности в тюрьму разместил. Оттуда она точно никуда не денется.

Теодоро рассмеялся, показав, что оценил шутку. У меня же появилась уверенность, что Бласкес не шутил, говорил именно то, что думал. Что поделаешь, в отношениях у нас была полная взаимность: с обеих сторон отвращение, временами переходящее в ненависть.

После этого у меня приняли клятву и наконец разрешили убраться из дворца, последнее я сделала с превеликой радостью. Даже вызывать собственный экипаж не стала, воспользовалась статусом невесты и затребовала королевскую карету, которая довезла меня до особняка Эрилейских.

Моему появлению действительно обрадовались. Экономка, так та вообще чуть ли не ворковала надо мной, выясняя, что я буду на ужин. Наверное, получила письмо от сестры, с которой мы сцепились в замке и которая решила, что со мной лучше дружить, о чём и написала. Я выразила желание поужинать чем-то лёгким и у себя в комнате, куда сразу направилась.

Она оказалась вычищена до блеска, и даже цветы в вазе стояли на туалетном столике, как тогда, когда я была здесь в последний раз и когда надо мной хлопотала Эсперанса. Почему-то именно о ней здесь вспомнилось. Всё-таки вина её была куда меньше, чем вина Эмилио. Можно сказать, Эсперанса по-своему меня любила и по-своему желала мне счастья. Нельзя же ждать полной адекватности от того, кто настолько придавлен флёром? Фактически, Эмилио просто использовал её, как инструмент, и сломал, когда нужда в ней исчезла. И стало мне настолько жаль покойную горничную, что даже слёзы на глаза навернулись. Я всхлипнула, а затем и вовсе разрыдалась.

— И это герцогиня! — раздался надо мной презрительный возглас. — Ревёт, как какая-то жалкая служанка.

Я подняла голову и увидела Катю, которую, похоже, опять притянуло ко мне. Надо признать, выглядела она блестяще. Боюсь, я так не выглядела даже до аварии, а что уж говорить после.

— Хочу и реву, — огрызнулась я, шмыгнув носом. — Тебе-то что?

— Ты портишь мою репутацию, а с ней и репутацию всех Эрилейских.

— Никто меня сейчас не видит.

— А когда увидит, у тебя будет опухшая физиономия, поэтому все поймут, что ты ревела, — безжалостно продолжила Катя. — Сиятельные не рыдают никогда. — Тут она заметила бласкесовский артефакт. — А это что за ограничитель? Кто посмел?

Она от злости даже более материальной стала. И вообще, что-то в ней неуловимо изменилось и я сейчас не про внешний вид. Я покрутила браслет, показывая переливы огня, которые с уходом из дворца ничуть не потускнели, и сообщила:

— Бласкес боится, что я сбегу от своего счастья.

Катя побледнела так, что этого невозможно было бы не заметить, даже если очень стараться.

— Неужели Теодоро потребовал, чтобы ты вышла за придворного мага? — ломким от ужаса голосом спросила она. — Как он посмел? Тётя никогда бы на это не согласилась. Бласкес не мог претендовать на мою руку по праву рождения.

— Он и не претендовал. Претендует сам Теодоро. Нас даже один раз в храме успели благословить.

— Теодоро? — удивлённо протянула она, совершенно успокоившись, и мечтательно заулыбалась. — Неожиданно. Он же планировал присоединить Теофрению?

— Подозреваю, в его планах ничего не изменилось, разве что увеличилось время реализации. Пришлось внести некоторые поправки.

Я покрутила на руке артефакт, который чувствовала, как нечто очень раздражающее. То ли, потому что напоминал о Бласкесе, то ли потому, что любая магия придворного мага была аллергеном для меня. От Кати моё движение не укрылось. Она зло поджала губы и неожиданно спросила:

— А где тётя?

Я чуть было не выдала, что донья Хаго больше нет остановилась буквально в последний момент, сообразив, что в браслете могли быть и подслушивающие заклинания. Ладно, если просто решат, что я сама с собой разговариваю — Бласкес и без того уверен, что у меня не всё в порядке с головой. А вот если узнают, что донья Хаго не появится ни при каких условиях, мои нынешние проблемы могут сильно вырасти и видоизмениться. Поэтому я решила говорить так, как если бы меня слышали король и придворный маг.

— Понятия не имею. Бласкес уверен, что она хочет что-то выгадать, не показываясь никому на глаза.

— Мне нужно с ней посоветоваться. Срочно. — Было странно видеть себя прежнюю. И всё же это была не совсем я — слишком жёсткое было выражение глаз, я никогда себя не видела такой в зеркале. — Происходит нечто, чего не должно было случиться.

— Ничем не могу помочь, — злорадно ответила я. — Донье Хаго сообщили о том, что я вернулась, но у неё нашлись дела поважнее, чем появиться на помолвке племянницы.

— Я тоже не могу до неё достучаться, — неожиданно бросила Катя. — Похоже, собственные интересы она поставила выше

семейных.

Она угрюмо смотрела в стену сквозь меня. Между бровей залегла морщинка, а губы Катя сжала, сделав их настолько тонкими, что они почти пропали.

— Получается, раньше ты с ней свободно беседовала? — уточнила я, вспоминая как донья Хаго при первой нашей встрече участливо интересовалась, позаботятся ли о племяннице. Да они обе врут как дышат. Та-то понятно — фамилляр, а эта? Или если о чём-то умалчиваешь, враньём это не считается?

Катя дёрнулась, сообразив, что проболталась, потом высокомерно задрала голову и бросила:

— А как ты думала? Не могли же единственную Эрилейскую оставить без присмотра? Я слишком большая ценность, чтобы про меня забыть. Разумеется, тётя всегда готова дать мне совет. Точнее, была готова до недавнего времени. Она перестала отвечать.

— Возможно, решила, что ты больше не ценность, и передумала тебя возвращать?

Катя засмеялась так, словно я сказала что-то очень забавное.

— Донья Хаго связана клятвой, — сказала она, когда немного успокоилась. — И она не может причинить мне вред.

— А мне может?

— Разумеется, — уверенно ответила она. — Ты не настоящая Эрилейская. Сиятельность — это не только тело, но и душа.

— Тогда почему она пропадает? Теодоро с Бласкесом при мне обсуждали участившиеся случаи пропадания Сиятельности.

— Вот как? — она нахмурилась. — Может, в этом всё дело?

— Что, тоже Сиятельности лишилась? — ехидно спросила я.

— Я не могла лишиться Сиятельности, потому что у тебя её изначально не было, — попыталась она вывернуться. — А свою я оставила тебе, если ты вдруг не заметила.

— А то я не видела, что ты пользовалась флёрком в моём мире, — усмехнулась я. — Так как, я права, пропала?

— Пропадает, — неохотно признала она. — Она то есть, то нет. И времени между появлениями проходит всё больше и больше. Хотя тётя мне клятвенно обещала, что Сиятельность будет при мне всегда, пока я...

— Не вернёшься в своё тело, — закончила я за неё.

— Тебе тогда будет всё рано, — не стала она отрицать. — И потом, если бы ты к этому времени не умерла, то валялась бы никому не нужной колодой. Я подарила тебе столько дней настоящей жизни. И не просто жизни, а Сиятельной. Обмен равноценный.

Она хотела ещё что-то добавить, но та же сила, что утягивала её раньше, утянула и сейчас. Катя успела лишь крикнуть: «Скажи донье Хаго, что она мне нужна», после чего растаяла.

Глава 35

Третье благословение в храме Двуетидного ознаменовалось тем, что Теодоро окончательно потерял Сиятельность. Причём сам заметил не сразу, а говорить ему священники побоялись. Я тоже решила не испытывать судьбу и не сообщать дурную весть первой. Он и без того в последнее время был необычайно раздражённым: и оттого, что планы нарушались, и оттого, что Сиятельность его подмигивала всё чаще, намекая на скорый уход. Чего только они с Бласкесом ни придумывали, чтобы задержать капризную гостью, но всё оказалось тщетно. До меня эта проблема доходила обрывками разговоров и дурным настроением мурицийского короля. В том, что Сиятельность пропадёт, он уже не сомневался, поскольку по стране лавиной прокатилось отключение верхушки аристократии от этой полезной опции. Строго говоря, оставшихся к настоящему времени Сиятельных можно было пересчитать по пальцам. Если рук Теодоро для этого не хватило бы, то у него были в подчинении руки придворного мага, и вот их совместных конечностей для подсчёта точно хватит. Впрочем, такими темпами вскоре вообще будет считать некого.

Когда мы с Теодоро вышли из храма, народ сначала разразился приветственными воплями, но вскоре они утихли и им на смену пришёл удивлённый ропот.

— Что-то случилось? — не разжимая и губ и даже не убирая с них улыбку, спросил Теодоро.

— Как вам сказать, Ваше Величество...

— Так и скажите. Или намекните хотя бы, что не в порядке.

Предложением я воспользовалась.

— Боюсь, сейчас в глазах ваших подданных моё иерархическое положение выше вашего.

Ответила я обтекаемо, хотя не испытывала ни малейшей жалости к Теодоро, но он понял сразу и сквозь зубы выругался:

— Ксуорсы Бездны! И до меня добралось! Уго уверял, что справится.

— Бласкес либо очень преувеличил свои возможности, либо не хотел, чтобы вы остались Сиятельным, — попыталась я вбить клин в

их дружеские отношения.

— Такое чувство, душа моя, что ты знаешь куда больше, чем говоришь, — неожиданно выдал Теодоро.

Несмотря на неприятное известие, он продолжал милостиво улыбаться. И говорил сейчас совсем не о своём придворном маге, хотя я и сочла за лучшее притвориться, что ничего не понимаю.

— Что вы, Ваше Величество, сеньора Бласкеса я знаю намного меньше, чем вы. Возможно, я к нему пристрастна, потому что он мне не нравится.

Мы дошли до экипажа, в котором собирались возвращаться во дворец, и Теодоро сказал:

— Душа моя, придётся вам воздействовать на будущих подданных. Сегодня они должны быть счастливы оттого, что лицезреют нас, а не задаваться вопросом, куда пропала Сиятельность с короля.

— Я не умею пользоваться флёром, Ваше Величество, — не без злорадства сообщила я. — А сейчас не время этому учиться. Вдруг я перестараюсь и напрочь выхлестну кому-нибудь мозги.

— Это допустимые потери, — ответил Теодоро. — Явление короля народу не всегда проходит без эксцессов. Подумаешь, свихнётся пара человечков. Что за беда?

— А если среди этой пары окажетесь вы, Ваше Величество? — не удержалась я. — Думаете, ваши подданные не заметят, что с вами что-то не то?

— Дерзишь, душа моя, — недовольно сказал Теодоро. — Но в чём-то ты права. Не стоит при мне проводить столь важные эксперименты без подстраховки. Вот когда Уго что-нибудь придумает, тогда и займётся.

В переводе на человеческий язык это означало, что Теодоро вспомнил что он теперь не Сиятельный, решил, что его затронет в первую очередь, и не был уверен, что сможет противостоять. Я даже ненадолго пожалела, что не согласилась, пока была возможность. Пробовать в полную силу я бы всё равно не стала, зато Его теперь неСиятельное Величество был бы куда восприимчивее к моим чарам, а значит, намного стоворчивее.

— Возможно, сеньор Бласкес придумает, как вернуть вам Сиятельность, Ваше Величество.

Он нежно улыбался мне, я — ему. В глазах зрителей мы были почти идеальной парой. Для совсем идеальной не хватало Сиятельности жениху. Теодоро успешно притворялся, показывая, что всё идёт по плану, поэтому недоумения от потери Сиятельности утихли, зато приветственные крики раздавались всё громче. Но то, что там чаще упоминали герцогиню Эрилейскую, чем Теодоро, не радовало ни меня, ни его.

— Хотелось бы, чтобы это оказалось правдой, — проворчал Теодоро. — Не поверишь, душа моя, но я чувствую себя голым.

— Вы сами себе придумываете, Ваше Величество, — заметила я. — Вы даже не сразу заметили пропажу.

— Вор был слишком искусен.

— Простите, Ваше Величество?

— Я говорю, душа моя, меня обокрали и вору это просто так с рук не сойдёт.

— Вы кого-то подозреваете? — осторожно спросила я.

— Исчезновения начались после того, как теофренийские принц и принцесса проехали по стране с молебнами.

Кажется, Теодоро уже прикидывал, не стоит ли объявить под этим предлогом маленькую победоносную войнушку. Следовало выбить из его головы эти мысли показав их опасную сторону.

— То есть вы подозреваете Двуетиного, Ваше Величество?

— Я так сказал? — поражённо повернулся он ко мне.

— Если Сиятельность исчезла после молебнов, значит, это воля Двуетиного, Ваше Величество.

— А мне кажется, что Теофрения в этом замазана по самые уши, — упрямо сказал он.

— Вы можете спросить свою бывшую невесту, Ваше Величество, — предложила я.

— Душа моя, зачем мне поддерживать отношения с той, которую отверг сам Двуетиный? — не моргнув глазом ответил он.

— То есть по снам вы ходите исключительно ко мне, Ваше Величество?

Он едва заметно поморщился. Значит, прав оказался Рауль: стены монастыря полностью перекрыли возможность общения Марселы и Теодоро. И это сильно облегчило наше с Раулем положение. Во всяком

случае, в той части, которая отвечала за безопасность после подрыва Сиятельности.

— Душа моя, зачем мне тратить силы на кого попало?

— Если вы подозреваете в исчезновении Сиятельности Теофрению и имеете возможность выяснить, так ли это, то я не понимаю, почему вы это не делаете. — Я сняла очередной цветок, повисший на плече, и аккуратно положила его между собой и женихом на сиденье. К слову, там их уже целый пук набрался, но выбрасывать цветы из кареты считалось плохой приметой. — Правда, я вообще не понимаю, какая связь между молебнами Двуетиному и Сиятельностью, Ваше Величество. Вы считаете, что Сиятельность Двуетиному неужодна? То есть, по-вашему, вас он благословил, а я неужодна Двуетиному, Ваше Величество?

Я подпустила в голос истеричности. Мне даже особо стараться не пришлось: похоже, это умение я получила вместе с телом.

— Эстефания, душа моя, что ты такое говоришь? — вытаращился на меня Теодоро. — Выверты твоей логики иной раз для меня слишком сложны. Я всего лишь сказал, что не желаю общаться с теофренийской принцессой. К чему мне она, когда у меня есть ты?

— А как же выяснение истины?

— Мне не нужна Марсела, чтобы узнать правду.

Именно этого я и боялась, поэтому не слишком настаивала на том, чтобы отправиться в особняк Эрилейских немедленно, а позволила себя уговорить выпить чаю в компании Теодоро. Правда, после того как к нам присоединился Бласкес, желание угощаться королевскими деликатесами резко пропало, зато появилось желание расстаться с ними прямо сейчас. Я запивала тошноту обжигающим чаем и старалась дышать через раз — к сожалению, совсем не дышать не могут даже Сиятельные.

— Наслышан уже Ваше Величество, — проворчал Бласкес. — Это было бы катастрофой, если бы это с вами случилось первым. Но, считайте, вы уже в самом конце. Осталось от силы человек десять. Да и то они уже все мигают. Кроме этой красотищи. Она горит так ярко, словно не собирается потухать никогда.

Он уставился на меня тяжелейшим взглядом, вколачивающим противника в землю не хуже заклинаний, и я испуганно пискнула:

— Если вы думаете, что Двуетидный передал мне Сиятельность Теодоро, сеньор Бласкес, то вы глубоко заблуждаетесь.

— Не думаю, что Двуетидный имеет к этому отношение...

— То есть вы намекаете, что я обокрала короля? — уже отработанная на Теодоро истеричность пришлась как нельзя кстати.

— Куколка, не притворяйся тупее, чем ты есть, — грубо сказал Бласкес.

Как я понимаю, место будущей королевы не слишком почётно, если придворный маг позволяет себя такое поведение.

— Сеньор Бласкес, вы забываетесь.

— Нет, куколка, это ты забываешься. Точнее, забываешь нам рассказать, что с твоей тёткой, — наехал на меня Бласкес.

— Она не поставила меня в известность о своих планах, — отрезала я. — Она — опекун, я — опекаемая, если вы вдруг забыли, сеньор Бласкес. И потрудитесь обращаться ко мне на вы.

— Да, Уго, будь пожемливей с моей невестой.

— Невеста? Расходный материал, — ничуть не стесняясь, выдал придворный маг.

— Уго, Эстефания — моя невеста, в будущем — твоя королева и мать будущего короля, — уже с угрозой в голосе сказал король.

— То есть у вас, Ваше Величество изменились планы, а вы не посчитали нужным мне об этом сообщить?

— Я их откорректировал с учётом сложившихся реалий. Сдаётся мне, донья Хаго была первой жертвой.

— Первой жертвой?

— Это последствия землетрясения в Пфаффе, — пояснил Теодоро.

— То есть, Ваше Величество, вы считаете, что донья Хаго не причина, а жертва? — даже с некоторой растерянностью спросил Бласкес.

— Эстефания, душа моя, а что ты думаешь? — лениво протянул Теодоро. — Донья Хаго с тобой не откровенничала?

Несмотря на отвратительное самочувствие, в ловушку я не попала. Я не могла знать о руинах в Пфаффе, потому что у меня пропала память, а по легенде новых знаний взять было неоткуда.

— Простите, Ваше Величество, но мне нечего сказать, — покаянно ответила я. — Тётя не была со мной откровенна, так что я

даже не поняла, что вы хотите узнать. Подозреваю, что это что-то из той области, которая для меня недоступна. — Я постучала указательным пальцем по виску и добавила: — Блоки никуда не делись. Но вы только недавно говорили про Теофрению, а теперь перешли на Пфафф.

— Теорий было несколько, — невозмутимо ответил Теодоро. — Но про Теофрению я говорил исключительно для проверки, душа моя. Уго, прими как данность, что донья Хаго не появится. Она, в некотором роде, была порождением Сиятельности. Сиятельность пропала, а с ней и наша надежда на сильную поддержку королевской семьи. Но и не пропади донья Хаго, ритуал становится невозможным из-за исчезновения одного из компонентов — Сиятельных.

Настроение у него было философское. Видно, уже успел смириться с потерей особого свойства, а потеря короны ему не грозила.

— И что теперь? — угрюмо спросил Бласкес, пристально глядя на меня.

Подозревал, наверное, что я обработала патрона флёротом, вот он и передумал приносить меня в жертву. Но, как заметил Теодоро, трудно провести ритуал, при котором отбирается Сиятельность у одной из жертв, при условии, что этой Сиятельности нет ни у кого.

— Я рассматриваю два варианта. Буду говорить прямо, Эстефания. Первый — довести нашу помолвку до свадьбы. Второй — жениться на Теофренийской принцессе, обеспечив тем самым дружеские связи с соседней страной.

— А объединение? — нахмурился Бласкес.

— Уго, друг мой, а зачем оно теперь Теофрениии? Сиятельность повсеместно исчезает, а где-то уже и исчезла. А в самой Теофрениии после проведения молебнов проблемы ушли. Вообще, подозрительная история с этими молебнами. Но речь не о них, а об объединении стран. Сейчас это возможно, только если принц умрёт. — Он говорил равнодушно, просто прикидывая варианты, я же едва себя не выдала, вздрогнув от испуга. Бледнеть мне было дальше некуда — присутствие Бласкеса делало цвет моего лица постоянно благородно-бледным. — Тогда да, тогда может что-то получиться. Но мне не нравится ни эта мысль, ни женитьба на Марселе. Она слишком легко предаёт. А если нас обвинят в смерти теофренийского принца, то и страну придётся

присоединять военным путём. Так что брак с герцогиней Эрилейской кажется мне предпочтительней. Тем более что в этом случае она не сможет упорхнуть со своим герцогством, присоединив его к соседней стране.

— А если?.. — Бласкес не договорил, но Теодоро его прекрасно понял:

— Мне без разницы, Уго. То, что мне нужно в браке, от этого никуда не денется.

— К тому же неугодную жену всегда можно сплавить в монастырь или на плаху, — проворчал Бласкес.

Лицо его разгладилось, потому что думал он сейчас исключительно о приятных вещах.

— Извините Ваше Величество, но мне становится нехорошо от таких разговоров. — Мне было не просто нехорошо, я уже с трудом удерживалась от того, чтобы не упасть в обморок. — Могу я вас покинуть? Меня уже должна ожидать портниха с платьем для последней примерки.

— Можешь идти, душа моя, — милостиво разрешил Теодоро. — И запомни, что в нелёгком выборе я отдал предпочтение тебе.

Глава 36

С Раулем мы виделись примерно раз в неделю: слишком много ему требовалось сил, чтобы ко мне пробиться и слишком долго он после этого восстанавливался. Встречи были короткими и всегда заканчивались поцелуем, от которого у меня в голове становилось легко и пусто, как наверняка и у Рауля, который всё настойчивей предлагал мне бежать, уверяя, что сможет меня спрятать.

Признаться, если бы не артефакт Бласкеса, которым он здорово мне подгадил, я бы приняла предложение Рауля и удрала через сон, но я не была уверена, что теофренийский принц сможет разобраться с изделием придворного мага. Во сне браслета на моей руке не было, и понять, что из себя представляет артефакт, можно было только по моему рассказу, а я могла не заметить что-то важное. Подставлять целую страну я не имела права, как бы мне ни хотелось очутиться в безопасности. Иногда мне казалось, что Бласкес прекрасно знает, где я была всё это время, и собирается это использовать как рычаг давления на меня. А это — дополнительная возможность влияния на Теодоро, которому я начала изменять, ещё не выйдя за него замуж, пусть и во сне. Ни малейших угрызений совести по этому поводу меня не было.

Конечно, Бласкес и без того имел немалое влияние на короля, но влияния, как известно, много не бывает. И основания для шантажа у придворного мага были, поскольку Теодоро ранее настроился на то, что земли Теофрении — его, поэтому частенько при мне размышлял, не получить ли военным путём то, что не удалось получить в результате женитьбы. Требовалось ему хоть какое-то удовлетворение после потери Сиятельности. Удерживало его пока только то, что вместе с Сиятельностью, большинство магов потеряли очень много в уровне Дара, поэтому у короля не было уверенности в готовности армии, ударный кулак которой составляли как раз маги. И это его бесило, а ещё его бесило то, что в Муриции к этому времени только у меня сохранилась Сиятельность и не было ни единого признака её пропадания. Иногда, когда он бросал что-то обвиняющее при Бласкесе, я ловила на себе задумчивый взгляд придворного мага. Не знаю, догадывался ли тот о причинах или просто его смущало моё

непрекращающееся сияние, в любом случае он молчал, но опасностью от него разило в не меньшей степени, чем вонью.

Во дворце я вынужденно появлялась, но благодаря тому, что на меня надели артефактный браслет, имела и некоторую свободу передвижений. В особняке Эрилейских я ночевала куда чаще, а сегодня так вообще собиралась провести весь день, пытаюсь не сорваться в истерику и подготовиться к завтрашней церемонии. Морально, конечно, потому что всю остальную подготовку меня как невесты на себя взяла экономка, развившая бурную деятельность и настолько сияющая от счастья, словно замуж за короля выходила она сама. Счастливой выглядела и остальная прислуга почему-то уверенная, что это награда Двуетидного за страдания Эрилейских. Всех Эрилейских я не знала, но и двух представителей этого рода было достаточно, чтобы понять: награждать их не за что. Конечно, брак с Теодоро можно было считать наказанием, но тогда непонятно, почему за грехи Эрилейских должны расплачиваться другие...

Это утро начиналось как обычно — завтраком в компании Альбы в моей личной комнате. В столовой в одиночестве я чувствовала себя неуютно. Она была огромной и давила на меня своим немаленьким пространством. Правда, в спальне тоже было чему на меня давить. Там висело свадебное платье как постоянное напоминание о грядущем бракосочетании с Теодоро. Но я расположилась за туалетным столиком так, чтобы даже краем глаза не зацепить это великолепие и не испортить себе настроение.

— Двуетидный, как можно есть в спальне? — раздался возмущённый голос Кати. — Как можно есть и спать в одном месте, если ты не болен? Ты меня позоришь. Я вовек не отмоюсь от твоих отвратительных манер. Моя репутация упадёт — как там у вас говорится? — ниже плинтуса.

Теперь она даже не скрывала своё отношение ко мне, как к временной замене, как к нужному жертвенному барашку.

— Я в тоске по пропавшей тётушке, мне можно, — ответила я и откусила кусочек хрустящего тоста, намазанного джемом.

Альба прижалась ко мне, пытаюсь стать как можно больше незаметной. И чего она переживает? Фамильяров не видят те, кому фамильяры не хотят показываться, и те, кому не хотят показывать фамильяров хозяева. В нашем случае были сразу обе причины.

— Не сильно-то ты тоскуешь, — проникательно заметила Катя. — Неужели она так и не появилась? Или ты забыла передать мою просьбу?

— Как видишь, не появилась, — признала я. — И ты права, меня это ни капельки не расстраивает. Ни на кончик ногтя.

Я с удовольствием показала ей этот самый кончик, прекрасно подточенный и покрытый розовым лаком. Безупречный ноготь. И чем он не нравится этой стерве? Вон как скривилась.

— А ты обнаглела, — зло сказала она. — С чего бы это? Учти, тётя появится, будешь молить её о смерти, если не сможешь договориться.

И тут она заметила Альбу, которая оказалась для неё очень даже видимой.

— Это фамильяр? Мой фамильяр? — выпалила она со странным выражением на лице.

— Мой фамильяр, — с нажимом возразила я.

Отказываться от одной из немногочисленных подруг в этом мире я не собиралась. Да, я бы предпочла о ней умолчать, но Катя Альбу уже заметила.

— Но если это фамильяр, значит, тётя больше не появится? — радостно спросила она и сама себе тут же ответила: — Разумеется, не появится. Ведь с новым фамильяром ты могла себя связать только после разрыва связи с прежним. А это не могло случиться, если бы прежний был жив. Я права?

Альба сжалась в комочек, стремясь слиться с моим утренним лёгким платьем. Чего она так испугалась, я не поняла. Проболтаться моя предшественница не проболтается: сюда её приносит только ко мне. С бывшим фамильяром она тоже как-то общалась, но в свои секреты меня не посвящала. А вот к другим в этом мире она прийти не могла, в этом я была уверена: моих знаний хватало, чтобы понять — чтобы душа притянулась, должна быть крепкая связь между ней и тем, к кому притягивается.

— Понятия не имею, я не столь сильна в магии, — не скрывая насмешки, ответила я.

— Могла бы и разобраться за это время, — презрительно бросила она и перевела взгляд на висящее платье, после чего остальное потеряло для неё значение. Она закружила вокруг него как акула

вокруг добычи. — Какое чудо! Именно в таком я мечтала выходить замуж.

— Почему же не сделала, когда была возможность?

— Ты не понимаешь, — она высокомерно улыбнулась. — Ты герцогиня только по названию, у тебя нет ни Сиятельного воспитания, ни Сиятельного вкуса. Там, где я сейчас, это платье было бы неуместно, а вот тут — напротив.

Она протянула руку, но рука прошла сквозь платье, и лицо Кати исказила злая гримаса. Бывшая герцогиня потребовала: — Приложи к телу, чтобы я посмотрела, как выглядит. А лучше надень.

— Не хочу, — отрезала я. — У меня оно не вызывает такого восторга, как у тебя, а завтра мне придётся таскать его целый день.

Платье было красиво, не поспоришь, но у меня вызывало лишь отвращение. Как вызывала отвращение и грядущая свадьба. У меня зрело стойкое желание позволить Раулю выкрасть меня из сна, в котором мы сегодня встретимся, и я бы ему не сопротивлялась, если бы была уверена, что радиус круга, внутри которого Теодоро мог меня выдернуть, теперь не затрагивает Теофрению, а браслет Бласкеса на моей руке можно каким-то образом отключить.

— Завтра? Уже завтра ты выходишь за Теодоро? — Она заметалась по комнате, как настоящее привидение. — Но этого не должно случиться. Не должно! На твоём месте должна быть я! Отдай мне моё.

Она с таким зверским видом протянула ко мне руки, что я испугалась: сейчас начнётся борьба за это тело и меня вышвырнет наружу, как паразита, занявшего чужое место. Я даже успела испугаться за свою душу, с которой непонятно что произойдёт. Но Катя не смогла даже прикоснуться, не то что залезть внутрь. И почти сразу её потащило прочь. И её лицо, искажённое ненавистью, отдалялось и отдалялось, пока не исчезло вовсе. Но ненависть на нём оставалась до самого последнего мгновения. Неприятное зрелище. Никогда не думала, что могу так противно выглядеть.

Когда Катя окончательно пропала, я с облегчением выдохнула и подумала, что надо было спросить при её появлении, пока она не отвлеклась на платье, Теодоро и свадьбу, нет ли у неё идеи по предотвращению брака. В конце концов, она куда лучше меня

разбиралась во всех хитросплетениях теперь уже неСиятельных интриг.

— Мне она не нравится, — тихо сказала Альба.

— Мне тоже. Но до нас она может добраться только привидением. Да и то, насколько я понимаю, не всегда по своей воле, — ответила я, поглаживая фамильяра по мягкой шёрстке. — А в таком виде она не может ничего сделать ни мне, ни тебе.

Умом я это понимала, но в сердце всё равно поселилось беспокойство. Вспомнились слова Рауля о том, что Эрилейские меня используют и после уничтожат. Ведь Эстефании теперь даже не нужно проводить обмен, достаточно просто выковырять меня из этого тела. Это для обмена требовалось моё согласие, будет ли оно требоваться, если Эстефания решит вернуть себе своё? А она точно хотела, но провести обратный ритуал не предложила, и это настораживало.

— Альба, а что будет с тобой, если я вдруг исчезну?

— Я не знаю, донья, — тихо ответила она. — Возможны варианты, и среди них есть не очень хорошие.

Это было плохо, потому что, если меня отсюда унесёт, я не смогу вернуться. И что тогда будет с фамильяром, который формально присягал мне, как герцогине Эрилейской? Неужели настоящая герцогиня сможет присвоить мою Альбу? Вариант, что она погибнет, мне тоже приходил в голову и пугал куда сильнее. В конце концов, все люди смертны, а Альба присягала мне, а не роду, и в случае, если права на неё перейдут другому человеку, то фамильяр освободится с его смертью. А вот если Альба умрёт, то ничего изменить будет уже нельзя.

— Альба, а если разорвать нашу связь? Нехорошие варианты уйдут?

— Я не хочу, донья, — неожиданно твёрдо ответила она. — Я прожила слишком долго, чтобы отречься от такой хозяйки, как вы. Я разделю вашу судьбу, какой бы она ни была.

— Если меня развеет, я не хочу, чтобы развеяло и тебя.

— Это мой выбор, донья, — упрямо ответила она.

— А мой — не позволить тебе погибнуть со мной. Ты знаешь, что нужно делать, чтобы разорвать связь?

— Я вам в этом не помощник.

Завтрак уже не лез мне в рот, поэтому я быстро допила остаток кофе из чашки и почти побежала в библиотеку. Она здесь была куда меньше, чем в замке Эрилейских, но я надеялась, что смогу найти что-то, позволяющее освободить Альбу. Сама она бежала рядом со мной и ворчала, чтобы я выбросила все эти глупости из головы, ибо есть проблема посерьёзней.

— Какая проблема? — спросила я, хотя была уверена, что она сейчас пытается меня отвлечь.

— Если вы, донья, допускаете, что прежняя Эстефания вернётся, то она узнает всё, что с вами было. Узнает и доложит мурицийскому королю.

Я замерла на месте, испуганно охнув. Потом спохватилась:

— Да нет, же я знаю, как поставить блок на память.

— Донья, вам нужно не просто знать, но и быть готовой в любой момент поставить, — заметила Альба. — Сделать заготовку, понимаете? Прямо сейчас сделать.

Предложение оказалось очень своевременным, потому что это было единственное, что я успела: сделать заготовку и выдрать собственные воспоминания, когда неведомая сила потащила меня из тела, пытаясь выбросить не только из него, но и из мира. В этот раз я даже видела связующую нить и понимала, что стоит пройти по ней — и Теофрения, а вместе с ней и Рауль окажутся в безопасности, а мне больше не придётся ни выходить за Теодоро, ни бояться Бласкеса. И я была готова уйти, но всё же выдиралась тяжело, потому что успела зацепиться в этом мире. Потому что тут оставались те, кто глубоко пророс в моё сердце и с кем я никогда больше не увижусь, если отсюда исчезну. И Альба... Я так и не смогла её освободить.

Но от меня зависело очень мало: без согласия душа выдиралась тяжело и болезненно, но выдиралась. Я только и успела закончить с блоком, привязывающим воспоминания к душе, как вылетела из одного тела и практически тут же влетела в другое.

Первое, что я увидела в своём старом мире: несущуюся на меня машину. Буквально на автомате я выставила защиту, но её оказалось недостаточно: машина в меня врезалась, я отлетела, ударилась об асфальт и потеряла сознание.

Глава 37

Когда я пришла в себя, в первый момент показалось, что ничего не изменилось: я всё так же лежу в коме, а все мои приключения в другом мире — лишь плод фантазий воспалённого мозга, который согласен на что угодно, кроме пожизненной неподвижности тела. И даже голос врача, запомнившегося мне по коме, был тот же. Но первые же услышанные слова доказали, что случившееся было реальностью.

— Никогда себе этого не прощу. Если бы не мои слова, она бы не бросилась под машину.

— Саш, успокойся. Поверь мне, твоя жена — не из тех, кто сводит счёты с жизнью. Она не стала бы самоубиваться. Разве что поугубить тебя? С этим она прекрасно справилась.

А это был уже другой голос. Незнакомый и женский, отчего во мне внезапно зародилась ревность. И чувство это было не моим, оно досталось мне вместе с поношенным герцогиней телом, чужими воспоминаниями и чужой жизнью. На меня навалилось всё сразу, и это оказалось неожиданно куда тяжелей, чем первый перенос. Потому что я вернулась на руины собственной жизни в этом мире — Эстефания постаралась от души.

— Возможно, не собиралась. Но она была так расстроена, что не видела, куда идёт. И вот... Катя такая эмоциональная.

— Саш, ты уж прости, но эмоциональности в твоей жене, как в бревне. Она хитрая расчётливая стерва.

— Ты ничего не понимаешь...

— Да всё я понимаю. Это ты почему-то чувствуешь вину за то, чего не делал. Знаешь, если бы я верила в колдовство, я бы предположила, что она тебя опоила любовным зельем, а потом действие его закончилось — и ты прозрел. Ты был как в тумане, Саша, а сейчас этот туман развеялся, и ты увидел свою жену такой, какая она есть на самом деле.

Дама была не так уж неправа. Только вместо любовного зелья был Сиятельный флёр. Флёр выветрился, и Саша действительно перестал понимать, что же он нашёл в своей жене, которая была сплошным сгустком эгоизма. И почему только она положила взгляд на него, а не

на какого-нибудь олигарха? Ответ пришёл сам собой: потому что влюбилась и захотела, чтобы он принадлежал только ей. Оказывается, герцогиням чувства тоже не чужды, особенно если они могут временно поиграть чужую роль. И игра была бы успешной, если бы не случилось в её жизни я, уничтожившая Сиятельность как признак.

— И сейчас я не уверена, что она не притворяется, потому что серьёзных повреждений у неё нет. Ты сам видел результаты обследований. Только небольшое сотрясение.

Было странным ощущать в себе отголоски чужих чувств, этакое раздвоение личности и совсем не забавное, потому что те чувства Эстефании, которые мне достались, они были... тухлыми? Именно так, другого слова у меня не было. Даже столь светлое чувство, как любовь, и то оказалось перекошенным в сторону обладания. Хорошо, что я была избавлена от всего личного, когда попала в её тело.

Разговоры надо мной не то чтобы прекратились, но переместились в коридор, я перестала прислушиваться и открыла глаза. Руку я тоже подняла, чтобы убедиться, что могу двигаться и мне не придётся срочно запускать процессы самоизлечения. Огонёк, который я вызвала на кончиках пальцев, был маленьким и слабым, но он был, и значит, магия осталась при мне. Или знания? Точно, знания. Эстефания же говорила, что я маг, но необученный. А сейчас сложились магия и обучение.

Страшная слабость и желание ни о чём не думать — так определялось нынешнее состояние. Я не желала копаться в прошлом Эстефании, которое в некотором роде опять стало моим. Разве что немного прошла по верхам, чтобы понять, как мне теперь жить. После чего захотелось забыть всё, что я узнала.

Эстефания перессорилась со всеми моими близкими людьми и завела подруг, в точности таких же, как были у неё в Муриции — оплюют сразу, стоит оступиться. Что же касается скандала, который она устроила своему мужу, то устраивала она его специально, чтобы тот испытывал чувство вины после её смерти. Она была уверена, что моё тело погибнет.

Я закрыла глаза и принялась проверять связь с Альбой. Она осталась, пусть была совсем тонкой и почти прозрачной, но этого хватало, чтобы фамильяр не подпал под власть Эстефании. Покопавшись в памяти, я даже узнала, как моя предшественница

связывалась с доньей Хаго, но сил у меня на это пока не было. Единственное, что я смогла сделать — отправить ману по нашей связи. Я помнила, что именно это нужно фамильярам от хозяина и что именно это поддерживает их существование.

Ещё я обнаружила, что Сиятельность осталась. Странное дело, я была уверена, что уж она-то точно связана с телом и с тем миром. Но если она осталась при мне, то значит, Эстефании ничего не досталось или достались такие крохи, который быстро развеются. Теодоро непременно порадует, а то его расстраивало, что невеста никак не потухнет. Вспомнив про Теодоро, я сразу вспомнила про Бласкеса и испуганно подняла вторую руку к лицу. Но Эстефания получила тело вместе с контролирующим браслетом. Слава Двуетидому, артефакт не перенёсся за мной сюда. На этой мысли я и отключилась.

Когда я пришла в себя второй раз, за окном было совсем темно, а возле моей кровати дежурил «мой муж». Чужие чувства больше не казались моими, поэтому я воспринимала его как постороннего человека.

— Катюша, ты пришла в себя! — обрадовался он.

Его лицо стало по-настоящему счастливым и даже на какой-то миг показалось родным, но всё это закончилось, как только он взял меня за руку. Прикосновение было неприятным. Это было прикосновение совершенно чужого мне человека. Возможно, хорошего, но чужого.

— Отпусти мою руку, — попросила я.

Похоже, исцеление я запустила произвольно, потому что сейчас чувствовала себя сносно, в физическом плане — точно, и единственное чего хотела — добраться до душа. И чтобы никто не трогал. Оба пункта не особо выполнимы. Во-первых, я в больнице, а во-вторых, квартира у меня общая вот с этим вот Сашей. И даже к маме я не смогу уехать, потому что мамы не было. Инфаркт после одного из выкрутасов Эстефании, которого мне сестра не простила.

— Катюша, не отталкивай меня. Я знать не знаю, что на меня нашло, когда я на тебя всё это вывалил.

— Прозрение? — предположила я. — Саша, нам нужно развестись.

Это показалось особенно важным: освободиться от любых привязок к людям, которые были ценны для Эстефании, но не значили ничего для меня.

— Катюша, ну что ты... — Он страдальчески поморщился. — У меня без тебя ничего не получается. Всё валится из рук. Я как узнал о несчастье с тобой, места не нахожу, всё себя виню.

Он выглядел как побитый пёс, видно, остатки флёра ещё действовали, туманя мозги и привязывая его почище цепи. Но туман рассеивается и рано или поздно пропадёт совсем.

— Саша, это пройдёт — уверенно ответила я. — Скоро я тебе вообще не буду нужна. У тебя же была девушка до того, как...

Была, это я точно помнила, а также то, что Саше было строго-настрого запрещено о ней упоминать. Усвоил он это прекрасно.

— Катюша, ты — моя единственная любовь. Если что-то было до тебя, то я этого не помню.

Может, и действительно не помнит? Я не знала, на что способен флёр в умелых руках, но экспериментировать не собиралась. Не повезло парню, что он попал под Сиятельное внимание. Его привязали, а потом бросили, потому что взять с собой возможности не было, да и в другом мире — другие игрушки. И игроки там тоже другие, более высокоранговые, у которых в игрушках уже будет сама Эстефания.

— Что мне сделать, чтобы ты меня простила за мою несдержанность?

— Саша, я не хочу находиться в больнице.

Опять пришло чувство раздвоения. Я говорила с человеком, которого я знала давно и любила. И одновременно он был для меня чужим. Просто одним из миллионов людей, который не стал своим и никогда не станет.

— Катюша, ты в нашей клинике. Здесь лучшие специалисты и лучшие методы.

Чужие воспоминания опять прояснили ситуацию. Эстефании удалось уговорить этого Сашу уйти в свободное плавание и открыть собственную клинику. Причём все необходимые урегулирования она взяла на себя, и даже платить никому не пришлось — флёра хватило. Саша был владельцем процветающей клиники, только не знал, что основное лечение в ней проводит жена. И бросая этот мир, Эстефания прекрасно понимала, что Саша без нее не выплывет. Хотя... Я вгляделась. А ведь он маг. Не знаю, сколько там кругов Силы, но на целительские заклинания должно хватить.

— Тем более, ты можешь меня отсюда увести. Мне нужно серьёзно с тобой поговорить. Но не здесь.

— Катюша, а не отложить ли нам разговор до того времени, как тебе станет лучше? — предложил он с искренней заботой обо мне.

— Я чувствую себя прекрасно. И дорогу до дома перенесу без проблем.

Я бы предпочла любое другое место, но похоже, здесь у меня не осталось ни родственников, ни друзей. И неизвестно удастся ли исправить то, что натворила Эстефания.

— Саша, я хочу домой, — твёрдо сказала я. — Поехали.

Я села на кровати, а потом встала, показывая, что я не собираюсь тут разлёживаться. Требовалось расставить точки над *i*, и я пока не знала, как это сделать с наименьшими потерями для всех нас. Я вообще чувствовала себя, словно на распутье перед камнем, обещающим проблемы, куда бы я ни направилась. Значит, следовало подумать, где эти проблемы будут наименьшими.

— Хорошо, — сдался он. — Съезжу за твоей одеждой, и отправимся домой.

Отсрочка меня не устраивала. Я чувствовала, что разрубить этот узел нужно чем скорее, тем лучше, но заводить такой разговор в больнице — прямой путь на излечение к психиатру. Конечно, я довольно долго отсутствовала в этом мире, но не думаю, что за время моего отсутствия что-то изменилось и магия считается чем-то обыденным. И клятва, обоюдная клятва с герцогиней Эрилейской... Нужно придумать, как её можно обойти. Внезапно я поняла, что эта клятва меня больше не связывает. Похоже, она была зеркальной и Эстефания озаботилась тем, чтобы клятва слетела, когда произойдёт обратный обмен.

— Да кто меня сейчас увидит? Темно.

— Тебя это совсем не беспокоит? — удивился он. — Ты говорила, что твой облик должен быть безупречен всегда.

— Для той, что чуть не погибла под колёсами машины, мой облик вполне себе безупречен.

— Катюш, я тебя не узнаю...

— Поехали, Саша, поехали, — нетерпеливо сказала я.

Похоже, отказывать жене Саша не научился, поэтому вскоре мы уже сидели в машине. Я откинула голову на подголовник и попыталась

представить, что и как говорить, чтобы чужой муж понял, что он действительно чужой, а нас с ним ничего не связывает. Подумалось, что было бы забавно, если бы Двуетный отказался благословлять брак Теодоро и Эстефании, апеллируя к тому, что вторая уже успела поклясться в верности другому, но шанс на это был мизерный, поскольку божью поддержку на себя взял Бласкес и до сих пор справлялся с этим так хорошо, что никто ничего не заподозрил. Даже бывшая подруга доньи Хаго была уверена, что благословляет королевскую чету лично местное божество.

Вызов от Альбы вклинился в мои размышления как неявное зудение на краю сознания. Я даже не сразу поняла, что это, а поняв — потянулась к фамильяру через нашу связь. Благо эти воспоминания Эстефания оставила.

— Альба, я так рада, что ты в порядке. У тебя есть возможность сообщить Раулю? — быстро бросила я, помня, что связь долго не продлится.

— Донья, я уже сообщила сеньору. Он просил вам передать...

Но что он просил передать, я уже не услышала. Связь оборвалась резко: то ли переданной магии не хватило, то ли расстояние было слишком большим. Разговор получился даже короче, чем я ожидала. Хорошо, что успела узнать хоть что-то. И просто отлично, что Рауль не попытается связаться с той Эстефанией. Рауль...

— Катюша, не плачь. Всё будет хорошо, — раздался виноватый голос Саши.

Я с удивлением поняла, что действительно плачу, потому что тяжесть на сердце короткий разговор с Альбой не рассеял. Я вытерла глаза и сказала:

— Ты бы следил за дорогой, а не за мной.

— Прости.

Глава 38

Я стояла перед платяным шкафом и размышляла, могу ли считать эти вещи своими. Конечно, их носило моё тело, и всё же, дотрагиваясь до любого предмета, я чувствовала брезгливость, словно на вещах осталось грязное присутствие бывшей Сиятельной. Хорошо, что и нераспакованных предметов гардероба было в излишке — Эстефания затарилась так, словно собиралась задержаться тут на долгие годы, а краник с одеждой перекрывали в ближайшее время. К стопке чистой одежды я добавила новое полотенце, новую мочалку и новый шампунь — не хотелось пользоваться ничем из того, что прикасалось или могло прикасаться к Эстефании, пусть даже, когда она была в моём теле. Казалось, все мои чувства обострились. Возможно, причиной этому была попавшая сюда со мной Сиятельность.

В ванной я встала под душ и отдраивала себя так, словно могла отмыть тело от чужого посещения. Но отмыть я могла только снаружи, внутри у меня всё также оставались её мысли и чувства, так отличные от моих, что мне страшно было ощущать их в себе. И я их никоим образом не могла удалить — увы, ёршик для прочищения головы от чужих мыслей пока не придуман. Разве что магический? Появилось желание собрать это всё и запечатать, но пока я не могла себе этого позволить.

На затылке оказалась шишка, а на теле — такое множество синяков, что я даже засомневалась, какого цвета моя кожа. Мало ли что с ней наэкспериментировала Эстефания. Конечно, в памяти у меня ничего такого не наблюдается, но вдруг свои самые грязные секреты она запечатала?

Из ванной я выбралась посвежевшей, и даже в голове перестал твориться бардак, хотя я всё равно не представляла, как начать разговор, чтобы Саша не решил, что удар по голове не прошёл для меня бесследно. Вряд ли он будет рад тому, что жена выжила, если окажется, что она спятила.

— Катюша, — позвал меня Саша, — ты будешь есть?

— Буду, — сразу согласилась я, поскольку это оттягивало начало разговора. — И чай буду. А вот спиртное убери, пожалуйста. Я не хочу,

чтобы завтра ты посчитал, что разговор тебе почудился в пьяном угаре.

— Не преувеличивай, — Саша поморщился. — Я не пью. Только немного стресс сбрасываю изредка.

— С этого и начинается алкоголизм, — заметила я и залила содержимое пузатенькой рюмки назад в бутылку с коньяком.

Саша проводил потерю расстроенным взглядом, но не подумал не то что отбирать, даже протестовать. Зато полез в холодильник и выставил несколько контейнеров с едой на мой выбор. Я сказала, что мне абсолютно всё равно, что есть, главное — чтобы было, что пить, и отправилась искать чай, пока Саша поставил греть нечто подозрительно напоминающее ту кашу, которой меня кормили в особняке Эрилейских. Некоторые пищевые привычки лучше с собой не забирать, но Эстефании я это уже вряд ли когда-нибудь скажу — связь между нами полностью порвалась после обмена, и единственная связь, которую я чувствовала — это связь с фамильяром. Только Альба осталась моей зацепкой в том мире.

Чайные пакетики отсутствовали как класс, Эстефания потребляла только чай высшего качества, экзотических сортов и свежезаваренный. Разумеется, этим занималась не она, а домработница, а то, не дай Двуетиний, ноготок сломается или ручки испачкаются. Поскольку телом она планировала распоряжаться долго, то и относилась к нему аккуратно, не позволяла лишний раз использовать на работах, которые, с её точки зрения, должна была выполнять чернь. Переместившись в моё тело, она продолжала чувствовать себя и герцогиней, и Сиятельной и вела себя соответственно.

Я заваривала чай под удивлённое молчание Саши и внезапно подумала, что лучше один раз показать, чем десять раз объяснять, поэтому я прикрыла чайник полотенцем, повернулась к Саше и сказала:

— Смотри.

А после запустила то самое заклинание с кольцами Силы, которое нам показали первым в академии Теофрении.

— Ого, — отреагировал Саша. — Это фокус такой? Как ты это сделала, Катюш?

Я немного замедлилась с ответом, поскольку колец я насчитала аж пятнадцать, и это было ровно на две штуки больше, чем было в теле Эстефании. Получается, я сильнее? Или это влияние Сиятельности,

которой я хапнула при закрытии прокола? Я же не проверяла свою силу после выезда из Пфаффа, не до этого было. А кольца были хорошие, яркие, мне даже показалось, что есть задел на шестнадцатое.

— Это, Саша, магия.

Я ещё раз пересчитала кольца, убедилась, что не ошиблась с количеством, погасила их и зажгла огонёк на кончиках пальцев. Всё это время Саша как замороженный, смотрел на мои руки.

— В каком смысле магия? — хрипло спросил он.

— В самом прямом. Я показываю тебе это, чтобы ты не решил, что я сошла с ума, когда я тебе скажу, что ты женился не на мне.

— В каком смысле не на тебе?

Он перевёл взгляд с моих пальцев на моё лицо и нахмурился.

— В смысле, что в этом теле была другая душа.

— То есть ты, не знаю, как к тебе обращаться, заняла чужое тело?

Он принял магию как нечто само собой разумеющееся, но почему-то сразу посчитал меня преступницей. Это меня возмутило до основания. Меня обманули и использовали, а виноватой почему-то сейчас пытаются представить меня. Возможно, это было эхо чувств Эстефании, но мне не хотелось, чтобы её муж плохо думал обо мне.

— Нет, Саша, я не занимала чужое тело, я вернулась в своё. Это я — Катя Мельникова. Но я не давала согласия на брак с тобой.

— Хорошо, положим, это так. Но как так получилось, что на твоём месте был кто-то другой? Честно говоря, меня эта ситуация сильно напрягает.

Пришлось коротко ему рассказать о нашем договоре с Эстефанией, о том, что мы обменялись телами, потому что меня собирались принести в жертву. Именно меня — душу Екатерины Мельниковой должен был сожрать фамильяр Эрилейских, чтобы продолжить своё существование.

— Как я могу быть уверен, что ты говоришь правду? — подозрительно спросил Саша. — Ведь ты точно так же могла занять место моей жены... Боже, что я несу? — он наморщил лоб и принялся его тереть.

Наверное, пытался втереть в мозги новые знания, не укладывающиеся в прошлое видение мира.

— Если бы я оказалась той, кто заняла чужое место, зачем бы я стала тебе об этом рассказывать? Логичней было бы скрыть.

— Отнюдь, — он поднял палец, словно пытаясь привлечь моё внимание. — У тебя изменилось поведение. Этого никак не скрыть.

— Именно, — подтвердила я. — Наверняка твоей жене прежние её знакомые постоянно говорили, что она изменилась.

— Было такое, — сдущся он. — Но это могло быть отнесено на последствие комы.

— А что мне сейчас мешало заявить, что изменившееся поведение — последствие потери сознания? Если прошлые изменения оказалось так легко объяснить?

— Какая забористая дичь... Мне кажется, что это дурной сон... Катюш, скажи, что ты пошутила, а?

— Увы, это вовсе не сон. Из комы выходила уже не я, а после аварии — опять вернулась я.

— А зачем ты мне вообще это рассказываешь? — зло спросил он. — Не проще ли было бы оставить всё как есть?

Смотрел он на меня с жуткой смесью недоверия и уверенности в том, что я говорю правду. И нежеланием принимать то, что от меня узнал.

— Затем, чтобы ты понял, что ни в чём не виноват. На тебя воздействовали магией. Она и сейчас в тебе осталась, но практически выветрилась.

— Положим, ты права. Но зачем я был нужен этой потусторонней сущности?

— Почему потусторонней? — опешила я. — Это была девушка из другого мира, и она просто в тебя влюбилась. Захотела себе.

— Но я же был фактически нищим по её запросам? — он задумался и выдал: — Возможно, она не так плоха, как ты считаешь...

— Саша, ты для неё был игрушкой. Почти комнатной собачкой. А насчёт того, что неплохая... Она могла спасти мою маму — инфаркт случился в её присутствии, но Эстефания даже пальцем не пошевелила.

А её мысли при этом были до невозможности мерзкие. Настолько мерзкие, что я не смогла бы повторить их вслух. Она радовалась, что избавляется от человека, который стал догадываться, что с дочерью что-то не то.

— Катя, у неё нет медицинского образования. Что она могла?

— Саша, а как ты думаешь, почему в твоей клинике выздоравливают даже раковые больные на четвёртой стадии? — вкрадчиво спросила я. — Нет, она, конечно, здорово тебе мозги запудрила, но неужели тебе ни разу не приходило в голову, что для этого одной удачи мало?

— То есть она тоже лечила магией? — понял он. — Но это доказывает, что она была хорошим человеком.

— Не буду с тобой спорить, — ответила я. — Но подумай на досуге, что этот хороший человек использовал свои знания лишь для получения денег и что, как только у неё появилась возможность вернуть своё положение, она не задумываясь бросила и тебя, и твоих пациентов. Правда, до этого у неё ещё и Сиятельность пропала и она не могла больше долбать тебя флёром.

— Прости, чем долбать?

Я прикрыла глаза, гася желание показать ему на практике чем. Потому что у меня, в отличие от Эстефании, возможностей придавить флёром хватало. Мне вообще казалось, что меня сейчас распирает от избытка Сиятельности, которую некуда было девать. Я нащупала связь с Альбой и принялась отправлять ей энергию. Это успокаивало и отрезвляло.

— Особенности местной аристократии. После обработки ты считал её совершенством и был на всё готов ради неё. Проблема в том, что обработка не пожизненная, повторять надо, а с тебя к этому времени почти выветрилась. Ты начал сомневаться, что она «самая-самая», и это было для Эстефании нестерпимо.

Я посчитала, что чай достаточно заварился, и принялась разливать его по чашкам, хотя мне уже казалось, что коньяк был бы очень неплохим вариантом сейчас и для меня, и для Саши. Он выглядел совершенно потерянным, а у меня в голове творился полный сумбур. Я даже не знала, к чему первому приступить, чтобы попытаться вернуть собственную жизнь: всё прежнее было не просто уничтоженным, а ещё и залитым напалмом, чтобы точно ничего не возродилось. Я не была уверена, что смогу поговорить даже с сестрой и что-то ей объяснить. На её месте я бы точно не стала себя слушать. И верить бы тоже не стала.

— И всё-таки, зачем ты мне это рассказала? — недоумевающе спросил Саша, уставившись в чашку, которую я поставила перед ним.

— Ты могла просто подать на развод и раздел имущества. И я не стал бы выступать против, ты знаешь?

— Знаю. Мне доступно всё, что она делала в моём теле, и всё, что думала. Именно поэтому я хочу исправить то, что могу. Я не хочу, чтобы ты корил себя всю жизнь за то, в чём не виноват. Я не хочу, чтобы она чувствовала себя победительницей. Ты справишься и без неё, уверяю тебя.

— Если мои успехи были результатом её магии... — криво улыбнулся он. — Знаешь, я почему-то полностью тебе верю. Теперь чувствую, что ты не она.

— Чувствуешь, что я чужая, — понятиливо кивнула я.

— Напротив, чувствую, что ты на той же волне, что и я, — неожиданно ответил он. — Той Кате было очень сложно объяснить некоторые вещи. Получается, что двум своим пациентам я не смогу помочь.

— Саша, а вот тут ты не прав. Я точно не знаю, какие клятвы привязываются к душе, но чувствую, что смогу поделиться знаниями Эрилейских, пока ты формально мой муж. Разумеется, при условии, что ты дашь клятву передавать знания только внутри семьи. Я не уверена, что это сработает, но мы попробуем, потому что ты — маг.

— Тогда мне невыгодно с тобой разводиться, — невесело усмехнулся он. — Кстати, получается, она тоже могла меня обучить, но не захотела? Как-то дико понимать, что был всего лишь игрушкой для другого человека.

— Если тебя это утешит, могу сказать, что Эстефания тебя по-своему любила. А что она старательно разрушала твою жизнь, так это потому, что Сиятельные иначе не могут.

— Сиятельные — это кто? Ты всё говоришь: «Сиятельные», а чем они отличаются от обычных людей?

— Вот этим? — Я засияла так, что на кухне стало светло как днём, полюбовалась на ошарашенное лицо «мужа» и притушила свет, вернувшись до обычного сияния, которое не так резало глаза, но как раз и служило отличием Сиятельных от обычного человека. — Но это лишь внешнее проявление.

Я подумала, достала бутылку коньяка и щедро плеснула нам обоим. Какой чай? Чай нас сейчас не спасёт, нужно что-то покрепче, чтобы залить потрясение.

Глава 39

Говорили мы с мужем долго, пока я не почувствовала, что отключаюсь. Саша благородно уступил мне супружескую кровать, а сам отправился спать на диване. А я ухнула в сон, как в омут, втайне ожидая встретить там Рауля.

Почему я на это надеялась? Даже не знаю, ведь прекрасно знала, что расстояние, через которое маг может вломиться в чужой сон, ограничено. Если Теодоро после потери Сиятельности не смог бы достучаться до адресата в Теофрении, то как Рауль доберётся до другого мира? Но незаконченная фраза Альбы о том, что Рауль что-то хотел мне передать, подарила надежду, что он что-то придумает. Но он не навестил меня во сне, и утром я проснулась необычайно расстроенной.

Пришлось заставить себя трезво посмотреть на жизнь, тем более что пары коньяка, выпитого вчера под разговор, к утру полностью выветрились вместе с оставшимися иллюзиями. Зачем я Раулю? Мы с ним познакомились, когда я была в теле юной мурицийской аристократки. Даже если я ему нравилась, то для него моя душа была неотделима от тела Эстефании, он воспринимал их в комплекте и вряд ли перенесёт свои чувства на девушку с совсем другой внешностью, да ещё и старше на восемь лет. Тех препятствий, что стояли между нами, теперь не было, зато появились другие, куда более непреодолимые.

Странным образом принятие новой реальности меня успокоило, и я начала обдумывать, как теперь заново обустроиваться в этом мире. Эстефания словно мстят мне за что-то, последовательно уничтожала всё, что относилось к моей прошлой жизни. Пожалуй, я бы не рискнула пока подойти даже к сестре, не говоря уж о подругах, тайны которых Эстефания сделала всеобщим достоянием. Даже если удастся доказать, что это сделано не мной, трещина в отношениях всё равно останется. О том, чтобы вернуться на прежнюю работу, тоже можно было не думать — сомневаюсь, что они теперь согласятся даже положительный отзыв на меня оставить. По итогу я была сейчас в точности в такой же ситуации, как при попадании в Мурицию, за тем исключением, что у меня не было герцогских драгоценностей, которые

можно продать для повышения уровня жизни. Можно было, конечно, продать вещи Эстефании, но у меня чесались руки отнести их на помойку, и я решила не отказывать себе в этой мелочи.

— Екатерина Васильевна, доброго утрачка. — Вошедшая домработница напоминала сестёр Риос, служивших экономками у Эрилейских. Только не в варианте противостояния, а в варианте подлизывания. По их образу и подобию наверняка и подбиралась. — Как ваше самочувствие?

— Прекрасно, Елена, прекрасно, — ответила я, чувствуя некоторое неудобство от того, что она обращается ко мне по имени-отчеству, а я только по имени. Но менять манеру общения сейчас всё равно что рассказывать направо-налево о случившемся. А это чревато: если не отправят в психиатрическую клинику, то загребут на опыты. — Александр Дмитриевич ещё не ушёл?

То, что мы спали по отдельности, она наверняка отметила, так что скрывать смысла не было. Но удивляться домработнице было не с чего: если Катя злилась, то всегда отправляла Сашу ночевать на диван.

— Он даже ещё не позавтракал. — Она позволила себя улыбку. — Вас ожидает, Екатерина Васильевна.

Несмотря на показную доброжелательность, она точно была не на моей стороне. Точнее, не на стороне той, с кем она раньше общалась. Зато Саше она симпатизировала. Но сегодня здесь она в любом случае была лишней.

— Спасибо, Елена. Этот день у вас свободный. Вы можете уйти прямо сейчас.

— Но как же?.. — растерялась она. — У меня свободный день был только вчера, и...

— На вашей зарплате это не отразится, — поняла я её беспокойство. — Можете уйти прямо сейчас.

— Но завтрак, Екатерина Васильевна?..

— Мы разберёмся сами.

Не знаю, что она подумала — скорее всего, что мы собираемся мириться и свидетели нам не нужны — но из квартиры она исчезла с волшебной скоростью, и мы опять остались вдвоём с Сашей. Смотрел он на меня странно и первое, что спросил:

— Мне вчера всё это не почудилось?

— Ты про магию? — усмехнулась я. — Увы, нет. Могу ещё что-нибудь показать, а лучше не будем маяться дурью. Позавтракаем, начнём заниматься, потом напишем заявление на развод, вернёмся и продолжим заниматься.

— Я должен обязательно побывать в клинике. Зачем разводиться прямо сейчас? — неожиданно спросил он. — Как моя жена, ты имеешь определённый вес в обществе и определённый доход. А так и идти тебе некуда, честно говоря.

Это было так, но в Сашину клинику были вложены и деньги моей мамы, так что на определённую долю я могла претендовать, это раз. А два — мне почудилось в Сашиных словах нежелание что-то менять. Привязка Эстефании ещё работала, хоть и слабела с каждым днём.

— Купишь мне маленькую однокомнатную квартиру, и я не буду настаивать на разделе имущества, — предложила я. — Саша, твои чувства ко мне наведённые, они скоро закончатся. И чем быстрее мы разъедемся, тем безболезненнее это произойдёт.

— Но есть ещё клиника, — задумчиво сказал он. — В свете узнанного вчера я не уверен, что смогу оказывать ту помощь, за которой ко мне обращаются.

— Саш, если я смогу тебя чему-нибудь научить, я научу. Но, сразу предупреждаю, что по целительским практикам у Эстефании был только самый базовый уровень, больше направленный на то, чтобы лечить себя, а значит, тебе придётся адаптировать её знания, чтобы уменьшить потерю магии.

— А она?..

— Она не адаптировала, потому что не собиралась этим серьёзно заниматься. Но ты же хочешь серьёзно?

Он неуверенно кивнул и внезапно захохотал.

— У меня в голове не укладываются вместе серьёзно и магия, — пояснил он сквозь смех. — Мне всё это кажется каким-то диким сюрмом.

— Мне тоже, Саша, — сказала я. — Знаешь, я уже отказалась от этой жизни и пыталась принять ту. А теперь я вернулась и нужно опять начинать всё с нуля. Но тогда, когда Эстефания со мной связалась, я думала, что сошла с ума, и даже отнеслась к этому с радостью.

— С радостью?

— Лучше быть сумасшедшей и ничего не чувствовать в реальном мире, чем находиться в своём уме и страдать от невозможности сделать хоть что-нибудь. Я же всё слышала и чувствовала, но даже пальцем не могла пошевелить. Это страшно, Саша.

Чтобы перебить нахлынувшее состояние обречённости, я решила посмотреть, что нам приготовили на завтрак. В кастрюльке была та самая мерзкая каша, которая вызывала у меня стойкое отвращение, и не только из-за ассоциации с Эстефанией. Пусть эта пища была суперполезной и прекрасно влияла на цвет лица, но он у меня и без того был сияющий, а самой Эстефании эта каша засиять не помогла. Если я вынуждена вокруг всё менять, то начну, пожалуй, с собственного питания.

— А чем-нибудь нормальным тут кормят? — проворчала я. — Так и умереть можно.

— От голода?

— Нет, от отвращения.

— Серьёзная причина. — Он открыл холодильник и завис, изучая содержимое. — Могу предложить только бутерброды. Всё остальное относится к полезной еде.

— Согласна на бутерброды. И кофе.

Ели мы в молчании. Не знаю, о чём размышлял Саша, а я обдумывала, как вести обучение. Немного мне в этом помогали задержавшиеся в памяти размышления Эстефании. У неё появлялось желание обучить мужа, чтобы самой не заниматься грязной работой, и она даже почти собралась. Но тут начала пропадать Сиятельность, и Эстефания решила, что её знания — страховка на случай, если с мужем окончательно разладятся отношения, которые при недостаточной подпитке флёмом принялись потрескивать, грозя рассыпаться в любой момент. А когда Эстефания окончательно приготовилась уйти, то вопрос — учить или не учить — перед ней даже не встал, поскольку она хотела, чтобы Сашина клиника разорилась, а сам он вернулся к тому, что было до неё. Чтобы он остался в уверенности, что только она приносила удачу, а без жены сам Саша ничего не представляет. В мыслях её царили злорадство и желание того, что муж будет винить себя вечно за потерю её, такой прекрасной. И это стимулировало меня лучше, чем что-либо иное.

— Итак, начнём, — сказала я, решительно отодвигая чашку и зажигая на руке кольца силы.

Нужно же чем-то мотивировать ученика? И поддерживать себя тоже чем-то нужно...

— А ты уверена, что я так смогу? — скептически спросил Саша.
— Мне кажется, я должен был что-то такое чувствовать, если бы был магом.

— Я тоже ничего не чувствовала, но тем не менее им являлась, — отрезала я. — Саша, даже не думай, ты выучишься. Потому что у нас с тобой это единственная возможность отомстить.

— Отомстить?

— Ну да, ты же понимаешь, что она хотела, чтобы я умерла, а ты разорился? Не думаешь, что стоит немного поднапрячься, если не хочешь, чтобы мечты твоей жены сбылись?

— Она об этом всё равно не узнает.

— Зато будем знать мы. В конце концов, ты ничем не рискуешь, начиная обучение.

Он встряхнул головой, словно отгоняя непрошенные мысли, и спросил:

— Что от меня требуется?

Я только захотела пояснить, как выполняется заклинание с кругами Силы, как поняла, что не могу вымолвить ни слова. Клятва, пусть данная мной в другом мире, действовала и в этом. Закралось подозрение, что я не смогу ничему выучить Сашу, если окажется, что родовые знания Эрилейских мне тоже не передать.

— Для начала принести клятву о том, что все знания останутся внутри семьи. Без этого я обучение не смогу начать.

— В кругу семьи... То есть если я женюсь, то смогу передать жене, так?

— Если она окажется магом, то да. И детям тоже, — подтвердила я.

— Ты так спокойно об этом говоришь, — с какой-то детской обидой сказал он.

— Саша, я — не она. Это у неё к тебе были чувства, у меня их нет. Максимум, что может быть между нами, — дружба.

Он кивнул, принимая мои объяснения, а потом старательно повторил слова клятвы, после чего у него над головой зажёгся огонёк

подтверждающий, что клятва дана по всем правилам, а я таки смогла рассказать, как выполнять заклинание, вызывающее круги Силы. Объяснить, что требуется делать, оказалось необычайно трудно, и затратили мы на это куда больше времени, чем я рассчитывала, но результата добились. Оказалось кругов Силы у Саши всего шесть, что его расстроило.

— Почему так мало? — разочарованно спросил он. — Насколько я понял, от количества этих кругов зависит сила мага?

— Это не у тебя мало, это у меня много, — пояснила я. — По меркам того мира твой результат очень хороший. Основная масса магов там с тремя-пятью кругами.

— А у неё?

— У неё тоже много, но меньше, чем у меня, — сказала я. — Думаю, она в силе упала, потому что пропала Сиятельность. — Говорить об Эстефании оказалось на редкость неприятно поэтому я сразу сменила тему: — Так, первое занятие окончено, продолжим вечером. Следующим пунктом у нас заявление на развод.

— Может, не будем торопиться? — спросил он, смотря на руку, по которой кружили кольца Силы. — Вдруг ты не сможешь выучить меня за месяц?

В его словах был не только страх недоучиться, но и нежелание меня отпускать. Последнее ощущалось просто физически, но привязку даже не придётся рвать, она без подпитки истончится и пропадёт рано или поздно.

— Если я не смогу тебя выучить за месяц тому мизеру, что знала Эстефания, целителя из тебя не получится. А больше я ничего не обещала. Всесторонне развитого мага я из тебя делать не буду, да я и сама знаю не так много, если честно. Саша, я не хочу, чтобы мы были привязаны друг к другу больше необходимого минимума по времени. Повторю, что я — не твоя жена, пусть тебе временами и кажется обратное, а значит, документы должны быть приведены к существующей реальности.

Саша сопротивлялся недолго, и заявление о расторжении брака мы подали, а потом отметили это обедом в ресторане, после которого он отправился в клинику, а я к сестре, попытаться всё-таки восстановить семейные отношения. Дверь она открыла, но после того как увидела меня, молча захлопнула и не реагировала ни на звонки, ни

на стук в дверь. Позориться дальше и орать через дверь я не стала. Пришлось признать, что этот раунд я проиграла. Нужно будет попробовать действовать через Сашу, вдруг получится примириться? Но я вспоминала слова сестры: «Ты для меня умерла» при последней встрече с тогда ещё Эстефанией в моём теле, и сама не поверила в то, что примирение возможно.

Внезапно нить, соединяющая меня с Альбой, завибрировала, но соединения не случилось. Решив, что не хватает энергии, я отправила фамильяру часть своего резерва, но она больше не давала о себе знать.

Домой я пошла пешком. Мне нужно было то ли проветрить голову, то ли попытаться принять то, что я опять принадлежу этому миру. На удивление он казался совершенно чужим, здесь не осталось никого, кто мог бы считаться близким мне человеком. Разве что Саша? Но для него лучше сейчас держаться от меня подальше.

Вернувшись домой, я принялась изучать объявления о продаже квартир и даже подобрала пару вариантов, которые договорилась посмотреть завтра. Из этой квартиры надо отселяться срочно, а с Сашей встречаться только на занятиях.

Глава 40

Месяц пролетел как один день, но получив заветную бумажку о разводе, я была вынуждена признать — больше ничего добиться не получилось. Мир меня не принимал, словно я представляла собой нечто чуждое ему: я не находила работу, не смогла помириться ни с сестрой, ни с подругами, и даже квартиру не нашла. Нет, мне что-то нависло, но всё срывалось ещё на стадии переговоров: то на квартиру находился более шустрый покупатель, то продавцы внезапно передумывали продавать, то документы на квартиру оказывались не в порядке. Меня словно преследовал злой рок, и я никак не могла перестать об этом думать. А ещё Альба. Связь между нами никуда не делась, даже прочнее стала, но связаться с фамильяром больше ни разу не получилось. И я всю голову сломала, пытаюсь догадаться, не случилось ли чего с Альбой. Я точно помнила, что у хозяина и фамильяра должен быть постоянный контакт, но, что грозит фамильяру при его отсутствии, понятия не имела, поэтому ужасно переживала, как бы сделанный Альбой выбор не оказался для неё роковым. Сейчас я даже отпустить её не могла — для этого требовался контакт физический. Разве что как-то перетащить её сюда?

— Катюш, я твою просьбу выполнил. И полагаю, что мы можем начать всё с чистого листа, — неожиданно сказал Саша.

— Ты о чём? — очнулась я от невесёлых размышлений.

— О том, что я теперь могу с чистой совестью за тобой ухаживать, — пояснил он. — Я же больше не под флёротом, не так ли?

Предложение мне активно не понравилось.

— Я бы не была в этом столь уверена, Саша. Он из тебя ещё долго будет выходить. В идеале нам бы с тобой вообще встречаться пореже. Но занятия... И эта заколдованная квартира, которую я никак не могу купить!

Я в сердцах стукнула кулаком о кулак, и Саша успокаивающе взял меня за руку.

— Если для тебя это так важно, то квартиру могу купить себе я, — предложил он. — А ты останешься в нашей.

— Ты не понимаешь, — поморщилась я. — Она для меня совершенно чужая. Эстефания обустроивала её под себя, и она на меня давит.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь. Квартира — это всего лишь каменная коробка. Выбрось оттуда всё на помойку, замени своим — и следа от бывшей хозяйки не останется. Как ты сделала с одеждой. Сделай так же и с мебелью. Деньги у нас есть.

Строго говоря, одежду до помойки я не донесла — её забрала домработница, очень удивлённая моим страстным желанием избавиться от всего гардероба сразу. Думаю, мебель она тоже с радостью забрала бы, но к чему ввергать Сашу в дополнительные траты? У меня своих денег пока не было.

— У тебя, Саша, — поправила я. — Не у нас.

— Катюша, ты же понимаешь, что если бы получилось так, как хотела она, от моей клиники ничего бы не осталось? Только твоя помощь позволила выйти без потерь. А занималась ты со мной сколько? Поэтому эти деньги не мои, они наши.

— Саша, ты преувеличиваешь. Ты — талантище, — искренне ответила я. — Ты и без магии справился бы, а она хотела лишить только дополнительных возможностей.

Его зацикленность на мне до конца не исчезла, но теперь я не была уверена, что дело только во флёре. Кажется, я и сама по себе нравилась Саше. И всё же для меня это выглядело ещё одной связью, которая осталась после Эстефании и которую нужно было рвать. Я хотела, чтобы он был счастлив, но не со мной. Вариант с квартирой в другом городе уже не казался таким плохим — всё равно в этом у меня ничего не осталось и ничего не образовывалось заново.

— С ними легче, согласен. — Он кивнул даже не мне, а своим мыслям. — Я больше не боюсь поставить неправильный диагноз, потому что вижу, что и где не в порядке.

Он увлечённо заговорил о целительских методиках, потом обратился ко мне с вопросом по заклинанию, а я внезапно поняла, что ответить не могу — отныне клятва нас считала посторонними людьми.

— Всё, Саша, закончилась твоя учёба, — я рассмеялась. — У меня сработал блок, а значит, придётся тебе дальше жить без моих подсказок и обзаводиться своей семьёй, которой и передашь ранее полученные знания. Ты не думал позвонить Алине?

Я спрашивала его о той девушке, которую Сашу Эстефания заставила забыть и к которой он наверняка относился с куда более искренними чувствами, чем ко мне.

— Что я ей скажу? — посмурнел он.

— В правду она вряд ли поверит. Так что придётся тебе что-нибудь придумать, — предложила я. — Например, что я тебя шантажировала.

— Мне не хочется говорить о тебе плохо.

— Ой, брось, — фыркнула я. — Моей репутации в её глазах ничего не повредит. А скоро я и вовсе уеду из этого города. Так что звони Алине. Прямо сейчас звони.

Я помахала Саше рукой и ушла, оставив его в задумчивости. Почему-то я была уверена, что он воспользуется моим советом и позвонит, и это дарило чувство свободы уже мне.

До самого вечера я читала о разных городах, выбирая, куда перееду. Варианты были — один другого краше, и я почти определилась, когда раздался телефонный звонок. Звонил Макс.

— Привет, — буркнул он.

— И тебе привет. Чего хотел?

— Ты меня бросила ради этого докторишки, — ехидно сказал он.
— А он тебе изменяет.

— Он мне не может изменять.

— Неужели? А как тогда называется то, что он сидит в ресторане со своей бывшей и выглядят они счастливейшими из людей?

Он гнусно захихикал. Его слова меня обрадовали, хотя Макс наверняка рассчитывал на обратное.

— Свидание? — предположила я.

— И тебя это ни разу не волнует? — удивился Макс.

— Почему меня должно волновать, с кем проводит время мой бывший муж? Он взрослый мальчик, сам разберётся.

— Бывший?

— Да как раз сегодня это зафиксировалось документально. У тебя всё?

— Кать, если ты теперь свободная женщина, может, мы снова?..
— оживился он.

— Макс, запомни, для тебя я всегда занята. Не звони мне больше.

Я отключилась и внесла его телефон в чёрный список. Эстефания не стала делать это в своё время. Для неё даже в радость было, когда Макс звонил и унижался, пытаясь вернуть если не её, то хотя бы собственную удачу. Ничего, проклятье вскоре перестанет действовать, и Макс вылезет из той ямы, куда свалился. И я тоже вылезу, пока не знаю как и когда, но непременно это сделаю. С Сашей больше заниматься не получится, так что прямо завтра возьму билет и уеду. Ведь у меня тут больше нет дел.

Время было не очень позднее, но меня внезапно потянуло ко сну. И так сильно потянуло, что я до кровати не успела добраться, только до дивана, который стоял рядом. На нём и отключилась.

И почти сразу мне привиделся Рауль. Он не смог преодолеть подоконник и стоял за окном, протягивая ко мне руку. Был он странно бледен для сна. Или это не сон и Рауль действительно пришёл за мной? Я ущипнула себя, чтобы увериться, что теофренийский принц мне не чудится. Но Рауль никуда не пропал.

— Катарина, у меня почти нет времени. Я не смогу долго держать проход, — сказал он подрагивающим от напряжения голосом. — Если хочешь вернуться, дай мне руку, но предупреждаю — в свой мир ты больше не попадёшь.

И я рванула к нему навстречу, чувствуя, как оставшиеся ниточки связей с моим миром истончаются в ничто и рвутся. Меня здесь больше ничего не держало — сегодня я закрыла последние долги. И я даже не задумывалась о том, что Рауль ожидает увидеть совсем другую личность, до того момента, как вывалилась в помещение, где мы с ним занимались магией. И вот тогда меня так накрыло страхом, что я испугалась посмотреть Раулю в лицо.

Пол был заставлен свечами и изрисован кучей символов, на одном из которых сидел Бернар, а на противоположном конце — Альба, такая худая и болезненная, что я сразу кинулась к ней.

— Альба, что с тобой?

— Донья, вы вернулись!

Она прыгнула мне в руки и заурчала, прижимаясь исхудавшим тельцем. Совсем её тут не кормили, что ли? Я отправила ей немного магии, желая хоть так поддержать. Ничего, отъестся и шёрстка заблестит, как раньше.

— А меня обнимать никто не будет?

Я повернулась к Раулю, смущённая тем, что для него я сейчас незнакомка. Он был ещё бледней, чем во сне. Похоже, проведённый ритуал выпил из него все силы. Их не хватило даже на удивление от моего нового лица.

— Донья, сеньор Рауль так много сделал, чтобы вас вернуть, — напомнила о себе Альба.

— Возможно, он хотел вернуть не меня? — решила я сразу прояснить главное. — А другую донью?

— Уверяю вас, Катарина, я вытащил из другого мира именно ту девушку, которую собирался, — ответил Рауль.

— Но я выгляжу наверняка не так, как в ваших воспоминаниях.

— Катарина, когда я к вам приходил в сон, вы выглядели в точности, как сейчас, — ответил Рауль. — Так что для меня никаких неожиданностей.

— Вам бы завершить ритуал, — проворчал Бернар. — Поболтать можно и потом.

Вот он со своего места не двинулся, хотя было заметно, что ему там сидеть некомфортно.

— Да что там завершать? — мурлыкнула Альба. — Стереть символы открывающие, и всё.

— Так сотрите. Пока сюда ещё что-то не засосалось, кроме доньи. Поток, конечно, совсем слабый, но он идёт. А я, между прочим, его удерживаю.

Рауль торопливо погасил заклинанием свечи, а потом принялся затирать символы. Я начала ему помогать, чувствуя ужасную неловкость.

— Вот теперь всё в порядке, — одобрил Бернар, соскочил с насиженного места и с удовольствием потянулся. — Донья, душа всегда даёт о себе знать, в каком бы теле она ни была. Сеньор всегда видел вас такой, какая вы есть.

— А разве меня можно теперь называть донья? — улыбнулась я.

— А как же? — удивилась Альба. — Вы нынче во всём мире единственная донья, других нет. Разве что сеньор Рауль ещё.

Она гордо задрала розовый носик. Тесный контакт со мной пошёл ей на пользу — она уже не казалась таким задохликом, да и шерсть заблестела.

— Тогда, получается, Рауль — единственный дон?

Потому что теофренийский принц точно сейчас не использовал ни иллюзий, ни зелий — и сиял во всё помещение. Надеюсь, от радости. Во всяком случае улыбка, с которой он на меня смотрел, говорила именно об этом чувстве.

— Получается, да, — неуверенно подтвердил Бернар.

— Тогда почему вы называете его сеньором? — поддела я фамильяров.

— По привычке, — ответила Альба. — Донья, я так рада, что всё получилось. Мы уже несколько раз пытались до вас достучаться, но что-то не пускало. Сеньор Рауль весь извёлся, всё думал — что-то неправильно делал.

— У меня оставались долги перед тем миром. Сегодня я их закрыла. Но меня ужасно беспокоили ваши дела в этом. Ты со мной не связывалась, поэтому я чертовски переживала.

Я посмотрела на них по очереди так, чтобы они поняли всю нехорошесть своего поведения. Особенно досталось Альбе, но она не смутилась, лишь вздохнула тяжело и пояснила:

— Это было вынужденной мерой, донья, иначе бы мы вас не вытащили. Если бы вы видели, какой сложнящий ритуал придумали Бернар и сеньор Рауль. Но на него нужна была прорва энергии, в том числе вашей, вот и пришлось мне экономить. Вы были слишком далеко, донья. Знаете, как тяжело с вами было связаться? Да и то, полноценной связи не было: пара фраз — и меня выбрасывало, а энергии уходило на полноценный ритуал.

— И что теперь?

Я повернулась к Раулю, вопрос был адресован ему. Чёрт возьми, я прыгнула в неизвестность, повинуюсь эмоциям, но сейчас для меня моё будущее здесь было столь же неясным, как и в том мире, из которого я переместилась.

— Донья Катарина, — он неожиданно опустился передо мной на колени, — прошу вас стать моей супругой.

— Что? — опешила я.

— Я понимаю, что о таком нужно было спрашивать до того, как выдерживать из привычного вам мира, но говорить об этом уже поздно. Если вы вдруг предпочитаете мне Хосе Игнасио, то я не буду стоять на пути вашего счастья.

— Двуетдиный, при чём тут Альварес? — я отмерла. — Разве вы можете жениться на мне?

— А почему нет? — удивился он. — Брак с вами не приведёт к спору с Мурицией за герцогство. Да и вообще ни к какому спору — вы не имеете ни малейшего отношения к Муриции, слава Двуетдиному.

— Но принц не может жениться на ком попало...

— Катарина, это вы кто попало? — хихикнул Бернар. — Да вы последняя Сиятельная. Это чего-то да стоит. И даже когда потеряете Сиятельность, то останетесь сильным магом и красивой женщиной. И потом, король Луис уже дал своё согласие.

— Но если Рауль видел меня такой, какая я сейчас, то получается, меня такой видел и Теодоро? Не возникнут ли проблемы с ним?

— Бернар считает, что мы используем разные ритуалы. Ритуал мурицийского короля привязан к телу, поэтому становится эффективней при использовании крови того, с кем собираются связаться. Тот, что использую я, завязан на душу, поэтому эффективней при использовании фамильяра.

Рауль всё так же стоял передо мной на колене и ждал ответа. Но мне хоть и хотелось согласиться, но я опасалась последствий. Если не Теодоро, так Эстефания точно меня узнает: сложно не узнать того, чью физиономию ты столько времени наблюдала в зеркале.

— А если Бернар ошибается?

— То Теодоро будет молчать. Катарина, мне ещё долго ждать твоего ответа? У меня сегодня был очень тяжёлый день, завершившийся сложным ритуалом, я устал, знаешь ли...

— Да согласна она, согласна, — проворчал Бернар. — Просто боится за тебя, поэтому не торопится с ответом. Донья, мы всё продумали, даже нашли вам подставных родителей. Они будут счастливы принять вас в свою семью.

— Не разочаровывать же достойных людей? Придётся согласиться.

Глава 41

Стоило нам выйти из комнаты, где Рауль проводил ритуал, как мы тут же наткнулись на короля Теофрении. Я могла бы сказать, что я сразу поняла, кто это, по властной ауре, которая распространялась от ожидающего нас. Или по семейному сходству с Раулем и Марселой. Но нет, сеньор выглядел совершенно обычным человеком и если у него и были общие черты с детьми, то в глаза они не бросались. Корону он также не надел. А догадаться мне помогло удивлённо-растерянное «отец?» от Рауля.

Король Луис внимательно осмотрел меня, я и сразу почувствовала, насколько моя одежда не соответствует времени этого мира. Вот лет так через сто или побольше она будет в самый раз, но я столько вряд ли проживу.

— Счастлив, что всё получилось, — сказал он без малейших признаков счастья в голосе. — Но сеньорите срочно нужна нормальная одежда. Иначе возникнут вопросы.

Я порадовалась, что не успела переодеться ко сну. Моя любимая пижама удивила бы куда больше, чем шелковый брючный костюм, который если и мог вызвать вопросы у дам, то только: «Сколько стоит?» и «Где такую красоту можно купить?»

— Донье! — возмущённо пискнула Альба, для которой Сиятельная, прямо скажем, простолюдинка всё равно стояла выше на иерархической лестнице, чем несиятельный король. — Не сеньорите, донье!

— Донье, — согласился он и усмехнулся, приобретя чуть более благожелательный вид. — А не выдадим ли мы чего-то ненужного нашим недругам, если я внезапно начну обращаться к одной из своих подданных «донья»?

— Она же Сиятельная, — уверенно ответила Альба. — Этого всё равно не скрыть. Мы чувствуем даже под зельями и заклятьями. Любой фамильяр может сообщить о том, что увидел, своему хозяину.

— Неприятное известие, — неожиданно сказал король. — Хорошо, что мы узнали это до того, как Рауль появился в Муриции. Выходит, нам повезло, что свадьбу мурицийского короля перенесли?

Я была уверена, что Эстефания уже давно и счастлива замужем за Теодоро, а тут внезапно оказалось, что ей до счастья ещё очень далеко. Радоваться за неё я не собиралась, но и печали из-за этого не испытывала.

— Её вряд ли перенесут на срок, достаточный, чтобы моё сияние исчезло, — ответил Рауль, почему-то очень встревожившийся.

Он знаком предложил нам устроиться за столом, на котором в стазисном артефакте находились чай и небрежно покромсанные куски пирога. На стул я не села, а упала — оказалось, ноги меня держали только на адреналине перехода между мирами. Король хмыкнул, а я вспомнила, что в присутствии столь высоких персон я могу сидеть только с их разрешения.

— Прошу меня простить, Ваше Величество, если моё поведение вас оскорбило. Но я чувствую себя настолько вымотанной, что поставь меня на ноги сейчас — и я тут же свалюсь.

Рауль подвинул ко мне чашку, от которой исходил ароматный парок травяного сбора. Двуетидный, я только сейчас поняла, насколько мне всего этого не хватало...

— Я думаю, донья, что мы можем пренебречь этими условностями, — спокойно ответил король. — Поскольку вы всё равно в ближайшее время входите в нашу семью, а проблемы, которые могут у нас возникнуть в связи со свадьбой Теодоро, слишком серьёзные, чтобы обращать внимание на мелкие нарушения этикета.

— Почему свадьбу отменили?

— Не отменили, а перенесли из-за внезапной болезни жениха. Но заболел он не потому, что узнал о смене невесты, — с некоторым ехидством ответил король, — а потому, что с Теодоро слезла Сиятельность и он оказался столь же подвержен болезням, как и любой другой человек.

— Но маги же в принципе болеют меньше, Ваше Величество?

— В принципе болеют меньше, — подтвердил король. — Но проблема в том, что у Сиятельных и несиятельных разная тонкая структура и при перестройке возможны сбои, что и вызывает повышенную восприимчивость к болезням.

— Неужели? — недоумевающе спросила я. — Ничего подобного не слышала.

— Придворный маг Муриции утверждает именно так, — весело сказал Рауль.

Интонации у него при этом были странные, поэтому я тут же уточнила:

— А вы как считаете?

— Я считаю, что в его окружении оказалось слишком много заражённых, которые отрицательно влияли на состояние короля. Но сейчас считается, что он более-менее адаптировался, и поэтому назначена новая дата свадьбы.

— Считается? — я вопросительно посмотрела на Рауля.

— По полученным данным очень похоже, что он тоже добровольно впустил в себя демонов. Вернулась упавшая было сила магии, и здоровье теперь не оставляет желать лучшего. Правда, в присутствии невесты ему становится нехорошо, но он успешно адаптируется.

— Почему вдруг в присутствии Эстефании ему становится плохо?

Нет, она, конечно, не подарок, но после Бласкеса Теодоро должен справляться влёт с приступами тошноты от присутствия других людей.

— Она последняя официальная Сиятельная, — пояснил Рауль.

— Неожиданно. Я была уверена, что если Сиятельность перенеслась со мной, то ей ничего не досталось...

— О, не переживайте, Эстефания, по моим данным, она мерцает, так что неизвестно, насколько хватит её Сиятельности. Я бы поставил на пару дней.

Я вздохнула, но вовсе не о мерцающей врагине. При таких вводных Раулю крайне непредусмотрительно появляться в Муриции. Непременен встанет вопрос, что явилось причиной его состояния, скрыть которое будет невозможно, если только все фамильяры скопом не решат отказаться от служения несиятельным персонам. Но это ситуация была настолько маловероятна, что всерьёз я её даже не рассматривала.

— Вам непременно нужно быть на королевской свадьбе?

Неожиданно я обнаружила, что чай в моей чашке закончился, но не успела об этом пожалеть, как Рауль налил новую порцию и только после этого ответил:

— Да. Приглашение было прислано и отказываться от визита — нанести оскорбление.

— Прoshлый раз вас никто в Муриции не заметил? Я про то, что вы уже приезжали на свадьбу.

— Прoshлый раз я собирался с утра телепортом прибыть на само торжество, но не успел выехать, как сообщили об отмене свадьбы, — пояснил Рауль. — Можно сказать, мне повезло.

— Что ж, если скрыть не удастся, то и скрывать не надо, — решил король. — Нужно открыться и чем-нибудь подходящим залегендировать. Причём сделать это до свадьбы Теодоро Мурицийского. У меня идей нет.

Зато они сразу появились у Рауля.

— Свадьбы? Точно. Если наша свадьба состоится раньше, и мы получим благословение Двуетдиного в виде Сиятельности, то вопросов ни у кого не возникнет. У нас в стране не принято ездить в Храм Двуетдиного за множественными благословениями. Достаточно одного — которое даст Двуетдиньй после венчания.

— То есть вы войдёте под иллюзиями, а выйдете без... — задумался король. — Идея, конечно, хорошая, но могут возникнуть вопросы.

— Какие, Ваше Величество?

К окончанию второй чашки я обнаружила, что пирог очень даже неплох, а ещё — если я не потороплюсь, то второго куска мне не достанется, потому что отец с сыном болтать болтали, а есть не забывали. И если Рауль потратил много сил на ритуал и теперь их восстанавливал, то прозорливость короля явно была на нервной почве.

— Если не будет благословения Двуетдиного, а его, скорее всего, не будет — после того как мы изгнали Сиятельных из Теофрении, у нас не было ни одного благословенного брака...

Он замолчал, словно ему было необыкновенно больно про это говорить, словно он действительно до сих пор верил, что страна проклята.

— О, не переживайте, Ваше Величество. — Я положила свою руку на его. — В Муриции Двуетдиньй тоже никого не благословляет. Просто там не пустили это дело на самотёк. За благословение Двуетдиного у Теодоро отвечал Бласкес.

— Не может быть! — возмущённо охнул король.

— Может, может, уж поверьте, я знаю, что говорю. То есть вы, как сильные маги, точно так же можете имитировать благословение, если

это нужно. Но мне кажется, что лучше обойтись без этого.

— Потому что тогда все решат, что в Муриции благословение фальшивое? — предположил король.

— Именно. Я бы предложила провести изгнание демонов во время ритуала в Храме, но там примерно такие же визуальные эффекты, как при благословении. Только круче. Мурицийцы наверняка решат, что королевская чета благословлена Двуетиным по высшему стандарту.

У Рауля внезапно заблестели глаза, и он затарабанил пальцами по столу.

— Не всё так просто. Если Теодоро свалится в припадке, слухи пойдут нехорошие. Одержимость мелких церковных сошек можно скрыть, но никак не столь крупной персоны.

— Рауль, а не посчитают ли это нападением на правителя Муриции? — забеспокоился король.

— Изгнание демонов из короля? Это, можно сказать, дружественная королевская помощь. Но поскольку мы действуем во имя дружбы, а не ради благодарности, то оставим эту помощь в тайне.

— А получится ли это у тебя?..

— У нас, Ваше Величество, — поправила я. — Неужели вы думаете, что я не помогу вашему сыну в таком богоугодном деле?

— И не забывайте про нас с Альбой, — важно сказал Бернар. — Мы тоже не останемся в стороне. Пора этот мир окончательно очистить от всей привнесённой дряни.

Король нервно хихикнул и пошарил рукой по опустевшему блюду, где когда-то лежал пирог. Повезло, что он маг, а то при таком аппетите пришлось бы двери во дворце расставлять, а я подозреваю, что они там громадные.

— Итак, какие у нас планы? — деловито спросила я.

— Сейчас вы отправляетесь к родителям, — усмехнулся Рауль. — Время уже позднее, и все приличные сеньориты должны находиться в кругу семьи.

— И кто мои родители? Вы уверены, что ни они, ни их родственники не проговорятся, что я им вовсе не дочь?

Король задумчиво почесал затылок. Наверное, в том месте его беспокоили фантомные боли от короны. Всё же не самый удобный головной убор: зимой — холодный, летом — обжигающий, а

натирающий вообще вне зависимости от времени года. Впору монарха пожалеть, вот только никто добровольно с себя корону не снимает.

— Не проговорятся. Там давняя скандальная история, когда преподаватель женился на своей студентке, в результате чего родственники и с одной, и с другой стороны их игнорируют, — неохотно пояснил король. — Они больше двадцати лет жили совершенно закрыто, ни с кем не общаясь. И тут неожиданно наследный принц заехал за консультацией и влюбился в единственную дочь.

— И как мои родители отнеслись к тому, что у них появилась дочь?

— Положительно, — ответил теперь уже Рауль. — Они получают после нашей свадьбы всё, что нужно для завершения эксперимента, и опять уедут к себе. Родительской любовью вам надоедать не будут.

В последнем он оказался совершенно прав. Мои так называемые родители были размещены в гостинице, но сердцем рвались вернуться домой и продолжить свои занятия. Более самодостаточной пары я раньше не встречала: им не было дела ни до кого, кроме них, и ни до чего, кроме магии. Первым делом они поинтересовались у доставившего меня Рауля, нельзя ли ускорить свадьбу или обойтись вообще без них, а то у них появилась идея, а они так бездарно тратят время.

Рауль сказал, что над этим подумает, и на следующий день познакомил меня с сестрой отца, недавно овдовевшей бездетной сеньорой, которая так обрадовалась, что их ветка не только не прервалась, но и собирается слиться с королевской, что безоговорочно потребовала, чтобы я переселилась к ней из гостиницы.

— Времени до свадьбы почти не осталось, а твои родители думают о чём угодно, только не о дочери, — безапелляционно заявила она. — Шутка ли, такая взрослая сеньорита, и до сих пор никому не была представлена. Да они там совсем с ума сошли со своими фолиантами. Уверена, брат против не будет. Он вообще ничего не заметит, поэтому мы даже спрашивать его не станем, милая, вы просто прямо сейчас переедете ко мне. Купим вам приличную одежду, а не вот это вот. Ваше Высочество, — обратилась она к Раулю, — передайте родителям девочки, что я её забираю. Нам предстоит очень много сделать до вашей свадьбы. И кроме того, если ЭТИ, — она выделила

голосом, имея в виду своего брата с супругой, — что-нибудь там взорвут, то ваша невеста не пострадает, если будет жить у меня. И вообще намекайте ИМ, что всем будет лучше, если ИХ на свадьбе не будет.

Рауль пообещал выполнить её пожелание в точности, и успокоенная сеньюра полностью переключила своё внимание на меня. Больше всего её беспокоило моё поведение, она была уверена, что я нахваталась вредных привычек у родителей и намерена была искоренить их самым безжалостным образом.

— Потому что Теофрени нужна процветающая королевская семья, — заявила она. — А если во дворце приживутся манеры твоих родителей, то ничего хорошего страну не ждёт. И без того поговаривают, что Его Высочество Рауль слишком много занимается магией, а Её Высочество Марсела слишком ударились в религию. Ходят слухи, что она вообще постриг собралась принять.

На мой взгляд, для начала нужно было бы попробовать провести лечение в клинике по избавлению от флёрной зависимости, а уж потом решать, что там было наведённым, а что — своим собственным. Да, нахождение Марселы в монастыре гарантировало, что до неё во сне не доберётся Теодоро, но ведь можно экранировать и другим способом?

Это я и высказала Раулю в одну из наших коротких предсвадебных встреч.

— Это её решение, не наше, — ответил он. — В монастыре с неё слетел флёр полностью, она осознала, что случилось, и теперь боится, что опять под него попадёт.

— Интересно, если Теодоро с Эстефанией распихать по монастырям, они что-нибудь осознают?

— Это было бы слишком простым решением, Катарина, — ответил Рауль и посмотрел так, что я сразу вспомнила, что целовались мы только во сне и что неплохо было бы сделать это наяву.

Так что не дождутся от нас мурицийские правители помощи больше обязательного минимума. От демонов мы их избавим, а по монастырям пусть распихиваются сами, если вдруг возникнет такое желание. Хотя, зная их обоих, я с уверенностью могу утверждать — ни у кого не возникнет.

Глава 42

Надо признать, что наш с Раулем скоропалительный брак вызвал удивление. По меркам не только Теофрени, но и любой соседней страны, я была не слишком подходящей невестой для принца: не юная, не знатная, не имеющая хорошего образования, с хромяющим воспитанием, да ещё и со странными родителями, чьи психические отклонения могли передаваться детям. Да-да, именно так и заявляли. Ещё намекали, что с браком торопимся мы не просто так, а по причине моей беременности, так что скоро все узнают, унаследовали ли наши дети отклонения или нет. Кто-то это говорил за спиной, а кто-то — почти в лицо, как, например, Эрнандес, подловившая нас на прогулке в Королевском парке, которые новая моя тётя, которая мне нравилась куда больше старой, полагала одной из важнейших действий по вливанию меня в общество. Перезнакомила она меня уже со всеми, по её мнению, стоящими персонами, но от прогулок отказываться не собиралась. Хорошо, что завтра они наконец закончатся, а то все эти бессмысленные действия начали меня раздражать.

— Да она же старая уже, — шипела Эрнандес вроде бы тихо, но так, что слышали не только те, кто рядом, но и до меня доносилось. — И что Рауль в ней нашёл? Не иначе как некоторые талантливы в приворотной магии.

Ей кто-то тихо возразил, что, если бы я была талантлива в приворотах, до этого возраста не дожидаясь бы незамужней. Это прозвучало даже обидно. Каких-то двадцать пять лет — а меня уже считают перестарком на местном брачном рынке. Повезло, что хоть кто-то заехал к моим увлечённым магией родителям, а то я так и сидела бы дальше в девках. И дважды повезло, что это оказался теофренийский принц. Именно эти мысли проступили сейчас на лице Эрнандес, которая пренебрежительно бросила:

— Подходящего жениха не заезжало. К ним же никто не ездил, потому что они ненормальные.

Тут моя так называемая тётушка, которая до этого старательно игнорировала все выпады, притворяясь, что их не замечает, не

выдержала и развернувшись, почти маршевым шагом подошла к Эрнандес.

— Что вы там говорили про моего брата и его семью, сеньорита? Не повторите?

— Конечно, нет, — заметила я, встав с тётёй рядом. — Сеньорита Эрнандес труслива и может только тьявкать издалека. Иначе она бы давно поделилась своими подозрениями с отцом и потребовала проверить. Или поделилась, а ей посоветовали не нести чушь? Нужно будет спросить лично у сеньора Эрнандеса при встрече.

Подруги Эрнандес сделали вид, что они не с ней, и отхлынули так быстро и синхронно, словно неоднократно это отработывали. И то правда, отец Эрнандес занимал высокий пост, но он ничуть не выше поста короля или королевы, которой я могу стать. Так зачем заранее портить отношения с будущей правительницей?

— Вы меня неправильно поняли, — испуганно заблеяла побелевшая Эрнандес. Причём, как мне показалось, испугалась она больше не меня, а того, что с ней сделает отец, когда узнает. — Я говорила совсем о другой сеньорите.

— Неужели? — тётя столь сурово поджала губы, что даже мне стало страшно, что уж говорить об Эрнандес, которая окончательно сдулась и выдавливала из себя слова уже дрожащим голосом.

— Именно так. Но если по недоразумению вы приняли это на свой счёт, приношу глубочайшие извинения.

— Мы подумаем, — сухо сказала тётя и развернулась к выходу.

Я пошла за ней, но не устояла и на прощание бросила Эрнандес:

— Сеньорита, в вашем возрасте уже пора научиться держать язык за зубами, а то вы составите проблему не только для вашего отца, но и для будущего мужа.

Посмотрела она на меня зло, но промолчала. И я думала, что этот мелкий инцидент так и забудется, но нет — тётя никак не успокаивалась, всё вспоминала и злилась. Даже начала сочинять письмо отцу незадачливой девицы. Но отправить не успела — вечером к нам явился лично сеньор Эрнандес, довольно представительный мужчина в возрасте. Уж не знаю, кто ему донёс, точно не любимая дочурка, но там и без неё хватало зрителей. Сеньор извинялся куда искреннее и многословнее. Боялся, наверное, что после свадьбы, которая должна была состояться уже на следующий день, я буду иметь

достаточный вес, чтобы потребовать убрать отца наглой девицы с хорошего места. Озвучивать подобные мысли я, разумеется, не стала, но визитёр каким-то шестым чувством о них догадался и неожиданно сказал:

— Мария Виктория слишком глупа, чтобы понять, что Его Величество Луис никогда бы не одобрил брак Его Высочества Рауля, если бы не считал это лучшим вариантом для Теофрени.

— Почему вы так решили, сеньор? — опешила я от столь грубой лести.

— Потому что для нашего короля благополучие страны стоит на первом месте. Всегда. Вне зависимости от желания окружающих. Он и детей воспитал в том же духе.

Тут я дипломатично промолчала. Не выдавать же случившееся с Марселей? Да и что касается нашей с Раулем свадьбы, король наверняка посчитал, что принц может получить возможность жениться по своему усмотрению в качестве награды за всё, что мы с ним натворили.

— Не смотрите так скептически, сеньорита. Королю было предсказание.

— Предсказание? — невольно заинтересовалась я, вспомнив почему-то Теодоро, который тоже собрался жениться на Марселе по предсказанию. Но потом, видимо, решил, что под предсказание больше подходит Эстефания. — Какое же?

— То самое. — Он выразительно подвигал бровями, но поскольку не увидел на моём лице ни проблеска понимания, продолжил куда понятней: — Которое даёт каждому королю главная провидица Пфаффа. Точно не знаю, что именно она предсказала Его Величеству. Слухи разные ходят, так что вам лучше непосредственно у Его Величества и спрашивать.

Он торопливо увёл разговор в сторону, словно боялся сболтнуть что-то лишнее, и опять принялся многословно извиняться. Я бы предпочла продолжения разговора о предсказании, которое показалось мне важным, но сеньор мастерски уходил от вопросов и возвращался к извинениям. В конце концов тётю его извинения растрогали, она согласилась их принять, и сеньор Эрнандес ушёл почти счастливым. Мне он показался куда приятней дочери. Но увы, и куда менее

болтливым — вытащить из него что-то нужное было практически нереально, зато зубы он заговаривал мастерски.

Остаток дня прошёл относительно спокойно. Тётя всего лишь раз десять забежала проверить, не случилось ли чего с моим свадебным платьем, не запылились ли жемчужное ожерелье и серьги и не помялись ли на туфлях бантики. Последние помяться никак не могли, потому что их там не было: отказалась я и от бантиков, и от пряжек. И от большого количества оборок на платье, которое попросила сшить максимально строгого фасона, насколько это было вообще возможно для свадебного. Строгость искупалась изящной вышивкой и кружевами, и платье было прекрасно. И я в нём себе ужасно нравилась.

Понравилась я и Раулю, с которым мы встретились на следующий день в Храме. И не просто понравилась — он на какое-то время даже застыл, не в силах оторвать от меня взгляд. Возможно, для кого-то моя внешность была куда хуже внешности Эстефании, но уж точно не для моего жениха.

Он взял меня за руку, и священник, облачённый в дорогое одеяние, начал церемонию. Проходила она за закрытыми дверями, даже близкие родственники не допускались. Считалось, что в такой момент перед Двуетидным должны стоять только пара и те, кто проводит божественную волю. Было их немного, от силы человек десять, которые выполняли роль церковного хора, в нужных местах подхватывая речитативом слова основного ведущего этого мероприятия.

В конце церемонии на нас внезапно пролился столб тёплого обволакивающего света. Я сразу подумала, что он наверняка виден и снаружи, и укоризненно посмотрела на Рауля, который уже выглядел, как Сиятельный.

— Ты уже сняла иллюзию? — прошептал он. — Мы же договаривались вместе по сигналу, перед открытием дверей.

— Я не снимала. А вот ты снял, — так же тихо ответила я. — Не хотели же устраивать дополнительные эффекты.

Проводивший церемонию священник на наши разговоры не обращал внимания, он в молитвенном экстазе смотрел исключительно в потолок и что-то восторженно бормотал.

— Но я тоже не снимал. И этот странный свет...

— То есть к нему ты не имеешь отношения? — недоверчиво спросила я.

— Зачем бы мне это делать?

— Меня порадовать? — предположила я, хотя уже окончательно уверилась, что Рауль тут ни при чём.

Неужели Альварес? Они с Ракель в последнее время усиленно интересовались всякими визуальными эффектами. Ракель я всё рассказала, поскольку считала её подругой, а теперь не была обременена герцогской клятвой. Она, как только услышала о нашем договоре с Эстефанией, возмутилась и завела привычную песню о том, что всегда знала, что все Сиятельные сволочи, но это и для них перебор. Но внезапно сообразила, что Сиятельных почти не осталось, а те, что остались, не такие уж и плохие. Она недолго помолчала, принимая свалившуюся реальность, потом неожиданно дала клятву о неразглашении и сказала, что есть Сиятельность от Двуетного, а есть Сиятельность от демонов, а поскольку у нас с Раулем первая, то она — во благо. Вот, видно, и решили всем остальным показать, что наша Сиятельность подарена Двуетным. Но устраивать это, не согласовав с нами, было плохой идеей.

— Я тебя порадую потом, по-другому. Катарина, похоже, это надолго.

Он с улыбкой кивнул на присутствующих на церемонии священников, которые обращали внимание только на проявление божественной воли, за которую посчитали свет. Божественный свет, снизошедший на Теофрению первый раз за столько лет. Это было бы прекрасно, не будь это обманом, которого мы хотели избежать. Да и церемония в результате стала куда длинней, чем это было запланировано.

Но свет наконец истаял, и внимание вернулось к нам.

— Сиятельные, — ахнул кто-то. — Двуетный благословил Теофрению. Дважды благословил. Нет — трижды: Храм, принца и принцессу.

«Благословил», — этот глагол в разных вариантах мы слышали весь день. Фанд радостно гудел, что Двуетный наконец обратился лицом и к Теофрении. Мне простили и возраст, и родителей, а возможная беременность даже придавала дополнительные очки в

глазах жителей столицы. Как-никак, пару благословил Двуетиный. И не только сиянием с неба, но и Сиятельностью. Значит, всё правильно.

Выйдя из Храма, первым делом мы попытались узнать, кто же устроил столб божественного света. Но никто не признался. Альварес уверял, что он ни при чём, и вообще никто ни при чём, потому что Храм был оцеплен магами и никто не смог бы действовать при таком количестве свидетелей. Ракель же заявила, что свет был самый настоящий божественный и отрицать это — портить отношение с Двуетиным, которые у страны только-только начали налаживаться.

С королём Луисом удалось поговорить только вечером, когда закончились все посвящённые нашей свадьбе мероприятия и отгремел красивейший салют, который возможен только в мире с магией, потому что был он исключительно иллюзорный, показанный силами нашей академии. Не знаю, кто там расстарался, но зрелище получилось завораживающее. Я даже чуть не забыла, о чём собиралась спрашивать.

— Ваше Величество, я вчера совершенно случайно услышала про ваше предсказание. И что вы никогда бы не разрешили вашему сыну на мне жениться, если бы не оно.

— Разумеется, — и не подумал он отпираться. — Я пробовал действовать вопреки, и результат был не слишком хорош, честно говоря. Такие предсказания нельзя игнорировать. И я сегодня в этом убедился, когда вас благословил сам Двуетиный.

Возразить ему мне оказалось нечего, потому что из моих знакомых магов никто не признался в имитации благословения, а Двуетиногo спросить возможности не было.

Глава 43

Признаться, возвращалась я в Мурицию с душевным трепетом. Практически всё моё пребывание в этой стране я провела в заключении: сначала в тюрьме, потом под жёстким присмотром доньи Хаго, а потом под совместным — Теодоро и Бласкеса. Не хотелось бы, чтобы это стало правилом.

Телепорт перенёс нас сразу в посольство и в случае опасности унесёт обратно в Теофрению. Но только если мы будем в этом здании, а нам предстоит ещё приём в мурицийском дворце по случаю брака Теодоро и Эстефании. На приём мне не хотелось, поэтому внутри теплилась надежда, что его отменят. Мало ли что произойдёт во время бракосочетания... Что-то мне подсказывает, что если изгнание пройдёт, как мы запланировали, то у Теодоро вряд ли возникнет желание появиться на публике. А если нет короля, то и остальным там делать нечего.

Телфренийское посольство занимало здание небольшое, но удачно расположенное — недалеко от площади, где будет проходить венчание, да ещё и на центральной улице, по которой поедет кортеж. То есть у нас будет возможность радостно приветствовать мурицийского короля и его избранницу, а потом незамеченными провести нужный ритуал. Не уверена, что заклинание накроет весь город, но до Храма оно точно дотянется.

На балконе, выходящем на главную улицу, мы устроились со всеми удобствами. Наша с Раулем пара привлекала внимания едва ли не большее, чем ожидаемое событие. Во всяком случае на наш балкон глазели с бóльшим интересом, чем на дорогу в ожидании королевского кортежа. И даже когда тот наконец появился, часть зрителей продолжали смотреть на нас.

Мы же с Раулем делали вид, что ничего не замечали, и с нетерпением ожидали, когда же наконец королевский экипаж проедет и мы сможем заняться тем, что действительно нужно, и не только нам.

— Я тебе говорил, что ты прекрасна? — неожиданно прошептал Рауль.

— Да, — так же тихо ответила я, скрывая улыбку за веером, — только за сегодняшний день уже трижды.

— Что-то у меня с памятью, — притворно вздохнул он.

— Ничего страшного. Я готова это слушать снова и снова от самого замечательно мужчины.

Возможно, мы бы беседовали в том же духе и дальше, если бы наконец королевский экипаж не оказался совсем рядом и не стало неприлично обращать внимание на что-нибудь, кроме прекрасной пары в нём. Прекрасной — в прямом смысле этого слова, так как что Эстефания, что Теодоро были хороши на загляденье, а на Эстефании ещё оставалась Сиятельность. Слабая Сиятельность, можно сказать, жалкая подделка того, что на нас с Раулем. Возможно, о том же подумала и сама Эстефания, презрительно на нас посмотревшая. То есть она хотела презрительно посмотреть, но зацепилась взглядом за моё лицо и застыла, приоткрыв рот от удивления. Я ей ласково улыбнулась и помахала. Это позволило Эстефании очнуться, и на её лице появились эмоции. Не страх, нет, а искреннее возмущение. Как же, она нанимала меня на смерть, а я имела наглость не умереть, хотя вдоволь попользовалась её телом. У неё гневно дёрнулись крылья носа, и она от нас отвернулась. Наверное, это стоило считать плохим предзнаменованием для отношений между странами, только вот она вряд ли поделится своим открытием с будущим супругом, а даже если поделится, то это ничего не изменит — отношения Теофрени и Муриции и без того не слишком тёплые.

Больше Эстефания ни на что не отвлекалась. Теодоро заметил изменившееся настроение невесты, наклонился к ней и что-то спросил. Она ответила коротко и явно не про меня, потому что Теодоро не повернулся к нам, а снисходительно улыбнулся. Для полной гармонии этой компании не хватало Бласкеса, но тот наверняка уже давно караулит в Храме, чтобы обеспечить благословение Двуетного.

Мы решили совместить ритуал с появлением «божественного» света, который наверняка был запланирован и который поможет замаскировать нашу магию. Одна магия накладывается на другую — и посторонние зрители видят только результат первой. Прекрасный вариант.

— Не нервничай, у нас всё получится, — сказал Рауль и взял меня за руку, но не чтобы поддержать, а чтобы начать нужный ритуал, завершить который мы должны вовремя.

Я активировала артефакт, который поддерживал иллюзию того, что мы смотрим на дорогу в ожидании возвращения венценосной четы из храма. Конечно, Эстефании предстоит ещё отдельная коронация, но и сейчас она может претендовать на герцогский венец. Такая красивая снаружи и такая грязная внутри — как это вообще может сочетаться?

Я так задумалась, что не сразу поняла, зачем Рауль так сильно сжал мою руку. Но тут заметила столб золотистого света в том направлении, где был храм, и подала супругу вторую руку. Мы говорили нужные слова, как будто были единым целым, а наша магия, напитывающая заклинание, переплеталась и усиливала вербальную часть ритуала до такой степени, что, когда всё сработало, мы поняли лишь по лёгкому движению воздуха рядом. Больше ничего не выдало то, что мы творили серьёзную волшебную, направленную на очищение столицы Муриции.

В этот раз золотистых столбов не было. Были чёрные. Сначала окрасился тот, что над Храмом, а потом начали появляться и другие. Где потолще, где совсем тоненькие и почти незаметные. Но было их очень много.

Народ заволновался. Раздались крики о пожаре, но поскольку ничего не горело и палёным не пахло, вскоре они сменились криками о проклятье. О проклятье королевской теперь уже четы и Муриции в целом. Начала чувствоваться магия, творимая в Храме. Во всяком случае отголоски шли с той стороны, и принадлежали они целительским заклинаниям. Что-то там произошло очень серьёзное...

Рауль повернулся к послу и невозмутимо попросил узнать, что случилось. Тот передал просьбу дальше, и нам оставалось только ждать. Дымные столбы рассеялись, но Труадон всё равно выглядел погружённым в тёмную пелену, так не соответствующую радостному поводу, по которому на улицу высыпало столько людей.

Вскоре вернулся мелкий посольский служащий, которого отправляли за новостями.

— Храм оцеплен, никого внутрь не пускают, — сообщил он. — Слухи какие только не ходят. Говорят, была попытка нападения на короля, и главный маг ценой своей жизни её отразил.

— Бласкес умер? — невольно переспросила я.

— Говорят, да, Ваше Высочество. Но официального заявления нет, только слухи. Возможно, сеньор Бласкес живее всех живых. Мурицийского придворного мага не так-то просто убить: о несчастных случаях с ним сообщают постоянно, и ещё ни разу они не подтвердились.

— Вряд ли в такой ситуации устроят приём по случаю бракосочетания, — обеспокоенно заметил посол. — Не лучше ли Вашим Высочествам вернуться в Теофрению?

— Я понимаю, что вы переживаете за нас, — ответил Рауль. — Но было бы невежливым покидать Мурицию до официального сообщения об отмене приёма. Возможно, всё не так, как видится на расстоянии. Ваш подчинённый сказал, что пока нет никакой достоверной информации. Мы подождём официального сообщения.

Рауль умолчал, что мы подготовились к аванюре, как смогли: что на мне, что на нём была куча разнообразных артефактов, в том числе и порталные, которые сработают либо по нашему желанию, либо в случае, если я или он потеряем сознание. Когда идёшь фактически на диверсию против другой страны, безопасностью лучше не пренебрегать.

— Хорошо, Ваше Высочество, — недовольно ответил посол. — Тогда я распоряжусь об обеде.

— Будьте любезны, сеньор.

С балкона мы ушли, хотя не видели враждебности со стороны жителей Труадона, которые не так давно весьма уверенно заявляли, что Теофрения проклята Двуетиным. Но, кажется, сейчас для них мы были зримым воплощением божественного благословения, в отличие от собственного правителя, на которого в последнее время всевозможные несчастья валились с завидным постоянством. Но все они меркли перед несчастьем главным — герцогиней Эрилейской.

Вскоре она лично заявила в посольство и заявила, что желает видеть меня незамедлительно для приватной беседы. «Две доньи, — сказала она, — скорее договорятся». В своём высказывании она оказалась неправа дважды: с ней я договариваться не собиралась и доньей её уже называть было нельзя, поскольку Сиятельность слетела окончательно то ли во время церемонии в Храме, то ли после неё. Но вела себя Эстефания так, чтобы никто не усомнился: Сиятельность —

это не внешнее проявление, это внутренняя суть. Поговорить я с ней согласилась, почему нет?

Меня провели в одну из переговорных комнат посольства, полностью экранированную от прослушивания. По словам посла, разумеется. Уверена, что при желании в экране найдётся маленькая незаметная дырочка, которая позволит быть в курсе любой беседы. Но не сегодня — дополнительную защиту я поставила сразу, как вошла и увидела Эстефанию.

— Значит, я не ошиблась, — процедила она. — Ты должна была умереть! Ты мне все планы порушила.

— Извиняться не буду, — усмехнулась я. — Мне кажется, тебе и без невыполненных планов неплохо. Вон сегодня вышла замуж за короля.

Радость на лице Эстефании не появилась.

— Он припадочный! Ты специально подсунула мне дефектного короля! — завопила она так, что у меня заложило уши.

Хорошо, что я заранее поставила полог от прослушивания и больше никто не слышал наш милый разговор. Конечно, он дискредитировал не меня, а мурицийскую правительницу, но она может столь талантливо извернуться, что обвинят уже меня.

— Ты его знала куда дольше. И сама выбрала возвращение. — Разговор меня откровенно забавлял. — Кстати, при мне у Теодоро припадков не было. Может, дело не в нём? А в том, кто с ним рядом?

— С ним рядом те, кто нужно, — отрезала она. — Как так получилось, что ты украла мою Сиятельность?

— Мне её подарил Двуетный. К тебе моя Сиятельность не имеет никакого отношения.

— Так я тебе и поверила, — прошипела она. — Ты хитрая мерзкая тварь, обманом пролезшая в королевскую семью Теофрении. Что скажет Его Высочество Рауль, если я расскажу, кто ты есть на самом деле? А я расскажу, будь уверена, если ты мне не ответишь, как добыла себе Сиятельность. — Она подалась ко мне и с ненавистью процедила: — Она должна быть моей.

— Я никак не добывала Сиятельность. Так что рассказывай. Не думаю, что ты сообщишь Раулю что-то, чего бы он не знал.

— А о твоём браке? — предъявила она козырь.

— Ты хотела сказать, о твоём? Мы с Сашей его расторгли, сразу после того, как я передала ему знания по целительству. — Перекошенную физиономию герцогини красивой сейчас не назвал бы никто, но я решила на этом не останавливаться: — Буквально перед тем, как я покинула тот мир, Саша помирился с девушкой, с которой он встречался раньше. Думаю, у них всё будет хорошо. И с клиникой тоже всё в порядке. Уверена, тебе это необычайно приятно узнать.

— Тварь! — выкрикнула она мне в лицо. — Ты всё испортила! Он должен был страдать до конца жизни. Потому что в его жизни не будет меня!

— А будет счастлив из-за того же.

— Я расскажу всё Теодоро.

— Рассказывай, — согласилась я. — Ему будет интересно узнать о твоём браке. Хороший такой предлог для развода. Любой менталист подтвердит, что это правда. И тогда что? Правильно. Жену — в монастырь. Герцогство — короне.

Эстефания побелела от злости, но быстро взяла себя в руки, мило заулыбалась и защебетала как ни в чём не бывало:

— Катя, извини, я немного погорячилась. Слишком неожиданно было тебя увидеть. Уверена, для всех будет лучше, если случившееся останется между нами. Ты молчишь о моих мелких шалостях, я — о твоих. Рада, что у тебя всё хорошо, и за Сашу я тоже очень рада.

Улыбка у неё получилась весьма похожей на настоящую. Настолько похожей, что, не зная я эту особу изнутри, могла поверить даже несмотря на всё то, что она наговорила. Но у меня была возможность окунуться в её мысли и чувства, поэтому я даже не стала в ответ улыбаться.

— Я не собираюсь никому ничего рассказывать.

— Вот и замечательно, — засияла она. — Я так рада, что ты заняла достойное положение. Мы с тобой теперь даже ближе, чем сёстры. Знаем друг о друге если не всё, то очень многое.

Она встала.

— Буду рада видеть вас в Муриции, когда Теодоро станет лучше и мы сможем провести приём.

Она ещё раз нежно улыбнулась, рассчитывая получить от меня ответную улыбку. На её лице проявилось недоумение, поэтому я сочла нужным напомнить:

— Ты больше не можешь использовать флёр, а без него ты не столь убедительна.

— Какая досада, — в этот раз искренне сказала она. — Хорошего вечера, Катарина.

Вышли мы не вместе. Она чуть раньше, но не потому, что я уважала её статус, а потому, что таких особ нельзя оставлять за спиной. Они на любую подлость способны.

— Ваше Высочество. Ваше Величество. — Склонившийся в поклоне дон Дарок столь радостно улыбался, словно я была его давней приятельницей. — Вижу, беседа прошла к взаимному удовлетворению.

Потеря Сиятельности его ничуть не испортила. Он всё так же напоминал киношного пирата, и всё так же играл исключительно на своей стороне.

— Да, мы с Катариной достигли взаимопонимания, — согласилась Эстефания. — Это тем приятнее, что наши страны соседствуют, а значит, хорошие отношения между правителями очень важны. Дон Дарок, мы уходим.

Она двинулась к выходу, Диего склонился передо мной в поклоне и прошептал:

— Рад, что для вас всё закончилось благополучно. А вот с Теодоро я бы не рекомендовал вам встречаться, Катарина. Во всяком случае пока в его памяти жива прежняя Эстефания. Он может догадаться.

— Дон Дарок, вы не торопитесь. — Эстефания замерла у двери и с неприязнью смотрела то на меня, то на Диего. — В чём дело?

— Отдаю дань уважения последней Сиятельной этого мира.

— А должны отдавать дань уважения своей королеве. Вы же помните, дон Дарок, что в том числе и от меня зависит, кто станет новым придворным магом?

— А что стало с сеньором Бласкесом? — поинтересовался Рауль.

— Он героически погиб, закрыв собой Теодоро, — торопливо ответила Эстефания, словно опасаясь, что кто-то озвучит другую версию. — Бедный, бедный Уго. — Она громко всхлипнула, но даже платок не стала доставать. — Горстка праха — всё, что от него осталась. Ужасное зрелище... Дон Дарок, прекратите с таким восхищением смотреть на Её Высочество Катарину. Уверена, что не

пройдёт и пара дней, как Сиятельность с неё облезет точно так же, как с нас.

Она гордо удалилась, даже не подозревая, насколько её предположение оказалось далеко от действительности. Ни у меня, ни у Рауля Сиятельность не исчезла ни через несколько дней, ни через несколько лет. Наша семья так и осталась последними Сиятельными в этом мире. Более того, она проявлялась и у наших потомков в Храме после того, как они вступали в брак, но только в случае, если тот был по любви.

Было ли это подарком Двуетидного за освобождение его мира от демонов, которое мы проводили последовательно, втайне очищая одну страну за другой? Само божество оказалось на редкость необщительным, но Рауль предположил, что расплодившиеся демоны поглощали божественную силу, делая Двуетидного с каждым годом всё слабее. Возможно, мой супруг был прав, потому что после закрытия прокола в чуждый мир больше никому не удавалось подделать благословение Двуетидного — при подобных попытках золотой свет переходил в чёрный дым, давая понять, что божество без одобрения относится к обману от его имени. Настоящие благословения тоже были, но оказались настолько редки, что все королевские семейства оставили в прошлом глупую традицию просить благословение Двуетидного при помолвках.

Забавно, но в моду вошла новая традиция: заключать королевские браки в Главном Храме Теофрении, как самом близком к Двуетидному. Из каких только стран к нам ни приезжали в надежде разжиться Сиятельностью. Это весьма положительно сказалось на экономике страны, которая за несколько лет превратилась из умирающей в процветающую.

Но засиять больше никому не удалось. Возможно, потому, что не каждый смог бы вытащить свою избранницу из другого мира и сделать так, чтобы она почувствовала этот мир своим. Ведь преград не бывает только для настоящей любви.